

Счастливчик

Алексей Наумов

Алексей Наумов

Счастливчик

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70571821
SelfPub; 2024*

Аннотация

Май в разгаре и на подмосковных дачах кипит жизнь. Пока родители заняты, Варя и Серёжа отправляются на прогулку со своим забавным скотч-терьером Степашкой. На речке они спасают странного детёныша. Малыш необычайно милый и ни на кого не похож. Дети решают взять его домой и дают имя – Счастливчик. Тайком от родителей они начинают выхаживать малыша, что стоит им немало усилий и смекалки. Однако, долго сохранить присутствие Счастливчика в доме им не удаётся. Взрослые пытаются выяснить кто же такой Счастливчик, и приходят к выводу, что это неизвестный науке зверь. После долгих обсуждений его решают оставить в доме. Забот с подрастающим Счастливчиком оказывается предостаточно, но несмотря на все трудности на даче царит приподнятая атмосфера. Папа неустанно шутит, придумывает конкурсы, ставит пьесу, отмечает несуществующие праздники, рассказывает увлекательные истории и устраивает розыгрыши, попутно неизменно попадая в различные комичные ситуации. Первая часть трилогии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	65
Глава 7	75
Глава 8	88
Глава 9	101
Глава 10	109
Глава 11	118
Глава 12	128
Глава 13	137
Глава 14	147
Глава 15	157
Глава 16	165
Глава 17	180
Глава 18	191
Глава 19	203
Глава 20	215
Глава 21	224
Глава 22	236
Глава 23	248

Глава 24	257
Глава 25	266
Глава 26	278
Глава 27	287
Глава 28	299
Глава 29	310
Глава 30	323
Глава 31	336
Глава 32	345

Алексей Наумов

Счастличик

Глава 1

Эта история началась весной, в мае, когда лес за рекой уже зазеленел и сады были полны бело-розового воздушного кружева, которое словно убегающее молоко переваливалось через шаткие изгороди и нависало по обеим сторонам переулков пышной клубящейся пеной. Тысячи пчёл деловито жужжали в ней, спеша сбросить зимнюю спячку и скорее насытиться сладким нектаром. Грузные и медлительные бронзовки, гудя точно игрушечные паровозики, низко пролетали над головами людей, и с размаху врезались в душистое вариво цветов и ползали там очумелые и пьяные, словно ожившие изумруды. Дачи стремительно просыпались и походили на огромный муравейник, пригретый тёплым солнцем. Отовсюду были слышны гудки и рокот подъезжающих машин, звучные голоса, детский плач, музыка, собачий лай и смех, смех, смех, журчавший без умолку, как звонкий весенний ручей. Тут и там жалобно стонали прокисшие за зиму дверные петли, резво стучали молотки, поправляя покосившиеся ворота и калитки, тучи пыли вздымались с бесчисленных ковров, штор, покрывал, половичков и прочих тряпок всех

цветов и размеров, которые в несметном количестве выносились на свет и дружно вытряхивались, а после, развешивались словно флаги в преддверие какого-то странного карнавала на заборах и перилах домов. Беспокойные цветастые ткани, наполняя воздух упругим хлопаньем и трепетом, точно целые улицы шли под парусом, и промытая синь неба пахла морем, и чайки с окрестных озёр кружили в нём, надеясь на лёгкую поживу и кричали пронзительно и жадно. Яркое солнце сверкало в свежевывмытых окнах и парниках, слепя и разбрасывая вокруг тысячи солнечных зайчиков. Груды подушек и перин сушились на скамейках и подоконниках, походя на последний, мятый снег, и первые бабочки садились на них и дрожали на ветру, сонно расправляя крылья. Всё было открыто настежь и птицы с любопытством заглядывали внутрь домов, перекликаясь задорно и весело, радуясь всеобщему оживлению и новому по-летнему тёплому дню.

На 2-ой Южной улице, самой зелёной и оживлённой в округе, за красным забором, на котором, как и везде, трепыхались ковры и пыльные зимние шторы, в большом доме с распахнутыми окнами и дверьми, тоже шла уборка, только здесь её называли не иначе как – Большое Весеннее Безумие, и оно было в самом разгаре.

– Безумие! Это просто Большое Весеннее Безумие! Я сойду с ума! – кричал папа и крик этот был полон радостного отчаянья. Его волосы были взъерошены, и сам он весь был весь слегка растрёпан, словно его тоже только что извлекли

из шкафа, небрежно встряхнули и отправили проветриваться.

– Где моя шляпа? Где? И мои очки? Я только что положил мои очки на комод, а их нет! Нет! Я ничего не вижу! Ничего! Ничего! Это невозможно! Просто невозможно!

Мама, не прекращая со скрипом протирать смятой газетой ещё влажное оконное стекло, как всегда спокойно предложила:

– Хорошенько посмотри везде ещё раз. Им некуда деться.

– Но я всё уже сто раз всё осмотрел! – нетерпеливо повторял папа, бегая из комнаты в комнату и путаясь у всех под ногами. – Сто раз! Тысячу! Их нигде нет! Нигде! Это кошмар какой-то!

Мама переглянулась с помогавшей ей Варей, и они обе улыбнулись, как умеют улыбаться только женщины, когда речь заходит о мужчинах или о новых туфлях.

– Значит, посмотри в сто первый раз, – отвечала мама.

Она была архитектором и любила основательность во всём.

– Тебе легко говорить, ты всё видишь! – воскликнул папа. – А я нет! Я как крот! Понимаешь?! Крот!

– Тогда почему бы Вам, мистер Крот, не пойти и не вскопать нам грядку? А Серёжа с Варей поищут пока твои очки, – резонно предложила мама.

– Нет, это невыносимо, – продолжал бушевать папа, претендуя, что не слышит её замечания. – А ещё, я только что обнаружил, что кто-то опрокинул термос в моём чемодане и

всё намокло! Хорошо ещё, что моя рукопись лежала в другом, а то бы мне всё пришлось начинать сначала. Всю книгу!

– Это ты поставил свой термос вверх ногами, когда укладывал вещи, – певуче отвечала мама. – Когда я открыла чемодан, всё уже вытекло.

– Да? – сконфуженно спрашивал папа. – Я, правда?

– Увы... – кивнула мама. – Надеюсь, там не было ничего очень важного?..

– Для писателя всё важно! – торжественно объявил папа, и тут же добавил. – Нет.

– Я очень рада, – сказала мама. – Принеси нам с Варей ещё газет, пожалуйста.

– Пап, – донеслось из прихожей, – а куда твои книги отнести? Наверх? А то они мешают.

– Книги, мой мальчик, никому ещё не помешали! – назидательно произнёс папа. – Оставь как есть. Я всё сделаю сам, как только найду свои очки. Помоги лучше маме.

– Я и помогаю, а твои книги мешают... – сказал Серёжа.

– О, господи! – воскликнул папа и схватился обеими руками за голову. – Каждый год эта безумная суета!

– Ты один суетишься, – заметила мама.

– Конечно, у вас же не пропали очки! И шляпа! Я положил её на стол, как только мы вошли, вот сюда, – папа выразительно постучал ладонью по пустому месту, – а теперь её нет. Нет! Серёжа, ты не видел мою шляпу?

– Видел, – сказал мальчик.

– Ага! – папа торжествующе огляделся, словно, наконец-то раскрыл заговор. – И где же она, позвольте спросить?

– В машине, – ответил Серёжа. – Ты её ещё не вынимал ещё...

Мама с Варей прыснули со смеху и с удвоенной силой закрипели газетами.

Хм, – произнёс папа, почёсывая нос. – Странно, странно... Я определённо надевал её, когда выходил из машины... Очень странно. Но, в любом случае, я ничего не вижу без моих очков!

И он снова забегал по всему дому и даже на всякий случай заглянул в печку, но очков не было и там.

Свежесть постепенно наполняла дом. Беспечный ветерок разгуливал по комнатам и шелестел страницами книг и журналов. Толстый майский жук влетел в окно и, ударившись о стену, упал на пол. Степашка, прелестный маленький скотч-терьер, скакал вокруг него точно котёнок, скалясь и делая вид, что вот-вот ухватит его зубами, но не решался и только яростно фыркал, трясая своей косматой головой и громко чихал. В конце концов, он так раззадорился, что почти схватил жука и тот, к ужасу Степашки, запутался в его густой бороде и никак не хотел отцепляться. Не то, взвизгнув, не то, хрюкнув, Стёпа, под оглушительный хохот всех собравшихся, опрометью кинулся из комнаты и стал носиться по участку, подскакивая и крутя головой. Рассерженный жук давно выбрался из его шерсти и упал на траву, но Степа сделал ещё

добрых два круга вокруг цветника, прежде чем окончательно остановился и принялся тщательно вытирать свои драгоценные бороду и усы о землю, фыркая ещё оглушительнее, чем прежде.

"Ничего смешного, – думал Степашка, закончив вытираться и направляясь в тень жасмина. – Я совсем не испугался этого огромного жука, который коварно набросился на меня... Я просто хотел поиграть с ним... Я всегда играю с жуками..."

Утирая слёзы на глазах, папа с размаху опустился в старое велюровое кресло, но тут же вскочил и, с самым изумлённым видом, начал осматривать свои раздавленные очки, которые он сам же сюда и положил час назад. Мама деликатно откашлялась и позвала ребят в маленькую комнату, что бы закончить уборку на первом этаже, но сквозь стенку было слышно, как они хихикают. Папа сконфуженно качал головой, пытаясь поправить оправу, но на его губах играла улыбка. В конце концов, он водрузил погнутые очки на нос и, высоко задрав голову, прошагал вслед за остальными.

– У меня появилась отличная идея! – объявил он с порога.

– И какая же? – осторожно спросила мама.

– Я иду варить кофе. И все, кто хорошо себя вёл, приглашаются в беседку через четверть часа, на торжественную церемонию открытие нового сезона!

– Ура! – закричала Варя. – А торт будет?

– Очень может быть... – загадочно ответил папа и, расце-

ловал жену и дочь в их румяные щёчки.

– А костёр? – спросил Серёжа. – Костёр вечером будет?

– Возможно, возможно... – тем же таинственным тоном отвечал он.

– Здорово!

– А пока, пойдём, поможешь мне вынести стол и стулья.

– А ещё, ты обещал сделать мне лук и стрелы, – напомнил мальчик.

– Будет тебе и лук и стрелы, при условии, что ты не будешь стрелять в птиц.

– Даже в ворон нельзя? – спросил слегка озадаченный Серёжа.

– Даже в ворон, – ответил папа. – У них сейчас птенцы, помни об этом.

– Хорошо... – сказал мальчик.

– Пойдем, не будем мешать нашим дамам, – сказал папа. – Дамы, – папа галантно поклонился и поцеловал ручки обеим дамам, – не забудьте, через четверть часа в беседке!

Когда они вышли, мама опять переглянулась с Верой, и та, со всей снисходительностью 8 летней девочки вздохнула:

– Мужчины!

– Да.

– Мам, а ты любишь папу? – спросила Варя, немного помолчав.

– Конечно, моя хорошая, – сказала мама, улыбаясь.

– И я тоже, – сказала Варя. – Только он очень странный.

– Просто он писатель, а писатели все очень странные.

Они почти закончили убирать маленькую комнату, когда с улицы донеслось:

– Кофе готов, леди и джентльмены! Прошу к столу!

Вслед за этим, зазвучал гонг – это папа, высунувшись из дверей кухни, стучал деревянной скалкой по большому медному тазу, в котором осенью мама с Варей варили варенье. От неожиданного грохота, сладко задремавший в тени жасмина после конфуза с жуком Степашка вскочил на ноги и с громким лаем кинулся на шум. Поняв свой промах, он сладко зевнул, выгнулся по-кошачьи, и затрусил вслед за папой, который торжественно нёс большой металлический кофейник полный горячего, ароматного кофе. Стол на веранде уже был накрыт и все быстро расселись по своим местам. Варя и Серёжа не могла отвести глаз от большого шоколадного торта, который мама испекла накануне. На его матовой, почти чёрной поверхности, белым густым сливочным кремом было выведено два слова «НОВЫЙ СЕЗОН» и красовалось целых три восклицательных знака.

– Целых три, – восхитилась Варя. – А так можно?

Это был её любимый вопрос.

– Конечно можно, – заверил её папа. – Если мама так написала, значит можно.

– Но ведь это ты писатель, а не мама? – удивилась Варя.

– Это верно, – согласился папа, – но дело в том, это торт, а у тортов свои правила, и мама знает их лучше меня. По

слухам, она даже посещала специальные колдовские курсы по тортопечению в Марокко...

– А разве есть такие курсы? – удивилась Варя.

– Разумеется, – ответил папа. – Ты думаешь, почему у мамы всё такое вкусное, а?

– Потому что она всё делает правильно? – предположила Варя, вызвав мамин смех.

– И это тоже, – махнул рукой папа. – Но главный её секрет, это магия... Ты видела, как она смотрит на тесто?..

– Как? – спросила Варя.

– Как настоящая колдунья! – прошептал папа, кося глаза на маму. – Я сам видел, как однажды она забыла положить дрожжи, но тесто всё равно поднялось, и было очень пышным!.. Думаю, она может сделать торт даже из речного песка, а крем из крапивы и всё равно он будет чертовски вкусный!.. Кстати, ты видела, как она держит метлу, когда подметает пол на кухне? Присмотрись... Это многое тебе объяснит...

– А кто будет разрезать торт? – нетерпеливо спросил Сергей, как всегда интересуясь практической стороной вопроса.

– Я, я, – попросила Варя, вытянув как на уроке правую руку вверх, – можно я?!

– Не всё так просто, – многозначительно сказал папа. – Но сначала, дорогие мои, позвольте мне, в этот замечательный, майский день, поздравить всех нас с новым дачным сезоном, который, я надеюсь, будет чудесным! Ура!

– Ура-а-а! – загремело над столом, и все сдвинули кофей-

ные чашки, словно маленькие бокалы.

– А теперь, – тоном конференсье заговорил папа, – по нашей стародавней традиции, право разрезать этот восхитительный праздничный торт, разработанный и сконструированный нашей несравненной мамой, предоставляется...

Папа выдержал долгую, театральную паузу, во время которой Стёпа даже тихонько заскулил от нетерпения.

– ... предоставляется... тому... кто... найдёт под своей тарелкой счастливую монетку!

– Ой! – вскрикнула Варя и быстро перевернула свою тарелочку, но, увы, под ней было пусто. Вслед за ней, тарелку перевернул Серёжа, но и его ждало разочарование.

– Интрига нарастает, – комментировал ситуацию папа. Его глаза смеялись за погнутой оправой очков, которую он небрежно скрепил изоляционной лентой.

– Ну, что, дорогая моя, – обратился он к маме, открываемся?

– На счёт три.

– Раз. Два. Три!

Они одновременно подняли свои тарелки, но, ни у кого из них монетки тоже не оказалось!

– Эй, что такое? – возмутился Серёжа. – Как так?!

– Да, – сказала Варя, – как так, папа? Где же счастливая монетка?

– Ты, наверное, забыл положить монетку? – участливо спросила мама.

Папа изумленно смотрел на стол и судорожно шарил по своим карманам.

– Не может быть! Я точно помню, что положил её под какую-то тарелку! Я абсолютно уверен!

– Вот она, – вдруг закричала Варя, ныряя под стол и выскальзывая обратно с большой старинной медной монетой в руке, – вот она! Я нашла!

Папа осторожно взял монетку из её рук и тщательно осмотрел, словно удостовераясь, что у той нет маленьких ножек.

– Странно, странно, – пробормотал он. – Очень странно... Должно быть, она каким-то чудесным образом укатилась... Однако, в любом случае, монетку нашла Варвара, и право разрезать торт предоставляется ей. Прошу вас, леди!

Глава 2

Кофе был почти выпит и папа, удобно откинувшись в плетёном кресле-качалке, застеленном шерстяным пледом, неспешно допивал последнюю чашку, держа жмурившегося от удовольствия Степашку у себя на коленях, и неспешно разглагольствуя с мамой, о том, как ему лучше ухаживать за своими розами, которых у него было «великое множество». В прошлом году, в один день, Варя насчитала 121 распустившийся бутон розовых, белых, красных, оранжевых и даже, синих роз, которые, впрочем, вовсе не были синими, а просто так назывались. И папа, конечно же, хотел этот рекорд побить. Ребятам было не очень интересно слушать их разговор, им не терпелось поскорее проведать свои владения, которые они не видели много месяцев.

– Пап, мам, а можно мы пойдём, погуляем? – спросил Серёжа.

– А как же скворечник? Мы хотели повесить скворечник? – спросил папа.

– Мы вернёмся и повесим. К тому же, мы его ещё не покрасили, – ответил Серёжа.

– Вы хотите покрасить скворечник? – поинтересовалась мама.

– Да, сказал папа. – И притом самыми яркими цветами.

– А так можно? – спросила, как вы сами понимаете, Варя.

– Думаю, да, – ответил папа. – Почему нет? мы же красим дома в яркие цвета.

– Птицы могут испугаться, – сказала мама.

– Ничего, – успокоил её папа, – зато у нас будут жить самые смелые скворцы в округе! Варвара, у тебя есть краски?

– Да, – кивнула Варя.

– Вот и замечательно, – сказал папа, весело потирая руки. – Когда вернётесь, мы покрасим скворечник и вечером повесим его на сосну.

– А их не смоеет дождём? – спросил Серёжа.

– Хм, – задумался папа, но потом просиял. – Мы покроем скворечник лаком!

– Боже мой, – обречённо сказала мама, – несчастные птицы. Мало того, что их дом будет их пугать, так ещё и ужасно пахнуть.

– Ерунда, – сказал папа, которого трудно было остановить, если ему в голову приходила какая-нибудь «великолепная» идея. – У меня осталось немного отличного мебельного лака в сарае, за ночь он высохнет, и птички буду очень счастливы в своём новом домике. Правда, Варвара?

– Да! – обрадовалась Варя. – А у них будут окошки?

– Честно говоря, я не думал об этом, – пробормотал папа, – а они должны быть?

– Конечно, это же домик, – сказала девочка.

– Я не очень уверена, что скворцам понравится, если у них буду окошки, – сказала мама, – Им будет неуютно и холодно.

– Жаль, – сказала Варя. – Я хотела сшить им маленькие шторы.

– Как мило, – сказала мама. – Но им и вправду будет лучше, если окошек не будет.

– Я придумал, – сказал Серёжа. – Мы им нарисуем окошки!

– Великолечно! – поддержал идею папа. – И окошки, и шторы, и даже маленькие горшочки с цветами на подоконнике!

– Ура, ура, – захлопала в ладоши Варя. – А можно нарисовать рядом с цветами кошку?

– Кошку, – с притворным сомнением покачал головой папа. – Как ты думаешь, дорогая, можно нарисовать на скворечнике маленькую кошку в окне?

– Только если совсем малюсенькую, – ответила мама.

– Я нарисую совсем крошечную, – пообещала Варя, – совсем котёночка!

– Вот и славно, – подытожил беседу папа, – а теперь, быстро помогаем маме все убрать и бегите, гуляйте, пока тепло.

– Хорошо! – хором ответили дети.

– Только смотрите, – предупредил папа, – аккуратнее у канавы, а лучше всего, вообще туда не ходите. Идите на поле.

– И не опаздывайте к обеду, – сказала мама.

– Да, не опаздывайте. И, дорогая, ты не знаешь где мой пиджак? Мне кажется, я убрал его в шкаф, когда мы уезжали прошлой осенью, но сейчас его нет там. Это просто дом

с привидениями, которые постоянно перекладывают все вещи!

– Не все, – засмеялась мама, – а только твои!

– Всё равно, – сказал папа, – согласишься, это удивительно! Впрочем, что тут удивительного, мы же живём с колдуньей...

И они оба засмеялись. Степашка спрыгнул с колен папы и помчался за ребятами, предвкушая долгую прогулку. Варя старательно надела ему на шею ошейник с маленькой табличкой, на которой был выгравирован телефон, на случай, если Степашка потеряется, и все трое отправились в путь, прихватив сачок для бабочек, который нес Серёжа.

Сначала они действительно пошли на поле, но дорога в одном месте оказалось такой грязной после весеннего половодья, что они невольно свернули в сторону и пошли к речке, которая текла вдоль дач, отделяя их от болот. Говоря по правде, это была и не речка вовсе, просто все в округе так её называли и даже хотели поставить табличку с её названием, но так его и не придумали и все называли её просто – речка. Папа рассказывал, что когда-то давно, это был один из притоков небольшой реки, но потом она высохла, и на этом месте сделали дорогу и построили дачи. Тогда то, старое русло и решили использовать как водоотводную канаву. Его прочистили и выпрямили, а в том месте, где дачи заканчивались, продлили дальше, до настоящей реки, которая брала своё начало где-то в глубине леса и, сделав пет-

лю, вновь уходила в него, разливаясь в болота. Папа вообще много знал про эти места. В его «кабинете», на втором этаже дачи, лежало много старых карт и книг, и Серёжа с Варей с удовольствием рассматривали их, представляя, что они перенесены на сто или двести лет назад и гуляют по этим местам. Поэтому, или почему-то ещё, трудно сказать точно, когда они подошли к «речке», им стало немного скучно и, поймав несколько бабочек, которые, как назло, все были одинакового и совершенно неинтересного бледно жёлтого цвета, они, не сговариваясь, двинулись дальше, вниз по течению. Степашка мчался далеко впереди, пытаясь поймать синих шуршащих стрекоз, которые, словно дразня его, зависали в воздухе прямо у его носа и молниеносно улетали, когда он с лаем бросался на них. Варя разглядывала первые маленькие цветочки, которые уже тянулись к солнцу, а Серёжа, просто болтал сачком, подставляя лицо солнцу. Участки давно закончились, но они неспешно брели дальше, немного разморённые неожиданным для мая зноем и спустя какое-то время вышли к реке. Течение здесь было сильным, и воздух ещё пах снегом и, совсем немного, болотом. До противоположного берега было метра метров пять, и вода пенилась и кружилась в тысячах мелких водоворотах, неся ветви и прочий мелкий мусор.

– А река глубокая? – спросила Варя, осторожно заглядывая с берега в тёмную воду, бежавшую у её ног.

– Не очень, – важно отвечал Серёжа, который слыл рыбо-

ловом и бывал здесь не раз. – Сейчас вот высоко вода стоит, а к лету мелко будет, по пояс.

– А тут водятся бобры? – спросила Варя

– Водятся, – кивнул мальчик.

– А ты их видел?

– Нет, – честно признался Серёжа. – Только выдру.

– Ой, а кто это? – спросила Варя.

– Это такая большая водяная крыса, – объяснил Серёжа.

– Фу, крыса, – сказала Варя. – У них противные хвосты!

– И ничего они не противные, – возмутился Серёжа, – а очень даже хорошие. Выдры умные и весёлые.

– Противные, противные! – настаивала Варя.

– Ну и не смотри тогда, – сказал мальчик, надувшись. –

Пойдём домой.

– Я не хочу домой. Я устала.

– Давай посидим, посмотрим, может быть, кто-то проплывёт.

– Давай, – обрадовалась Варя. – А бобры, они злые?

– Нет, – засмеялся мальчик.

– А они нас не укусят? – уточнила Варя, которая никогда не видела бобров живьём и немного опасалась встречи с ними.

– Нет, конечно! – сказал Серёжа. – К тому же, с нами Степашка, забыла?

– Точно, – сказала Варя. – Я забыла. Степашка, иди ко мне!

Степашка подбежал к своей маленькой хозяйке, и она по-

гладила его по голове.

– Хороший, Степашка, умный. Ты нас защитишь от бобров?

Степашка повилял хвостом и, привстав на задние лапы, лизнул Варю в нос.

– Конечно, защитит. Смотри, какой он сильный!

Серёжа крепко обхватил Степашку за бока и потряс его.

– Одни мускулы!

– А если лиса прибежит, он не испугается?

Мальчик снисходительно хмыкнул.

– Если хочешь знать, скотч-терьеров специально использовали для охоты на лис. Пусть она только покажется, он её вмиг цапает! Видишь, какие у него зубы?

Степашка раздувшись от важности безропотно позволил Серёже показать его клыки Варю.

– Так схватит, что от неё только шерсть полетит!

– Ой, я не хочу, что бы он её цапал, – испугалась Варя, которая любила всех зверей, кроме змей и пауков. – Мне жалко лисичку. Ей будет больно.

– А мы его сразу обратно позовём, – смилостивился брат, – и он её не тронет, только прогонит.

– Хорошо, – просияла Варя, и тут же снова спросила брата. – А если волк прибежит?

– Тут нет волков, – буркнул Серёжа.

– А вдруг, – не сдавалась девочка. – Вдруг они прибегут?!

– Они тут не ходят, они далеко отсюда.

– За тысячу километров!?

– Ну, не за тысячу конечно...

– А за сколько?

– Ну, километров за сто...

– А это далеко?

– Это как отсюда и до Москвы, – ответил Серёжа.

– О-о-о, – протянула Варя, вспомнив, как долго они ехали на дачу, – это очень далеко!

– Вот видишь, им тут нечего делать.

– Ну, а если они всё-таки прибегут? Ну, вдруг, вдруг, вдруг! – настаивала Варя. – Степашка нас защитит от них, да?

Серёжа с сомнением посмотрел на смешного терьера, который только что спотыкнулся на ровном месте и, перелетев через голову, упал в траву.

– Ну, если волк не очень большой... – начал Серёжа.

Варя доверчиво смотрела на брата. Её голубые глаза были полны надежды.

– ...и не очень голодный, – продолжил он, – то, пожалуй, Степашка его может прогнать...

– Ой, ну какой он у нас замечательный! – выдохнула Варя. – Можно я ему печенью дам?

– Папа не разрешает вообще то...

– Я немножко совсем, пожалуйста!

– Хорошо, только немного.

– Стёпа, Стёпа, иди ко мне.

Степашка, чуя угощение, вихрем промчался среди кустов и, аккуратно взяв лакомство, чинно отошёл в сторону. Каким бы маленьким не был кусочек чего-нибудь вкусного, он всегда ел очень деликатно и неспешно. Вот и сейчас он ухитрился откусить от четвертинки печенья крохотный кусочек и медленно жевал его, словно растягивая удовольствие.

"Давно пора подкрепиться, – думал Степашка, подбирая крошки. – Я же сторожевой пёс, мне нужно хорошо кушать. Я уже прогнал два десятка стрекоз и двух бабочек!.. Ох, нелёгкое это дело, охранять своих хозяев... "

– А откуда эта река течёт? – спросила Варя, незаметно передавая Стёпе ещё кусочек лакомства.

– Из лесного озера, которое в самой глубине леса, за болотами.

– В самой глубине! – простодушно восхитилась Варя.

– Да, – сказал Серёжа. – Папа говорит, что она из озера вытекает, потому что в нём ключи бьют.

– Как это – ключи бьют? – не поняла Варя.

Серёжа уже открыл рот, что бы объяснить, что это значит, как вдруг Степашка, мирно доедавший вторую порцию печенья, наострил свои уши и заворчал, глядя куда-то на реку.

– Ой, бобры! – зашептала Варя, держась на всякий случай за братом. – Он, наверное, бобров увидел! Да? Где они?

– Да нет там никого, – сказал Серёжа, который стоя смотрел на реку, приложив ладонь к глазам.

– Есть, есть, я знаю! – снова зашептала Варя. – Стёпочка,

кто там?

Степашка, не глядя на них, заворчал чуть громче, а после, заскулил, словно от нетерпения.

– Вон! – закричала Варя, дёргая брата за рукав. – Я вижу его! Вон – на островке!

– Где?

– Да вон же, вон. У того берега!

И действительно, недалеко от них, ближе к противоположному берегу, на небольшом торфяном острове, который, очевидно, подмыло, где то в глубине леса, лежал какой-то крохотный зверёк, похожий не то на бобрёнка, не то на маленького щенка. Он громко пищал, как пищат новорожденные котята, и был мокрым с ног до головы. Серёже показалось, что его шерсть была вся облеплена зелёной болотной тиной. Торфяной островок быстро крутился, приближаясь к тому месту, где стояли ребята, и зверёк отчаянно цеплялся за него своими маленькими лапками, испуганно пища.

– Он утонет! – закричала Варя. – Мы должны его спасти!

Но Серёжа уже бегал вдоль берега в поисках длинной палки, которой можно было бы поймать островок.

– Скорей! Скорей! Он уже близко! – кричала Варя.

Но все палки были слишком коротки и ребята с отчаяньем видели, как зверёк подплывает всё ближе и ближе и не знали, что делать. Степашка носился взад вперёд по берегу с громким лаем, но не решался прыгнуть в холодную, быструю воду, которая, несомненно, унесла бы его очень далеко.

– Он уплывает, уплывает! – в ужасе выдохнула Варя, когда островок поравнялся с ними и поплыл дальше, унося плачущего кроху.

– Серёжа! мы должны ему помочь! Мы должны!

– За мной! – бросил Серёжа и побежал в другую от удалявшегося малыша сторону.

– Ты что? Ты куда? – заволновалась Варя. – Не туда!

– Скорей! Скорей! – кричал ей Серёжа, – потом объясню! Бежим!

Они побежали через кусты, а потом по подтопленному лугу. Степашка еле поспевал за ними, путаясь в прошлогодней траве и возмущённо тьякал, вслед хозяевам. Потом берег снова стал сухой и он нагнал ребят как раз в тот момент, когда они остановились у старого узкого мостика, перекинутого через реку. Собственно мостик представлял собой две шаткие, посеревшие от времени доски и едва державшиеся перила.

– Нам нужно на ту сторону, – сказал Серёжа, с трудом переводя дух.

– Зачем? – спросила Варя, которая от быстрого бега стала розовой.

– Там, – Серёжа махнул вперёд, – река снова в лес возвращается и там есть ещё один мостик, мы с него его и поймаем, сачком! Скорее, а то не успеем, течение очень быстрое.

Варя с опаской посмотрела на мостик.

– А он не упадёт, – спросила она.

– Нет, – убеждённо сказал мальчик. – Я по нему много раз ходил, только качается сильно. Давай руку.

– Мне страшно, – захныкала Варя. – А вдруг я упаду?

– Варя, он же утонет! – закричал Серёжа.

– Ой! – сказала девочка, но пересилив свой страх, взяла брата за руку и подошла к переправе.

Первым по мостику пробежал Степашка. Доски почти не прогибались под его весом, и он легко достиг другого берега.

– Теперь мы, – сказал мальчик. – Только не отпускай мою руку, чтобы не случилось!

– Хорошо, – серьёзно сказала Варя.

– Идём.

Они ступили на доски и те сразу же закачались и жалобно заскрипели под их тяжестью.

– Не бойся, – сказал мальчик. – Они всегда так скрепят.

– Я не боюсь, – сказала Варя, крепко держа брата за руку.

Они медленно двинулись вперёд, держась одной рукой за перила. Когда они достигли середины реки, мостик так прогнулся, что подошвы их ботинок почти касались воды.

– Всё нормально, – приговаривал Серёжа, стараясь приободрить сестру – здесь так всегда.

Но Варя уже действительно перестала бояться и храбро шла за братом, думая только о том, как бы поскорее спасти малыша. Перейдя мост, они снова побежали по узкой тропинке.

– Быстрей, быстрей, – поторапливал её брат, но Варя не

могла бежать быстрее. Её ноги заплетались и не слушались её. Наконец, они добрались до берега.

– Нет! – выдохнул Серёжа! – Нет! Почему?!

Точно такой же мостик-близнец, через который они недавно перешли, был снесён паводком, и от него осталось только одна доска, с трудом доходившая до середины реки.

– Что же нам делать?! – с отчаяньем воскликнула Варя.

Серёжа ещё раз окинул взглядом мостик и принял решение.

– Я попробую его достать с мостика, – сказал он.

– Но он же весь разрушен! – сказала Варя.

– Там осталась доска, я лягу на неё и попробую достать его нашим сачком, – сказал мальчик.

Варя с восхищением посмотрела на него. Серёжа сделал несколько шагов по доске, потом встал на четвереньки, а после, лёг на неё животом и прополз вперёд, так что его плечи и голова висели над водой.

– Крикни, как его увидишь, – сказал он.

– Я уже вижу, – сказала Варя.

– Далеко?

– Нет. Ой! Он свалился с плотика! Нет, держится! Хватай его, Серёжа, хватай!

Вращающийся островок подплыл к остаткам мостика, и Серёжа вытянул руку с сачком, готовясь подхватить малыша, который почти уже не пищал, а просто судорожно цеплялся за край своего спасительного куска суши. Когда он оказал-

ся прямо напротив мальчика, тот, одним взмахом подхватил его из воды в сачок.

– Поймал! – закричала с берега Варя, прыгая от радости. – Поймал! Ура!

Мальчик, тем временем, медленно отползал назад, держа сачок высоко поднятым. Он уже встал на четвереньки, как тонкое древко, рассчитанное на бабочек, хрустнуло, и малыш упал в воду, запутавшись в складках сетки. Он был совсем рядом с Серёжей. Но тот никак не мог дотянуться до него, и течение медленно относило его от моста. В этот момент, Степашка, неожиданно прыгнул в воду, быстро подплыл к барахтающемуся зверьку и, крепко ухватив обломок ручки зубами, поплыл к берегу, таща его за собой.

– Сюда, сюда! – кричали ему ребята, так как мокрые брови залепили Степашке глаза, и он почти ничего не видел.

Течение сносило его, но быстро грёб своими маленькими лапками и выбрался, наконец, на берег метрах в тридцати от ребят. Опустив свою ношу на землю, он отряхнулся и гавкнул, на странное существо, которое лежало перед ним и почти не подавало признаков жизни.

– Стёпа, нельзя! Не тронь! – наперебой кричали ребята, но он и не собирался обижать странного зверька, а только следил, чтобы тот снова не скатился в воду.

Серёжа быстро высвободил малыша из сетки и с облегчением увидел, что тот дышит.

– Живой, – облегчённо выдохнул он.

Он вытер малыша краем своей куртки и поднёс его ближе к Варя, что та тоже могла его рассмотреть.

– Кто это? – спросила Варя. – Бобрёнок?

– Я не знаю, – сказал мальчик. – Никогда такого не видел.

– Он весь зелёный! Может он испачкался?

– Не похоже, – задумчиво сказал мальчик.

Они снова принялись разглядывать кроху, который легко умещался на Серёжиных ладонях. Он действительно был немного похож на маленького бобрёнка, с таким же гладким и густым мехом, с той лишь разницей, что он был сочного зелёного цвета. Хвостик у него был совсем крохотный, а глаза, неестественно крупными для такой небольшой головы. Его мордочка напоминала голову маленького медвежонка, и когда он открывал крохотный розовый ротик, то там можно было увидеть множество маленьких белых зубов, с виду весьма острых.

– Может он из зоопарка убежал? – высказала свою догадку Варя.

– Ха, откуда здесь зоопарк? – сказал Серёжа.

– Может там, откуда он приплыл, есть зоопарк, – сказала Варя.

– Говорю же тебе, эта река течёт из самой чащи леса, – сказал мальчик. – Там ничего нет и кругом одни болота.

– Тогда кто же это?

В этот момент отдышавшийся малыш громко замыкал и испуганно заморгал своими большими глазами, вокруг кото-

рых, к восторгу Вари, были видны длинные реснички.

– Совсем как котёнок мяукает! – умилилась девочка. – Мы же возьмём его, да?

Мальчик не успел ответить, как Варя уже взяла малыша в руки, и спрятала себе под куртку.

– Осторожно, он может укусить, – предупредил её брат.

– Да нет же, – сказала Варя, любовно прижимая кроху к груди, – Он ещё маленький.

Переговариваясь на ходу и делясь своими догадками, ребята направились к дому, не забыв всячески приласкать и похвалить Степашку, который, к слову сказать, совершенно не загордился и вёл себя очень достойно, как и подобает настоящим героям.

"Ничего особенного... – думал отважный скотч-терьер. – Я всегда готов помочь маленьким... Мне вот только интересно, а у Вари осталось немного печенья? Кажется, я заслужил ещё один кусочек или нет?.."

Глава 3

Когда они приблизились к дому, Серёжа замедлил шаг, а потом совсем остановился.

– Идём скорее! – сказала Варя. – Его нужно покормить!

– А нам разрешат его оставить у себя? – спросил он.

От этого простого вопроса Варя погрузилась.

– Я не знаю...

– Помнишь, – сказал он, – мы принесли больного голубя, и нам не разрешили держать его дома.

– Но он жил на балконе, в коробке, пока не выздоровел, а потом мы его отпустили.

– Но это не голубь... – сказал мальчик. – Нам даже котёнка не разрешают взять, потому что у нас уже есть Степашка, а тут он...

– Как же нам быть? – спросила Варя. – Он же такой маленький!

– Мы должны его спрятать!

– Спрятать? – оживилась девочка. Она обожала играть в прятки. – А где? Может у меня под кроватью?

– Нет, мама найдёт, и к тому же ночью он может запищать...

– А где же тогда? – спросила Варя.

– Мы спрячем его под домом, – придумал мальчик.

– Ой, там темно и страшно, – сказала Варя.

– Ты, что, трусиха?

– Нет, – подумав, сказала Варя. – Просто там страшно.

– У папы есть фонарик в сарае, мы возьмём его, и там будет светло, – сказал Серёжа.

– А ему не будет там скучно? – спросила Варя. – Он же совсем крошка?

Она посмотрела на малыша, который сладко спал у неё под курткой, свернувшись калачиком и снова на брата.

– Мы будем его часто навешать днём, и брать с собой на прогулку, – сказал Серёжа, – а ночью... Ночью он будет спать.

– Здорово! – обрадовалась Варя. – А он не замёрзнет там?

– Я всё продумал, – ответил мальчик. – Мы сделаем ему домик!

– Ой, как хорошо! А из чего?

– Из картонной коробки, а в неё положим старую Степашкину подстилку. Ему будет тепло и уютно, как в норке.

– Ты думаешь, он живёт в норке? – спросила Варя.

– Наверняка, – уверенно сказал Серёжа, хотя и не знал, чем вызвана эта его уверенность, потому что ни в книгах, ни по телевизору он таких зверей никогда не видел.

– А можно я Гале расскажу, – с надеждой поинтересовалась Варя. – По секрету!

– Ни в коем случае! – сказал Серёжа. – Никому!

– Даже по секрету? – уточнила Варя.

– Особенно по секрету, – сказал мальчик. – И вообще, давай поклянёмся, что ничего никому не скажем.

– Давай, – охотно согласилась Варя. – А как?

– Просто, скажем – Клянёмся! – и всё.

– А этого достаточно?

– Думаю да, – сказал Серёжа, – мы же брат и сестра.

– Верно, – сказала Варя. – Хорошо, что ты всё знаешь.

– Ну, давай.

– **КЛЯНЁМСЯ!** – сказали они хором.

– Отлично. А теперь, жди меня здесь, за кустами, а я пойду и посмотрю, где папа и мама. Когда я махну рукой вот так, беги ко мне и сразу под дом, дверцу я открою. А если я вот так замашу, то прячься. Поняла?

Варя кивнула головой.

– Всё, я пошёл.

Серёжа, в сопровождении Степашки, крадучись побежал вдоль изгородей к своему участку и исчез за калиткой, а Варя осталась сидеть одна под кустом вербы. Малыш мирно спал и иногда сладко зевал, показывая крохотный язычок. Он и вправду немного походил на бобрёнка, но зубки у него были как у щенка, а нос, розоватый, точь в точь как у котёнка, которого Варя недавно видела у своей подруги. Иногда он открывал свои огромные глаза и сонно смотрел на Варю, и она гладила его по мохнатой, шелковистой мордочке и он снова засыпал, стараясь теснее к ней прижаться. Она так увлеклась крохой, что не видела отчаянных взмахов рук своего брата,

который уже отчаялся привлечь её внимание и, рискуя быть замеченным, даже свистнул, заложив два пальца в рот. Но Варя не выходила. Потеряв терпение, он побежал обратно, но вдруг остановился и снова замахал руками.

– Ой, – опомнилась Варя. – Серёжа мне машет.

Вскочив на ноги, она выскочила из кустов на переулок и практически врезалась в большой живот дяди Бори, их соседа по переулку, который вышел из чьей-то калитки.

– Варвара! – пробасил он, потирая своё огромное брюхо обтянутое старой клетчатой рубахой. – Ты куда так спешишь? Пожар? Чуть с ног меня не сбила.

– Здравствуйте, дядя Боря, – испуганно пролепетала Варя. – Извините, пожалуйста, я больше так не буду...

– Здравствуй, здравствуй, – сказал дядя Боря. – Ты домой бежишь?

– Да.

– Вот и отлично, я как раз хотел твоего папу повидать. Пойдём вместе.

Варя похолодела и крепко сжала малыша под своей курткой.

– Да что с тобой, ты какая-то бледная? – участливо поинтересовался дядя Боря. – Что-то случилось?

– Нет! – испуганно замотала головой Варя, ещё больше бледнея и не зная, что говорить.

– А что это у тебя там? – спросил дядя Боря, кивая на топорщашуюся Варину куртку.

– Ничего! – с вызовом сказала Варя.

– Ничего, – повторил дядя Боря и его глаза заискрились смехом.

Большая, косматая борода закрывала большую часть его лица, и никогда нельзя было понять, шутит он или говорит серьёзно, поэтому Варя немного опасалась его.

– Это секрет, – добавила она. – Вот!

– Ах, ну так это совсем другое дело, – произнёс дядя Боря и его глаза уже откровенно лучились смехом.

– Ну, так, что, Варвара, пойдём домой?

– Нет, мне не надо домой, – выпалила Варя и, даже не попрощавшись, повернулась к дяде Боре спиной и стремглав кинулась в лес.

– Стой, Варвара, стой, ты куда?! – гремел за её спиной раскатистый бас, но Варя бежала, как летела и остановилась, только когда совсем уже совсем запыхалась. От тряски малыш проснулся и начал пищать и мяукать. Варя гладила его по головке и даже поцеловала в прохладный нос, но он не хотел успокаиваться, и жаловался всё сильнее и сильнее, и Варя не знал, что делать. От растерянности она сама начала всхлипывать и озираться вокруг, но кругом никого не было. Лес был залит солнцем и пах молодыми почками и нагретой на солнце землёй. Птички беззаботно щебетали над её головой, но ей было совершенно не до веселья и вдобавок ко всему, Варя поняла, что забыла по какой тропинке бежала и в какую сторону ей нужно теперь идти обратно. От страха она

совсем уже было заплакала, но сдержалась, вспомнив слова папы, что если ты заблудился в лесу, то плакать нельзя ни в коем случае. Он не помнила, почему именно нельзя, но точно знала, что это плохо. Поэтому она вытерла глаза и внимательно огляделась. Всё тропинки казались одинаковыми, и лес вокруг был незнакомым, но Варя была храброй и умной девочкой.

– Так, – сказала она вслух, поглаживая малыша, – я бежала совсем чуть-чуть и я где-то рядом. Я пройду немного по вот этой большой тропинке и, если не приду домой, то вернусь обратно и пойду по ней в другую сторону.

От такого простого и понятного плана, ей сразу стало легче, и она пошла по самой большой тропинке, стараясь никуда не сворачивать и, через пять минут, увидела сквозь кусты крыши домов. Обрадовавшись, она ускорила шаг и вышла на дорогу, которая оказалась соседним с её переулком. Боясь снова наткнуться на дядю Борю, она осторожно прошла по самой кромке зелени до своего переулка и увидела запыхавшегося брата, который уже успел облазить все кусты в округе в её поисках.

– Уф, – устало отдувался он, согнувшись и оперев руки на колени. – Ты где была? Я всю рошу обегал?

– Я пряталась от дяди Бори, а потом немножко заблудилась.

– Я же тебе махал, что бы ты ни высовывалась!

– А я думала, ты меня зовешь...

– Неважно. Идём скорее, папа с мамой в магазине.

Они быстро добежали до своего участка. Заперли калитку и нырнули в маленькую дверцу под домом, которая вела в подпол.

– Ой, тут темно! И паутина! – сказала девочка, оглядывая.

– Не бойся, я сейчас включу свет.

Мальчик зажёл небольшой фонарик и осветил по сторонам. Под ногами у детей лежал крупный прохладный песок, на котором кое-где валялись доски, стояли какие-то канистры и баки, а в дальнем углу виднелись рулоны полиэтиленовой плёнки и разный старый хлам.

– Туда, – сказал Серёжа и осветил фонариком на фундамент печки. – За ним спрячем его. Там сухо и не видно, даже если кто-нибудь под дом заглянет. Только осторожно, тут низко совсем.

Согнувшись в три погибели, они обогнули бетонное основание печки и оказались на небольшом сухом пяточке земли.

– Сиди тут, – сказал Серёжа, – я принесу коробку и плёнку, что бы подстелить на землю.

– Я боюсь! – призналась Варя.

– Вот, держи фонарь. Я мигом.

Мальчик отдал фонарь сестре в руки и исчез в темноте. Варя села на корточки и осветила на плачущего малыша.

– Потерпи, маленький, потерпи. Сейчас мы тебя в домик положим и покормим.

Но малыш не хотел больше терпеть и мяукал непрерывно,

дергая своими маленькими лапками и широко открывая розовый ротик. Вскоре вернулся Серёжа, таща за собой шелестящий целован, картонную коробку от пылесоса и старую подстилку. Ребята быстро соорудили нечто вроде гнезда на полу и положили туда малыша. Тот потыкался своим розовым носом во все стороны и снова заплакал, ещё громче, чем прежде. Степашка, сидевший рядом, не выдержал и принялся лизать малыша, но он только начал скулить ещё жалобней и пытался схватить Степашку своими лапками за бороду. Стёпа отошёл и тоже заскулил, взволнованно глядя на ребят.

– Он кушать хочет, – сказала Варя.

– Хорошо, я сейчас принесу из кухни холодных котлет и сыр, – сказал мальчик.

– Ты, что! – сказала Варя. – Он же маленький!

– И что? Котлеты совсем мягкие. Я их разломаю на кусочки.

– Всё равно нельзя, – категорически сказала маленькая девочка и в её голосе прозвучала спокойная непреклонность их мамы. – Ему нужно молоко.

– Ты уверена? – спросил Серёжа. – Смотри, какие у него зубы?

– Абсолютно! – сказала Варя, немного гордая тем, что знает такое слово.

– Ну ладно... сказал мальчик. – А какое?

– Что какое? – не поняла сестра.

– Какое молоко ему нужно?

– Обыкновенное, – сказала Варя, стараясь ничем не выдать своего незнания вопроса. – Которое мы вечером пьём.

– Хорошо, – согласился мальчик. – А как мы ему его дадим?

– Из блюдечка, – сказала Варя.

Но в этот раз был не согласен Серёжа.

– Если он совсем маленький, то он не сможет из блюдечка пить, – сказал он.

– Всё равно надо попробовать, – сказала девочка. – Только скорее, а то он бедненький совсем проголодался.

Мальчик снова уполз в темноту и вернулся с молоком и блюдцем. Они налили немного тёплого молока в блюдце и поставили малыша перед ним, но, как и предполагал Серёжа, он только несколько раз ткнулся в него своей мордочкой, и снова жалобно заплакал. Его маленькие лапки дрожали и глаза смотрели так печально, что у Вари защемило сердце.

– Может ему нос намазать молоком, а он пусть слизывает? – предложил мальчик.

Они попробовали сделать так, и малыш несколько раз действительно слизал молоко со своего носа и даже немного успокоился, но затем, принялся сильно чихать, и им пришлось оставить эту затею.

– Что же нам делать? – растерянно спросил Серёжа.

– Я знаю, – вдруг сказала Варя, и её лицо озарила улыбка.

Она передала малыша Серёже в руки и стала пробираться

к выходу.

– Ты куда? – удивился мальчик.

– Я быстро! – сказала она. – Погладь его пока.

Через несколько минут, она вновь появилась, держа в руке маленькую бутылочку с соской из кукольного набора.

– Она же игрушечная, – сказал Серёжа.

– А вот и нет! Смотри.

Она быстро налила молоко в бутылочку, положила малыша на спину к себе на колени и поднесла соску к его рту. Он жадно схватил её и принялся сосать молоко.

– Ест! Ура! – обрадовался Серёжа.

– Кушай, маленький, кушай, – говорила Варя, поглаживая голенькое брюшко малыша. – Не плачь.

– Какая ты молодец, – восхитился сестрой Серёжа и, несмотря на полумрак, было видно, как сильно она покраснела от его слов. Малыш быстро выпил бутылочку, а затем и вторую. Его брюшко округлилось, и он уже не мяукал, а сонно бурчал, и его глаза слипались.

– Пока хватит, – строго сказала Варя и вытерла ротик малыша своим носовым платочком.

– Мне кажется, он ещё может съесть, – сказал мальчик.

– Нет, – так же строго сказала Варя, – а то ему будет плохо с животиком. Я знаю.

Она аккуратно уложила сытно рыгающего карапуза в его норку, и он мгновенно уснул, обняв своими лапками её руку.

– Пойдём, – через несколько минут сказал Серёжа, – Слы-

шишь, папа и мама вернулись.

Варя осторожно высвободила свою руку и плотнее укутала малыша подстилкой. Он спал мёртвым сном и тихонько сопел.

– Пока, малыш, – сказала она и полезла к выходу вслед за братом. Замыкал процессию Степашка, который, пока ребята занимались странным зверьком, успел выпить молоко из блюдца, полностью в нём измазаться и был очень доволен. У самого выхода, Серёжа обернулся к Варе.

– Ни слова, помнишь?

Варя сделала серьёзное лицо и закивала головой.

– Хорошо. Ты первая со Степашкой вылезай, а потом я выйду и закрою дверь. Встретимся на кухне.

– Ладно.

Варя потопталась у выхода.

– Ну, что ещё?

– А как мы его назовём?

– О, господи! Вылезай, потом решим!

– Но это же важно!

– Вечно с вами девчонками одни хлопоты.

Варя немного обиделась.

– Это я придумала его кормить из бутылочки, я!

– Ладно, ладно, только вылезай. Придумаем. Есть у меня одна идея...

«Какая?» хотела спросить девочка, но брат уже выпихнул её и Степашку на свет и закрыл за ней дверцу. Варя встала,

отряхнула платье и колени от песка и побежала на кухню, где уже звенела посуда.

Глава 4

Обед прошёл весело. Папа много шутил и постоянно разыгрывал маму, которая постоянно попадалась на его розыгрыши. Но ребята сидели как на иголках, им всё время казалось, что они слышат мяуканье проснувшегося малыша и им не терпелось сбегать и проверить его.

– Итак, – сказал папа, когда со стола было убрано, и он помог маме вымыть посуду, – кто-то хотел красить скворечник, не так ли?

– Скворечник.... – уныло протянули ребята. – А может завтра?

– Да что с вами, – удивился папа. – Всё утро только о нём и говорили, а теперь заскучили. Вы не простудились?

– Вам надо одеваться теплее, – спокойно сказала мама. – Вы слишком легко одеты для мая. Земля ещё холодная.

– Ну, мам, ну пожалуйста, нам тепло, очень тепло! – сказали дети, – просто мы немного устали.

– Странно, странно, – заметил папа, – впервые вижу, что бы вы устали в первый день приезда на дачу, обычно вас не остановить.

– Мы очень много прошли с Варей, – сказал Серёжа.

– Я вижу, – сказала мама, критически разглядывая его испачканные штаны и куртку. – Вы что, на коленях где-то пол-

зали?

– Нет! – хором ответили дети.

Родители переглянулись.

– Да что с вами такое?

– Всё хорошо, – сказала Варя.

– Да, – сказал Серёжа. – Мы пойдём, поиграем... в прятки!

– Хорошо, – сказал папа. – Но учтите, скворцы ждать не будут! А впрочем, я сам покрашу скворечник.

Мама сделала большие глаза и молча стала вытирать посуду.

– Что? – удивился папа, видя, что все с трудом сдерживаются, чтобы не засмеяться. – Думаете, я не справлюсь?

– Справиться то ты справишься, – сдержанно сказала мама, продолжая вытирать посуду, – но кроме скворечника ты покрасишь весь сарай и себя самого.

– Я буду очень педантичен, – сказал папа, нахохлившись, как воробей на морозе. – Подумаешь, большое дело, покрасить скворечник. Я всё аккуратно расставлю, надену старую рубашку и бумажную шляпу. Вы ещё удивитесь, как я всё быстро и замечательно сделал.

Папа встал и сделал несколько быстрых шагов по комнате. Его глаза горели.

– Так, решено – сказал он, – я иду красить скворечник! Дорогая, где мои старые рубахи?

– В шкафу на веранде.

– Варя, принеси краски в сарай... Нет, я сам принесу краски и выберу самые яркие. Я всё сделаю сам, вот увидите!

Мама с улыбкой покачала головой, но ничего не ответила.

– Все, я пошёл, – сказал папа, чмокая в щёчку маму и Варю. – Это будет лучший скворечник в мире! Я полон идей! Полон!

Насвистывая триумфальный марш, он бодро вышел из кухни, но через минуту вбежал обратно, и немного сконфуженно взял со стола забытые очки.

– Рассеянность гения, – сказал он, закрепляя сломанную оправу на носу. – Но теперь, всё пойдёт как по маслу!

Когда он окончательно ушёл, мама обняла Варю и Серёжу.

– У вас точно всё хорошо?

– Да.

– И вы точно хорошо себя чувствуете?

– Отлично себя чувствуем!

– Ну, тогда бегите и, пожалуйста, не мешайте папе, пусть он всё сделает сам... Хорошо?

– Хорошо.

Ребята выбежали с кухни и, обогнув дом, притаились за сосной. Вход в подпол находился совсем рядом, но папа стоял вполоборота у сарая, колдуя с красками, и они ждали, когда он отойдёт или отвернётся, что бы незаметно пробраться к малышу. Степашка, чувствуя, что идёт игра, стоял рядом, поглядывая по сторонам и весело поблёскивая своими хитрыми глазами. Он помнил про молоко, которое ему доста-

лось, и рассчитывал пожить ещё раз. К тому же, ему было весело красться по участку вместе с ребятами, и он внимательно следил за каждым их движением, готовый присоединиться. Папа, одетый в старую синюю рубаху и шляпу, сложенную из газеты, неторопливо разложил краски, кисти и придирчиво повертел в руках скворечник. Потом отложил его и открыл дверь сарая.

– Приготовься! – сказал Серёжа.

Как только папа исчез внутри, ребята подбежали к двери, быстро открыли её, и едва успели её затворить, как папа вышел обратно, держа в руках банку с лаком.

– Успели, – радостно зашептала Варя.

– Да, – сказал Серёжа. – Слышишь?

Тоненький писк донёсся до них.

– Проснулся, – сказала Варя. – Пойдём скорее.

Они подползли к домику малыша и откинули покрывало. Кроха лежал внизу и беспокойно тыкался носом в стенки своего домика и тихонько скулил. Его шерстка высохла и стала ещё ярче и гуще. Варя снова наполнила бутылочку молоком, но малыш, пососав немного, снова закапризничал. Девочка взяла его на руки, и он сразу же прижался к ней и уснул.

– Он не голодный, – сказал Серёжа, а почему же он плакал?

– Ну, как ты не понимаешь? – сказала Варя, – Он искал маму! Малыш мой хороший, спи, спи. Мамочка тебя не бро-

сит.

– Но ты не его мама! – сказал мальчик.

– Ну и что! Я буду о нём заботиться, и любить и он меня полюбит!

– Я не об этом, – смутился Серёжа. – Просто, ты же не можешь постоянно быть с ним рядом. Ночью он будет спать один.

– Надо что-то придумать, – сказала Варя, укачивая малыша как младенца.

Мальчик насупился. Потом его лицо просияло.

– Кажется, я знаю... Точно! Ему нужна грелка.

– Грелка?

– Да, я вспомнил. Так делают с малышами в зоопарке, если у них нет мамы. Им кладут грелку на ночь.

– Хорошо, – заулыбалась Варя. – А у нас есть грелка?

– Не уверен, но я знаю, как её сделать, – гордо сообщил Серёжа. – Но нам нужен будет твой шарф.

– Ладно, – легко согласилась Варя, готовая на любую жертву для малыша.

– И ещё, – сказал мальчик, чувствуя себя немного не в своей тарелке. – Я придумал ему имя...

– Ой, какое?

– Давай назовём его – Счастливчик, а? Как тебе?

Варя подумала немного и улыбнулась.

– Мне нравится. Счастливчик. Счастливчик, а тебе нравится?

Но Счастливчик спокойно спал и только немного морщился, когда Степашка, не нашедший в этот раз молоко, и подошедший посмотреть, чем заняты ребята, несколько раз лизнул его в мордочку.

– Ой, как здорово у нас всё получается, – сказала Варя.

– Да, – сказал Серёжа. – Мы молодцы.

Но тут ребята услышали, как чьи-то шаги приближаются к дверце подпола. Серёжа быстро выключил фонарь, и всё вокруг погрузилось в темноту. Дверь открылась, и папин голос с раздражением произнёс:

– Ну, и как же я тут буду искать в темноте скипидар?

Ребята почти не дышали, стараясь не выдать своего присутствия. Варя крепко прижимала к себе Счастливчика, а Серёжа держал Стёпу, который рвался к папе.

– Дорогая, – услышали они, – ты не видела мой фонарь? Он был в сарае, а сейчас его там нет.

Они не разобрали, что ответила мама, но догадались по звуку, что папа, несмотря на темноту, принялся ползать под домом в нескольких метрах от них, натываясь на всякий хлам и шурша полиэтиленом. В какой-то момент, он был так близко, что если бы не фундамент, они могли бы дотронуться до него. Варя даже прекратила дышать на время, и сердце гулко стучало у неё в груди. Наконец, папа издал довольный возглас и пополз к выходу. Ребята вздохнули с облегчением, и Серёжа немного освободил свою хватку. В ту же секунду, Степашка, которому наскучила эта странная игра, когда

нужно долго и неподвижно сидеть в темноте, вырвался из его рук и кинулся к папе. От неожиданности папа вскрикнул, и что-то упало и забренчало, словно ударили по пустому ведру.

– Степашка, ты меня напугал! – засмеялся папа. – Ты как здесь оказался, а, разбойник? Тебя здесь ребята закрыли, да? Вот сорванцы! Ну, пойдём, пойдём мой хороший, я тебе брошу твой мячик, пойдём.

Папа выбрался на свет, выпустил радостно прыгающего Степашку, который обожал играть с мячиком и притворил за собой дверь.

– Чуть не попались, – сказал мальчик. – У меня аж сердце в пятки ушло!

– И у меня, – призналась Варя.

– Как он, спит?

– Спит, – сказала Варя, поглаживая сопящего малыша.

– Хорошо. Пойдём наружу, а то нас искать будут.

– Пока, Счастливчик, – сказала Варя, с неохотой укладывавая малыша обратно в коробку. – Не скучай. Я скоро вернусь!

– Будем приходить по очереди, – сказал мальчик, – а то нас быстро цапают. И Степашка, ух, поросёнок! Не будем его брать больше.

– Но ему же интересно, он же его тоже спасал, – заступилась за Степашку Варя.

– Это неважно, – сказал Серёжа, – нужно уметь себя вести.

– Но он же маленький совсем, – сказала сестра, ползя на четвереньках вслед за братом, – ему же только два годика.

– У собак всё по-другому, – сказал Серёжа. – В два года они уже взрослые, мне папа сказал.

– Не взрослый, не взрослый! – расстроилась Варя.

– А вот пойдём, у папы ещё спросим?

– Пойдём! Только он всё равно маленький, вот!

Серёжа вздохнул и попробовал открыть дверь, но она не поддавалась.

– Вот дела! – сказал он.

– Что случилось? – забеспокоилась Варя.

– Кажется, папа закрыл за собой дверь на крючок.

– Он что нас запер?! – испугалась Варя.

– Похоже на то... – ответил мальчик.

– А если подёргать, не откроется? – предложила Варя.

– Нет, не откроется, – сказала мальчик. – И слышно будет по всему участку. Вот мы влипли!

– Как же мы выберемся? Тут пыльно и темно... Я не хочу тут сидеть.

Серёжа подвигал немного дверь и посмотрел в щель.

– Поищи кусок проволоки, – сказал он. – Там, в углу должна быть.

Варя послушно пошла в угол и, пошарив руками среди разного хлама, нашла кусок медной проволоки и принесла его брату.

– Вот, держи. А зачем это?

– Сейчас увидишь!

Серёжа смастерил на конце проволоки нечто вроде крюка и просунул его в щель. После третьей попытки, ему удалось подцепить крюк, который закрывал дверь, приподнять его и откинуть его в сторону. Путь был свободен.

– Это меня папа научил, – похвастался он.

– Здорово! – обрадовалась девочка.

– А теперь, когда я скажу, быстро вылезай и беги в дом, и найди свой шарф, – сказал Серёжа.

– А ты?

– А я пойду на кухню, за бутылкой.

– А зачем тебе бутылка? – спросила Варя.

– Что бы грелку сделать.

– Понятно, – сказала Варя, хотя ей и не было понятно.

Просто она не хотела казаться маленькой.

– Хорошо, – сказал мальчик. – Приготовься!

Он приоткрыл дверь и, дождавшись, когда папа зайдёт в сарай, скомандовал:

– Давай!

Варя прошмыгнула наружу, а через минуту, вылез Серёжа и, как ни в чём не бывало, пошёл на кухню. Там, пока мама крутилась с пирогом, он взял маленькую бутылку из-под минеральной воды и сунул её под куртку. Теперь, осталось наполнить её горячей водой, обернуть в Варин шарф и грелка была бы готова. Взяв из корзины большое яблоко, мальчик вышел на улицу и пошёл в дом, к Варе.

Глава 5

Самовар ещё шипел и слегка дымился, когда папа начал разливать чай. Его уши, подбородок и руки были покрыты мелкими каплями разноцветной краски, которые он не успел отмыть. Сзади, на шее и на макушке, у него красовались широкие красно-жёлтые мазки кисти. Запах свежезаваренного чая с мятой смешивался с ароматом красок и лака, и кухня походила на мастерскую художника, который оживлённо рассказывал, про свою очередную работу. Мама с улыбкой внимала его рассказу, разрезая большой яблочный пирог.

– Всё прошло блестяще! Просто блестяще! – оживлённо тараторил папа. – Ума не приложу, почему вы решили, что я не справлюсь. Совершенно ничего сложного. Со-вер-шенно! Вы просто ахнете, когда увидите!

– О! – сказала мама, – в этом я не сомневаюсь. Я уже вижу, как ты славно поработал...

Но папа не замечал иронии в её голосе и продолжал говорить, размахивая руками и подпрыгивая на стуле.

– Шедевр! Говорю вам – этот скворечник можно вешать на Лувр. Да что там, на Лувр, его смело можно вешать в сам Лувр! Думаю, мне нужно открыть предприятие по производству уникальных рукописных скворечников. Это будет бешеный успех. Бе-ше-ный!

– А можно его посмотреть? – спросила совершенно заинтригованная Варя.

– Сегодня нет, – сказал папа, в котором определённо пропал театральный актёр. – Завтра, только завтра. Картина... в смысле скворечник, ещё не высох. Утром, сразу после завтрака, вы всё увидите. И это будет нечто!

– Ну, папочка! Ну, пожалуйста! Ну, хоть одним глазиком! – умоляла Варя.

– Нет, нет и нет, – говорил папа, полностью вошедший в образ, – даже не старайся! Искусство, девочка моя, не терпит спешки!

Серёжа с мамой не выдержали и расхохотались. Папа сам уже не мог сдерживать смех и присоединился к ним. Дремавший на кресле Степашка открыл глаза и сонно тьякнул, показывая тем самым, что он тоже участвует в дискуссии. И только Варя, которой очень хотелось увидеть чудо-скворечник, не смеялась и в задумчивости откусила такой большой кусок пирога, что какое-то время даже не могла его жевать, и ей пришлось закрыть рот руками.

– В самом деле, друзья мои, – продолжил папа, – это чудесная идея, делать разноцветные скворечники. Это так оживляет всё вокруг.

– Мне кажется, – сказала мама, – что не все оценят эту идею по достоинству.

– Ты думаешь? – удивился папа. – Странно, странно... Это же так здорово, когда всё яркое и весёлое.

– Не все так думают, дорогой, – сказала мама. – Некоторые люди любят только серое и черное.

– Это ужасно, – сказал папа, – терпеть не могу людей, которые любят серое и черное. Мне всё время кажется, что если бы они могли, то убрали бы солнце и всюду постоянно бы шёл дождь. Только представьте, что всё вокруг серое и унылое. Бррр!

Папа весь передёрнулся, как будто его облили холодной водой.

– А почему некоторые люди не любят всё яркое и весёлое? – спросила Варя, которая при мысли о постоянном дожде тоже поёжилась.

– Потому что они боятся жить, – ответил папа. – Понимаешь, бояться! И им хочется, что бы все вокруг тоже боялись, и были печальны и унылы, но у них никогда ничего не получается. Всегда находится кто-то, кто не боится и смело берёт в руки самые яркие краски и всё вокруг начинает сиять и радовать глаз.

– А мы не боимся? – спросила Варя.

– Мы – нет! – гордо сказал папа.

– Мы так не боимся, что мне даже иногда страшно становится, – добавила мама и смахнула со стола краску, которая сыпалась с папиной шеи.

– Мама шутит, – сказал папа и поцеловал маму в затылок. – Но я не закончил! Я предлагаю всё в мире делать в виде скворечников.

– Всё? – недоверчиво спросил Серёжа.

– А так можно? – сказала Варя, которая, наконец-то, проглотила кусок пирога и нацеливалась на новый.

– Можно всё, – заявил папа. – Я предлагаю делать мебель в виде скворечников. Я назову наше предприятие – Вселенная Скворечников! Шкафы, гардеробы, тумбочки, столы и даже кровати! И всё яркое и весёлое. Да что мебель – мы сделаем дом в виде гигантского скворечника! Дорогая, ты поможешь нам сделать дом в виде скворечника.

– Боюсь, этот проект не будет пользоваться большим спросом, – сказала мама. – Да и не каждый архитектор возьмётся за такое сложное дело...

– Отчего нет? – удивился папа. – Это было бы чудесно. Ты только представь: тыходишь к своему чудесному, канареечного цвета домику-скворечнику, с красными ставнями и голубой крышей, открываешь круглую дверцу и попадаешь в прихожую, где в салатовом шкафу-скворечнике висят твои платья. А рядом с ним маленький скворечник для обуви, нежнейшего, дымчато-розового цвета. А над ним, зеркало-скворечник, цвета балтийского янтаря.

Папа ходил по кухне, изображая действия мамы, открывая и закрывая невидимые двери и шкафы.

– Дальше, ты идёшь на кухню, где в 10 бирюзовых шкафчиках-скворечниках у тебя хранятся продукты.

– Я буду путаться в них, – сказала мама, – они все одинаковые.

– Я учёл это! – сказал папа. – У них буду разные крыши. Скажем, ты хочешь сварить на ужин макароны и тогда, тебе нужен бирюзово-оранжевый скворечник, а если будет рис с рыбой, то бирюзово-белый. К приезду бабушки и дедушки, для их любимого пирога с сыром, ты просто откроешь бирюзово-лимонный скворечник, и всё будет там. Ты легко запомнишь!

– Боже, у меня уже рябит в глазах, – сказала мама, притворно закрывая глаза ладонью

– Дальше, дальше, – радовалась Варя. – Что там дальше?

– А дальше, будет гостиная, в которой будет стоять огромный диван-скворечник, который можно будет разложить, если кто-нибудь из гостей останется у нас ночевать.

– А какого он будет цвета?

– Он будет всех цветов радуги и даже больше.

– Больше? – удивилась Варя. – А разве есть больше?

– Конечно, – с улыбкой сказал папа, – есть ещё уйма цветов, которые люди не хотят замечать.

– Какие же?

– Цвет радости, к примеру. Он похож на майское солнце, которое светит сквозь первые зелёные листья прямо в глаза. Или цвет счастья. Дружбы. Любви. В мире есть огромное количество самых разных цветов, но не все, к сожалению, хотят их видеть.

– А кто их может видеть? – спросила Варя.

– Только добрые и хорошие люди, – ответил папа. – Вот

вы с Серёжей, например или наша мама.

– Мама видит, что на часах уже почти 11, а кто-то до сих пор не в кровати.

– Но я хочу ещё про скворечники послушать, – расстроилась Варя. – Почему всё время нужно ложиться спать, когда начинается всё самое интересное!

– Увы, – сказал папы. – Мама – это самое сильное волшебство на свете и нам его никак не одолеть. Но, – он несколько раз многозначительно поднял брови, глядя по очереди на Серёжу и Варю, – если быстро-быстро почистить зубы и лечь в кровать, то, возможно, я успею немного рассказать про ваши комнаты.

– У вас 15 минут на всё про всё, – сказала мама.

– Слушаемся и повинуемся, – отвечал папа, задом пятясь к двери и низко кланяясь. – Слушаемся и повинуемся!..

Рядом с ним, заливаясь весёлым смехом, не менее комично, кланялась Варя. Потом они сцепились с папой руками и принялись водить вокруг мамы хоровод, всё ускоряясь и ускоряясь, пока мама не замахала на них полотенцем. Среди всей этой суматохи, Серёжа, быстро наполнил бутылку горячей водой из самовара и незаметно выскользнул наружу. Степашка, которого он бесцеремонно отпихнул от двери, обиженно фыркнул, и принялся скрести закрывшуюся перед его носом дверь лапой, но никто не обращал на него внимания и он уселся в стороне, чтобы не попасть под ноги веселящимся людям. Он тоже любил попрыгать со всеми, но

сегодня слишком устал и сидя клевал носом, как маленький смешной медвежонок. Навеселившись вдоволь, Варя вышла из кухни и пошла к умывальнику. Там её уже поджидал Серёжа.

– Ну, где ты пропадаешь? – сказал он. – Давай шарф скорее, и я пойду к Счастливчику, а ты, быстро чисть зубы и беги, отвлекай папу.

– А можно я пойду с тобой? – попросила Варя. – Я хочу Счастливчику спокойной ночи пожелать.

– Ты что?! Они сразу догадаются. Нет. Я один. Иди-иди, папа выходит уже, слышишь!

Опечаленная Варя ушла чистить зубы, а Серёжа нырнул под дом и, светя фонарём, прокрался к домику Счастливчика. Тот давно проснулся и начал капризничать, но увидев свет, притих. Мальчик взял его на руки и тот сразу запищал в поисках молока.

– Вот, держи. – Серёжа поднёс бутылочку к носу малыша и тот проворно ухватил её и принялся сосать, обхватив бутылочку маленькими лапками.

– Кто же ты такой? – вслух подумал мальчик, с интересом разглядывая Счастливчика. – Где ты живешь, Счастливчик? И как ты попал на речку?

Счастливчик ничего не отвечал, а только усиленно чмокал и негромко урчал. После второй бутылочки он стал засыпать, и Серёжа положил его в коробку. Потом он обмотал тонким шерстяным шарфиком ещё тёплую бутылку с водой

и положил её к малышу, который радостно обнял её и окончательно погрузился в сон. Мальчик погладил кроху на прощанье и пополз обратно.

Когда он зашёл в комнату, Варя уже лежала в своей кровати в углу у окна и смеялась чему-то, а папа, с довольной улыбкой сидел рядом, скрестив ноги и протирая свои очки носовым платком.

– Ага, – сказал он глядя на Серёжу. – А вот и опоздавший. Всё нормально?

– Да, всё хорошо.

– Давай ложись, и я выключаю свет, а то мама уже стучалась в окно.

– Мне папа рассказывал про мою комнату, – с восторгом в голосе заговорила Варя, сев в своей кровати. – Она очень весёлая! Ты представляешь, там есть даже круглый скворечник для тетрадей и учебников, раскрашенный как божья коровка!

– Так, так, Варвара, – сказал папа, стараясь быть строгим. – Пора спать, а завтра можем продолжить. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, папочка, – сказала Варя. – Я тебя люблю.

– И я тебя люблю моя хорошая, – сказал папа, укладывая Варю.

– Спокойной ночи пап, – сказал Серёжа.

– Спокойной ночи. Давайте тут не шумите. Мама заглянет

к вам скоро и если кого поймают то...

– То, что?! – задорно крикнула Варя, заранее кутаясь в одеяло.

– То того мне придётся защекотать! – сказал папа и растопырив пальцы бросился к взвизгнувшей Варе и принялся щекотать её сквозь одеяло. Тогда Серёжа бросил в него подушку.

– Ах так, – закричал папа, – двое на одного?! Ну, я вам сейчас покажу! – и, схватив подушку, он бросил её обратно.

Когда мама зашла проверить спят ли ребята, в комнате царил такой переполох, что она глазам своим не поверила.

– Что здесь происходит?! – строго спросила она. – Вы почему не спите? Марш в кровати! Какой ужас, всё вверх дном перевернули.

– Ребята, я пошёл... – сдавленным голосом сказал лежавший под грудой подушек папа сидящим сверху Серёже и Варе. – Но поражение не засчитывается! Вас было двое!

– Что?! – воскликнула Варя, но увидев какое серьёзное лицо у мамы, быстро забралась в кровать и накрылась одеялом.

– Всё, – сказала мама и выключила свет. – Всем спать. И тебе тоже – художник.

– Слушаюсь, мой генерал! – сказал папа и неожиданно подхватил маму на руки и прокружился с ней несколько раз. Дверь закрылась, и ребята услышали, как мама смеётся и что-то говорит папе, а тот смеётся в ответ. Когда всё стихло,

ребята сели на своих кроватях.

– Как там Счастливец, – спросила Варя.

– Хорошо, – сказал мальчик. – Уснул.

– Ему понравился мой шарфик?

– Кажется да.

– А как ты думаешь, – спросила Варя, которую весь день мучал один вопрос, – когда он вырастет, мы сможем оставить Счастливика у себя.

– Я не знаю, – вздохнул мальчик, который тоже об этом думал. – Мне кажется, мама не разрешит.

– Вот и я не знаю, – ответила Варя. – Я бы очень хотела.

– Я тоже, – сказал мальчик. – Думаю, они бы подружились со Степашкой.

– Конечно, – хихикнула Варя, – с ним даже волнистые попугайчики дружат!

– Точно, – улыбнулся в темноте Серёжа. – И кошки.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи и если услышишь что-нибудь, сразу буди меня!

– Хорошо, – сказала Варя, зевая, – и ты меня, буди...

Тем временем, в прихожей, на своей подстилке шумно устраивался спать Степашка. Он упорно скрёб подстилку своими лапками, словно пытаясь прорыть в ней ход, потом сто раз крутился на ней волчком, и лишь затем укладывался, чтобы ещё минут пять вздохнуть и кряхтеть как старый гном. В последний момент он шумно выдыхал и засыпал мертвец-

ким сном, только изредка дёргая задними лапками и тихонько скуля, потому что он, как и ребята видел сны.

«И зачем только нужны эти долгие посиделки на кухне, если всё равно мне ничего больше не дают покушать? – думал Степашка, устраиваясь на своём коврикe. – Несправедливо... Вот если бы я тоже мог сидеть за столом и есть пирог, это было бы здорово!..»

Стёпа представил себе как он чинно сидит между Варей и папой на специальном стульчике и ему на тарелку кладут большой кусок пирога и наливают сладкий чай в блюдце. Картина была такой реальной, что Степашка даже ощутил на секунду запах пирога и чая и у него потекли слюнки.

«Да, – подумал он, окончательно укладываясь и закрывая глаза, – это было бы превосходно... Только вот пирог нужно делать не с яблоками, с сосисками, так ведь гораздо вкуснее!.. А вместо чая, в самовар нужно наливать куриный бульон... Да, так будет лучше... определённо лучше... да...»

Глава 6

– Варя, Варя, проснись!

– М-м-м, – пробурчала Варя. – Я не хочу в школу...

– Какая школа? Проснись!

Варя с трудом открыла глаза и с удивлением посмотрела на трясущего её брата.

– Тссс, – прошипел он, приложив палец к губам. – Счастливчик проснулся.

– Как проснулся?

Варя села в кровати и протёрла глаза.

– А вот так, – шептал мальчик. – Я слышу, он мяукает там, внизу, под домом.

– Ты уверен, – спросила Варя. – Я ничего не слышу.

– Уверен, – сказал Серёжа. – Я уже давно проснулся. И Степашка слышит и скребётся наружу... Нужно что-то делать.

– А сейчас сколько время? – сонно пробурчала девочка.

– Три часа, – сказал Серёжа.

– Так рано! – воскликнула Варя.

– Да, – кивнул брат.

– Он, наверное, проголодался, – сказала Варя.

– Наверное, – согласился мальчик. – Ты со мной?

– Конечно, – решительно ответила Варя, соскакивая с кровати. – Только мне надо одеться.

– Не шуми, а то Степашка и так, кажется, всех уже перебудил.

– Хорошо.

Ребята быстро оделись и осторожно открыли дверь на погружённую во мрак веранду. Степашка радостно подбежал к ним, топая как маленький бегемот, и громко чихнул, ткнувшись Серёже в ноги.

– Цыц! – прошипел Серёжа, но было уже поздно.

Дверь родительской комнаты приоткрылась и похолодевшие от страха ребята услышали сонный папин голос.

– Что тут такое? Стёпа, ты чего хулиганишь, а?

Ребята вжались в стенку и затаились. Стёпа подбежал к высунувшемуся папе, и они услышали, как папа потрепал его по голове.

– Ну, что, поросёнок? Чего не спишь? Услышал что-то?

При этих словах, Варя сжала руку брата и чуть не вскрикнула. Но Стёпа только ласкался к папе и легонько фыркал, приглашая его поиграть с ним.

– Ну, хватит, хватит, – сказал папа, успокаивая Степашку. – Всё, всё, угомонись. Ложись. Ночь на дворе. Давай, давай... На место... Вот так... Молодец...

Они услышали, как Стёпа вздохнул и покорно поплёлся на свою подстилку. Покрутившись там немного, он с глухим стоном рухнул на неё и засопел. Папа зевнул в темноте и тихо прикрыл дверь. Постояв для верности несколько минут, ребята на цыпочках подошли к входной двери.

– Закрыто, – прошептал Серёжа. – Нужно задвижку отодвинуть. Помоги мне, потяни дверь за ручку, а то скрипеть будет.

Вдвоём, они с очень осторожно и медленно, миллиметр за миллиметром, отодвинули задвижку и так же осторожно и медленно отворили дверь и вышли наружу. Степашка не пытался идти за ними и только пробурчал что-то во сне, уютно свернувшись калачиком на своём месте. Ступая босыми ногами, они бесшумно спустились с крыльца и только тут одели свои ботинки.

– Здесь темно, – сказала Варя, которой было немного страшно. – Я ничего не вижу...

– Иди за мной, – сказал Серёжа. – Только тихо.

Они прошли вдоль дома и приблизились к дверце в фундаменте, откуда явственно раздавался тихое мяуканье и писк.

– Слышишь? – спросил Серёжа.

– Да, – сказала Варя. – Плачет. Лезем скорее.

Также осторожно и медленно они открыли дверцу и забрались под дом. Серёжа вытащил спрятанный под плёнкой фонарик и включил его.

– Как тут холодно, – сказала Варя. – Несчастный Счастливчик! Давай возьмём его домой?

– Нельзя, – строго сказал Серёжа. – Заметят. И к тому же, у него мех густой, я думаю ему не холодно.

– Всё равно мне его жалко, – сказала девочка. – Вот бы он

мог спать рядом со мной. Он такой пушистый и мягкий!

Когда они открыли коробку, малыш испуганно притих, но потом, очевидно как-то узнав ребят, запищал ещё громче.

– Сейчас, малыш, сейчас, – сказала девочка, беря его на руки и прижимая к себе. – Сейчас мамочка тебя покормит. Где бутылочка?

– Вот, – сказал Сережа. – Только молоко ледяное совсем.

– Такое нельзя давать, – сказала Варя. – Нужно тёплое.

– А где же взять тёплое?

– Подержи бутылочку подмышкой, и оно согреется, – предложила Варя.

Серёжа засунул бутылку под рубашку и вскрикнул.

– Ой, какое холодное!

– Тихо, разбудишь всех! – сказала Варя.

– Но оно холодное! – сказал мальчик, пританцовывая на месте. – А долго держать?

– Пока не согреется, – сказала Варя.

– А если не согреется? – спросил Серёжа, – Оно как со-сультка!

– Согреется, – заверила его Варя, – только ты крепко держи и не ёрзай.

– Тебе легко говорить, – сказал Серёжа, перекатывая ледяную бутылочку по голому телу. – Надо будет на ночь молоко в дом ставить, и брать с собой, если он будет просыпаться.

– А можно наливать в термос, – предложила Варя. – Когда мы на дачу едем, мама всегда в термос чай наливает, что бы

в дороге покушать могли.

– Точно, термос. Отличная идея! – обрадовался мальчик. – Как я раньше не догадался? Термос можно здесь оставлять с вечера.

– А ты сможешь сделать термос, – спросила Варя, которая была совершенно уверена, что старший брат может всё.

– Наверное, нет, – немного подумав, грустно признался мальчик, – хотя я знаю, как он устроен. Но я видел в сарае, на самом верху, лежал старый папин походный термос. Я думаю, он нам отлично подойдёт.

– А папа не заметит? – спросила Варя.

– Если и заметит, – засмеялся Серёжа, – то всё равно решит, что сам куда-то его засунул и забыл.

– Точно, – улыбнулась девочка. – Ну, как там молоко?

– Ещё немного, – ответил мальчик. – Греется...

К тому моменту, когда ребята окончательно замёрзли, молоко согрелось, и проголодавшийся Счастливчик набросился на него с громким урчанием.

– Он такой смешной, – сказала Варя. – Сопит как ёжик.

– А разве ежи сопят? – спросил Серёжа. – С чего ты взяла?

– Мне по телевизору показывали, – гордо сказала Варя. – Может он ёжик?

– Ёжик?! – недоверчиво сказал мальчик

– Ёжик, – сказала Варя, – просто очень мягкий...

– Таких не бывает, – уверенно заявил Серёжа. – И он зелёный!

– А кто же он тогда?

– Папа говорил, что на болотах живут очень редкие животные, которые занесены в Красную книгу и которых мало кто видел. Может он один из них.

– А где можно посмотреть эту Красную книгу? – спросила Варя.

– В библиотеке, наверное, – неуверенно ответил Серёжа. – Я точно не знаю.

– А почему она красная? – поинтересовалась Варя.

– Потому что она очень важная! – ответил мальчик.

– Как пожарная машина? – спросила Варя.

– Да, – ответил мальчик, – Как пожарная машина.

– Здорово, – сказала Варя. – Но как же нам узнать, кто это? Вот бы у папы спросить...

– Так в чём же дело? – спросил Серёжа, – давай спросим его сегодня.

– А он не догадается? – насторожилась Варя.

– О чём? – засмеялся Серёжа. – Что мы держим под домом непонятно кого зелёного цвета, и он мяукает и сопит как ёжик?

– И правд, – сказала Варя. – Как же хочется узнать поскорей!

– И мне, – сказал мальчик, – только мне кажется, что папа тоже не знает.

– Папа всё знает, – сказала Варя. – Он же взрослый.

– Ничего то они не знают, эти взрослые – пробурчал Се-

рёжа себе под нос. – Только говорят...

Вскоре малыш наелся, но как только Варя уложила его обратно в коробку, он снова начал плакать и проситься обратно к ней на руки.

– Он не хочет один оставаться, – сказала Варя.

– Просто грелка остыла, – догадался Серёжа. – Придётся идти на кухню и ставить чайник.

– Хорошо, – сказала Варя, – только недолго, а то я замёрзла.

Я быстро, – пообещал Серёжа и уполз.

Варя осталась сидеть одна, в холодном закутке, при свете фонарика. Раньше ей и подумать было страшно забраться под дом ночью, а сейчас, держа малыша на руках, она совсем не боялась.

– Не бойся, малыш, – говорила она Счастливику и поглаживала его мягкую шерстку, которая изумрудно искрилась в электрическом свете. – Всё хорошо, всё хорошо. Спи, а я тебе спую колыбельную.

И она действительно принялась тихонечко напевать песенку, которой её научила мама и сама чуть не заснула. Потом она услышала, как кто-то пробирается к ней в темноте и посветила фонариком. Это был Серёжа с бутылкой горячей воды в руке.

– Вот, готово, – сказал он.

Он обмотал бутылку шарфиком и положил её в ящик. Варя осторожно положила Счастливика в его кроватку и тот,

не просыпаясь, обхватил свою грелку лапками, потыкался в неё своим розовым носом и затих. Ребята переглянулись и тихонько засмеялись.

Уже светало и птицы в саду начинали петь, когда они выбрались из-под дома. Блеклые звёзды ещё висели кое-где на небе, но ночь уже отступала и розовая заря поднималась над лесом как далёкое зарево. Ребята неслышно вошли в дом, заперли за собой дверь и уснули, едва коснулись головами подушек. Они не слышали, как проснулись их родители, и как радовался Степашка, когда его выпустили на улицу. И когда папа и мама заглянули к ним, они по-прежнему спали, укутавшись в свои одеяла.

– Похоже, они и вправду вчера утомились, – сказал папа, глядя на них.

– Не удивительно, – ответила мама. – Вчера у всех было много хлопот...

– Пускай ещё поспят, – сказал папа. – А мы выпьем пока по чашке чая, и я пойду наверх и поработаю немного. У меня появились замечательные идеи. Нужно срочно их записать.

– А как же режим, – сказала мама, которая не любила, когда кто-нибудь допоздна валялся в кровати.

– Дадим им один день, – мягко сказал папа. – Они не ленились и вправду устали. А завтра, обещаю тебе, всё будет как положено.

– Отлично, – согласилась мама, которая была не такой уж строгой, какой иногда казалась. – Когда мы им скажем?

– Думаю, надо ещё немного подождать, – сказал папа с лукавой улыбкой. – Может быть завтра?

– Давай не будем слишком затягивать, – сказала мама.

– Почему нет? – улыбнулся папа. – По-моему, это весело.

– Возможно, – ответила мама, обнимая его одной рукой, – но это не очень честно по отношению к ним.

– Думаю, ты права, – согласился папа. – Скажем сегодня вечером. А пока, пойдём-ка и немного перекусим, а после позавтракаем ещё раз, как следует, уже все вместе.

Они вышли на улицу, и пошли на кухню, со смехом глядя, на Степашку, который кувыркнулся в мокрой траве, пытаясь поймать кузнечика.

– Он просто котёнок, – сказала мама.

– Т-с-с – сказал папа, – а то он услышит!

– Думаешь, он обидится? – делано испугалась мама.

– Нет, – ответил папа, – просто с его то «ловкостью», он свалится с первого же дерева, на которое решит забраться, узнав, что он кошка...

Степашка, в очередной раз упав в траву при неудачном прыжке, оставил попытки поймать кузнечика, сел и огляделся по сторонам. Роса блестела на его бровях, бороде и кончике носа.

«Всё-таки лето – это хорошо, – подумал он. – Когда ещё можно с самого утра валяться в траве и гоняться за кузнечиками?..»

Стёпа слизнул росу с носа, отряхнулся и затрусил к маме-

ному цветнику.

«Пожалуй, у меня есть немного времени до завтрака, чтобы выкопать яму, – решил он. – Пока мама не видит, я смогу отлично покопаться в её клумбе, а потом...»

Размышления Степашки прервала трясогузка, которая приземлилась на газон и принялась бегать по нему, подхватывая отяжелевших от росы мушек.

«Так, так, так! Кто это тут бегаёт по моему газону?! Безобразие! Эти птицы совершенно распустились! Ну, я ей сейчас покажу...»

И Степашка, потешно прижавшись к земле, стал осторожно подкрадываться к трясогузке, которая, отлично зная его повадки, не слишком беспокоилась, потому что ещё не было случая, чтобы маленький скотч-терьер поймал кого-нибудь крупнее обыкновенной бабочки.

Глава 7

Когда ребята проснулись, то солнце было уже довольно высоко, и шум оживших дач наполнял майский воздух негромким гулом, словно рядом стоял огромный улей. Воздух пах цветами, тёплой землёй и готовящейся повсюду едой. Запахи кофе, жареных яиц, гренок, сыра, ветчины и прочей разной аппетитной снеди, витал над участками, разносясь по всей округе, и люди принимались к ним и спешили на свои кухни, что бы насладиться первым дачным завтраком на свежем воздухе, слаще которого нет ничего на всём белом свете. Варя вскочила с кровати, отворила окно и прислушалась.

– Не пищит? – спросил со своей кровати Серёжа.

– Нет, – сказала Варя.

– Нужно вставать, а то он скоро проснётся. Сколько времени?

– 10 минут двенадцатого, – сказала девочка, глядя на старинные настенные часы с неработающим боем, которые висели над камином.

– Ого! – воскликнул Серёжа, проворно натягивая штаны и рубашку. – Как погода?

– Солнышко!

– Отлично, – сказал он. – Давай скорей, а я побежал, проведу Счастливого.

– Я с тобой! – закричала Варя, но мальчик уже выскочил из комнаты. Девочка гневно топнула босой ногой и начала быстро одеваться, размышляя о вечном вопросе, почему мальчики могут так быстро собраться.

«Это потому что у них штаны! – думала Варя, надевая платье, – и короткие волосы, которые они могут не расчёсывать и ходить растрёпанные, а девочки не могут».

Эта вопиющая несправедливость досаждала ей, и она твёрдо решила, что когда вырастет, тоже будет носить короткие волосы.

«Я буду как мама, – решила для себя Варя. – Мама всегда собирается быстрее, чем папа и ничего не забывает...»

Устроив, таким образом, своё будущее и повеселев, она вышла на улицу. Серёжи нигде не было видно, и она хотела уже забраться под дом, как увидела папу, который делал зарядку стоя босиком на дощатой веранде бани. Он крутил головой по кругу и смешно размахивал руками, громко вдыхая и выдыхая через нос.

– Варвара, – сказал он, не прекращая упражнений, – доброе утро! Как спаслось?

– Хорошо, папочка. А тебе?

– Великолепно, – сказал он, начиная приседать. – Я всегда говорил, что этот воздух творит чудеса! Я словно помолодел.

– А разве так можно? – удивилась Варя, – помолодеть?

– Конечно можно, – сказал папа, утирая пот. – Только нужно вовремя ложиться, рано вставать и делать зарядку.

– И я тоже помолодею? – спросила Варя.

– Мы все помолодеем! – уверенно ответил папа. – Особенно мама.

– Почему, особенно мама? – удивилась Варя.

– Потому-что все женщины хотят помолодеть, – как то очень весело ответил папа, ложась на спину и делая вид, что он крутит педали невидимого велосипеда.

– Я не хочу молодеть, – сказала Варя. – Я хочу повзрослеть!

– Тогда ты – повзрослеешь, а мама – помолодеет, – сказал папа и засмеялся. – Все желания исполняются, если очень захотеть!

– А Степашка помолодеет или повзрослеет? – поинтересовалась Варя.

– Насчёт Степашки, можешь не переживать, – сказал папа, закончив крутить велосипед и подняв ноги над головой, подперев спину руками, так что его лицо сделалось пунцовым. – Чтобы с ним не случилось, он всегда будет маленьким и смешным!

– А где мама? – спросила Варя.

– Мама на кухне, беги, умойся и помоги ей накрыть на стол.

– Хорошо, папочка, – сказала Варя и пошла на кухню.

Когда она проходила мимо дверцы, за которой скрывался Счастливчик, она услышала громкий шёпот её брата.

– Варя...

– Ой! – подпрыгнула от неожиданности девочка. – Ты меня напугал.

– Т-с-с, – прошипел Серёжа. – Не смотри на дверцу! Отвернись, а то папа догадается, что я здесь.

– Хорошо, – сказала Варя и встала спиной к дверце.

– Что папа делает? – спросил Серёжа.

– Лежит.

– Он уже закончил зарядку? А то я не могу выйти.

– Закончил, но он не уходит.

– Отвлеки его.

– А как?

– Я не знаю, как! Как-нибудь. Скажи ему, что его мама зовёт. Нет! Скажи, что тебе помочь надо.

– А в чём мне нужно помочь? – спросила Варя.

– Откуда я знаю! Придумай что-то! – сердито зашептал её брат. – Я тут уже давно сижу...

– Я попробую, – сказала Варя.

Она постояла немного, а потом побежала к папе.

– Пап, пап!

– Что, – ответил папа, лежащий на спине с закрытыми глазами.

– А помоги мне, пожалуйста.

– Прямо сейчас?

– Да!

Папа открыл один глаз и скосил его на Варю.

– Это срочно?

– Очень! Я хочу нарвать цветов для мамы и поставить их в вазу, но я боюсь её разбить. Она высоко стоит.

– А ты успеешь нарвать цветов? – спросил папа. – Мы уже садимся завтракать, помнишь?

– Я успею, – сказала Варя, не представляя, где она успеет достать цветы.

– Хорошо, – сказал папа, поднимаясь на ноги. – Какую тебе нужно вазу?

– Большую, – ответила девочка. – Ту, которая у вас в комнате стоит.

– Ладно, принцесса, – сказал папа, поднимаясь. – Цветы для мамы, это святое!..

– Спасибо!

– А что мне будет взамен? – неожиданно спросил папа и крепко схватил Варю.

– Ой, только не щекотать, не щекотать! – завизжала Варя.

– Тогда – поцелуйчик! – засмеялся папа.

– Ты колючий, – сказала Варя, но поцеловала папу в щёку. – Как ёжик!

– Это поправимо! – сказал папа и направился к дому. Как только он свернул за угол, Серёжа пулей вылетел из своего укрытия и подошёл к Варе.

– Молодец! Отличная работа.

– А как там Счастливчик? С ним всё хорошо? Он не плачет? Он покушал? – засыпала вопросами Варя своего брата.

– С ним всё отлично. Он наелся и спит и даже не испугал-

ся, когда я пришёл.

– Ой, я так хочу его погладить, – мечтательно сказала Варя, – но я сказала, что нарву цветов до завтрака. Где я их найду?

– Пустяки! – сказал Серёжа. – Я видел много цветов на участке через дорогу. Пойди и нарви там.

– Но это чужой участок, – сказала Варя, – туда нельзя заходить!

– Ерунда, – сказал Серёжа, который как всякий мальчишка лазил везде, где хотел. – Его давно бросили. Туда никто 100 лет не ездит. И забора нет. Почти...

– Всё равно, – сказала Варя. – Мама сказала, что это неважно.

– А папа сказал, – сказал Серёжа, – что за участком нужно ухаживать, а если кто-то не хочет, то его нужно отобрать и сделать что-то полезное для всех, волейбольную площадку, например.

– Всё равно, – сказала Варя. – Нельзя чужое трогать.

– Да какое же это чужое, – возмутился Серёжа, – там дикие цветы растут, они для всех.

Но Варя была в сомнениях и отказывалась идти.

– Ладно, – предложил мальчик. – Давай так, мы сейчас нарвём там цветом, а когда пойдём на поле, выкопаем там точно таких же, и посадим там потом.

– Честно?

– Честно!

– А так можно?..

– Да пойдём уже, слышишь, папа возвращается! – и, схватив сестру за руку, Серёжа буквально насильно потащил её за собой.

Выйдя из-за угла, папа растерянно обернулся по сторонам.

– Варя, ты где? – позвал он, но никто не откликнулся.

Пожав плечами, он поставил вазу на скамейку и снова лёг на пол. Степашка, видя, что папа неподвижно лежит на полу веранды и, по всей видимости, желает с ним поиграть, подкрался к нему и неожиданно схватил его за голую пятку. К его удивлению, папа совсем не обрадовался и Стёпе ушёл, понурился.

«Зачем же он тогда лёг, если не хотел поиграть со мной? – думал Степашка, бродя меж кустов смородины, в поисках мест для засады на бабочек и стрекоз, которые любили покружиться над его газоном. – Он так смешно закричал и подскочил, а потом, почему-то, прогнал меня... Жаль, мы могли бы отлично побегать...»

Стёпа вздохнул и улёгся на землю.

«Наверное, я просто укусил его не за ту пятку, – наконец решил он. – В следующий раз, цапну его за левую. То-то будет веселья!..»

Он положил голову на лапы и стал караулить «нарушителей», но их всё не было и не было, и к тому моменту, когда они наконец-то появились, Степашка крепко спал, и од-

на нахальная стрекоза даже села ему на спину и неспешно умывалась.

– Какая прелесть, – сказала мама, разглядывая большой букет полевых цветов, который стоял на столе. – И как они пахнут. Лучше любых садовых.

– Кхе-кхе! – многозначительно откашлялся папа.

– Дорогой, твои розы вне конкуренции – улыбнулась мама. – Просто эти такие свежие, такие трогательные. Спасибо вам!

Она расцеловала Варю и Серёжу, а когда папа сделал грустное лицо, то и его тоже.

– Где же вы их нашли? – спросила мама ребят. – Неужели успели сбегать на поле?

Серёжа уже открыл рот, что бы что-то сказать, но Варя опередила его и со всей присущей ей честность всё рассказала.

– Нехорошо ходить на чужой участок без спросу, – строго сказала мама. – Разве я не говорила? Что скажут соседи, если увидят вас там?

– Тётя Галя нас видела, – сказал Варя, не замечая сердитых взглядов Серёжи. – Но ты не волнуйся, мы с ней поздоровались!

– Час от часу не легче! – всплеснула руками мама. – Это же чужой участок.

– Но цветы же дикие, – подал голос Серёжа. – И там нет никого... Всё заросло.

– Это не важно, – назидательно сказала мама. – Совершенно не важно. Что я теперь скажу тёте Гале, когда встречу её? Варя виновато опустила голову.

– Мамочка, не сердись, пожалуйста, мы всё исправим. Мы уже придумали. Мы посадим там такие же цветы, честное слово!

– Я не сержусь, – сказала мама, обнимая Варю, – просто хочу сказать, что на чужие участки заходить нельзя. Пожалуйста, прошу вас. Никогда так больше не делайте. Хорошо?

– Хорошо!

– Вот и отлично. Давайте уже кушать.

– Хочу заметить, – сказал папа, молчавший весь разговор и только подбадривающе подмигивающий Серёже, – что, конечно же, нельзя заходить на чужие участки, но и держать их в таком ужасном состоянии просто недопустимо. Там целая плантация осин! Помнишь, в прошлом году сороки свили там гнездо, а потом украли все яйца из скворечников в округе? Это безобразие! Скоро там будет лес, и он закроет нам всё солнце. Я обязательно поговорю об этом на следующем собрании. И больше того, дорогая, если вопрос не решится, то я намерен самолично пойти в эти джунгли и спилить все эти осины!

Папа так разошёлся, что даже слегка порозовел.

– Это варварство, – сказала мама.

– А это – безответственность! – произнёс папа и добавил, уже немного успокоившись. – Впрочем, я уверен, что всё это

разрешится самым наилучшим образом. Я поговорю с соседями, и мы вместе что-нибудь придумаем. Правда, Варвара?

– Правда, – так звонко ответила Варя, что даже сама засмеялась. – А что такое варварство?

– Это когда много Варвар собирается вместе, – хитро улыбаясь, сказал папа, – и они очень, очень плохо себя ведут и сильно шумят.

– Неправда, неправда, – закричала Варя. – Не может быть!

– Хватит шуметь, – сказала мама, – давайте кушать, а то всё остынет.

– Вот и отлично, – сказал папа, – О, да тут омлет с зеленью и сыром! Чудесно. Я бы съел кусочек!

– И я! – сказал Серёжа, вооружаясь ножом и вилкой.

– И я – сказала Варя, следуя примеру брата.

– Хорошо, хорошо, хорошо, – сказала мама. – Будет вам омлет.

Гав! – тьякнул Стёпа, проснулся при звуках накрываемого стола и, покинув свой пост под смородиной, прибежал на кухню и забрался на старое кресло. Он хитро поглядывал из-под своих густых бровей на стол и облизывался.

– И тебе омлет? – засмеялась мама. – Ну, нет, дружок, ты уже позавтракал.

– А можно я дам ему маленький кусочек сыра? – спросил Серёжа. – Он же тоже хочет.

– Только если совсем маленький, – сказал папа, – а то он разбалуется. Кстати! Это не вы закрыли его вчера под домом,

а? Признавайтесь!

– Нет, не мы! – сказал Серёжа.

– Мы не запирали, – подтвердила Варя. – Честно.

– Странно, странно, – сказал папа, чему-то улыбаясь.

– Ой, – вспомнила Варя, – ты обещал показать скворечник!

– Да! – подскочил на месте Серёжа. – Где он.

– Всему своё время, – сказал папа, отрезая кусочек омлета, – всему своё время.

– Но почему!

– Ожидание, лучшая приправа для шедевра...

– О-о-о! – протянули разом мама, Варя и Серёжа.

– Смотри, как бы приправа не оказалась сытнее блюда, – мимоходом заметила мама. – Как в прошлый раз, со скамейкой...

– Это запрещённый приём! – возмутился папа с набитым ртом. – Это скамейка была ошибкой. Просто недоразумением! И гении ошибаются!

– Это недоразумение до сих пор мешает мне пройти к моей грядке. Может быть, его пора разобрать и истопить им камин, что скажешь?

– Мою скамейку? В камин? Это заговор! Это...

Папа оживлённо жестикулировал руками, не находя слов и в конечном итоге махнул рукой и принялся ожесточённо поедать свой омлет.

– Правда, пап, она только мешается, – поддержал идею

Серёжа.

– Годы труда!.. – притворно заохал папа, качая головой.

– Ты потратил всего 2 дня.

– 48 часов каторги!.. – продолжил он, тем же тоном.

– Ну, пап, хватит уже, – смеясь, толкнула папу Варя.

– Все ополчились против бедного художника!.. Даже родные дети! Кошмар...

– Художника... – хмыкнула мама. – Ещё скажи архитектора.

– Скульптора!.. – воскликнул папа, но внезапно сменил тон. – А вообще то, вы правы. Этот позор нужно сжечь. Сегодня же я разберу её, распилю и отнесу в дрова. Нужно освободить мастерскую для истинных шедевров!..

Папа шумно отхлебнул чай, за что получил нагоняй от мамы и продолжил:

– Но мой скворечник, друзья мои – великолепен! Он идеален! Он ...

– Хвастунишка, – сказала мама и пригладила его вихры. – Доедай и поможешь мне. Мне нужна крепкая мужская рука.

– А что, Степашка не подойдёт? – удивился папа, и Варя прыснула в чашку с чаем, а за ней и Серёжа.

– Ну, какие же вы! – с чувством сказала мама и сама засмеялась.

– Да, мы такие! – гордо сказал папа и, потянувшись за хлебом, нечаянно погрузил свой локоть в маслёнку.

– Хрю-хрю! – хором сказали ребята и захохотали ещё

больше, глядя как папа втягивает голову в плечи, прячась от мамы, которая в шутку шлёпает его полотенцем.

– Я просто хотел смазать немного локоть моего пиджака, – оправдывался он, не зная, куда деться от маминого полотенца. – Я не виноват! Он стал скрипеть! Ой! Ой! Спасите! Караул!..

Глава 8

– А давай возьмём Счастливого с собой, на прогулку? – предложила Варя, когда, некоторое время спустя, они с братом сидели на веранде, наблюдая за папой, который разбирал своё прошлогоднее творение.

– Мне кажется не стоит его так часто переносить, – сказал Серёжа, – он же маленький совсем.

– Но мы не пойдём далеко, – сказала Варя. – Сядем с ним на травке...

– Ты просто хочешь его потискать! – сказал Серёжа.

– А вот и нет, а вот и нет, – сказала Варя, хотя хотела именно этого. – Ему же нужно солнышко.

– Не нужно, – сказал мальчик.

– Нужно, нужно, сказала Варя, – всем нужно солнышко! От него витамины!

– Не витамины, а витамин, один – D называется, – рассудительно сказал Серёжа. – Но совсем маленьким, солнышко не нужно. Им в темноте уютнее. Помнишь, кошка у тёти Веры котят родила?

– Помню, – грустно сказала Варя, потому что тогда очень хотела взять одного из них к себе, но у них уже был Степашка. – Они такие хорошенькие были!

– Она коробку для них сделала, а Маруся их всё равно всех за пианино утащила и там растила.

– А когда же возьмём его с собой? – в отчаянье воскликнула девочка.

– Надо подождать, – сказал Серёжа, который тоже хотел гулять со Счастливым, но был настроен решительно. – Я думаю, когда он прекратит молоко кушать, тогда можно.

– А когда он прекратит? – спросила Варя.

– Я не знаю... – ответил мальчик. – Скоро, наверное.

– А что он будет потом кушать? Кашку?

– Хм, кашку, – передразнил Варю брат. – Я думаю – мясо.

– А почему мясо? – удивилась Варя, которая в тайне мечтала, кормить малыша с ложечки кашей, обвязав шею платочком.

– Потому что он хищник! – сказал Серёжа.

– Ничего он и не хищник! – запротестовала Варя. – Он хороший!

– Стёпа тоже хищник, – сказал Серёжа. – И Маруся.

– А он не хищник! – упрямо твердила Варя. – Он никого обижать не будет!

– Конечно, не будет, – согласился Сережа, видя, что его младшая сестра расстроилась. – Мы его всему обучим, как Степашку.

– Он тоже будет стоять на задних лапках? – обрадовалась Варя.

– Я не уверен, но можно будет попробовать.

– А когда мы будем его учить?

– Когда он подрастёт.

Варя вздохнула.

– Ну, вот, опять ждать... Ну, может, мы с ним хоть посидим подольше сегодня? Я очень по нему скучаю!

– Посидим, посидим, – сказал мальчик. – После обеда. Можно будет сказать, что мы гуляем, а сами залезем под дом и останемся там.

– А Степашка нас не найдёт? – спросила Варя.

– Да, пожалуй, придётся его взять... – поразмыслив, ответил Серёжа. – Надо будет захватить его поводок и ошейник, что бы он опять не вырвался.

– И морковку! – сказала Варя.

– Точно, – согласился Серёжа, – и морковку. Это надёжнее любого поводка!

Морковка была любимым лакомством Степашки, и он готов был исполнять любые команды, чтобы получить её. За это, папа часто называл его «саблезубым зайцем» и даже пытался обучить его скакать на задних лапках, но Стёпа постоянно спотыкался, и обучение пришлось прервать.

– А можно я сейчас на него посмотрю? – взмолилась Варя. – Вдруг он не спит?

– Иди, – сказал мальчик, – проверь, а я покараулю родителей.

Варе не нужно было повторять дважды. Улучив момент, она нырнула под дом и через минуту держала Счастливику на руках. Малыш, похоже, узнал Варю и крепко обхватил её платье своими маленькими лапками. Она погладила его по

голове и по голому розовому брюшку. Малыш счастливо зажмурился и заворчал от удовольствия. Тогда она почесала его кругленький животик, и он окончательно разомлел, свесив задние лапки. Ей показалось, что он подрос со вчерашнего дня и его глаза смотрят на неё по-другому.

– Ты меня узнаёшь, малыш? – тихо сказала Варя. – Тебе не скучно тут одному? Не переживай, скоро ты подрастёшь и мы будем гулять все вместе, как настоящие друзья.

Малыш внимательно смотрел на неё, словно что-то понимая и вскоре уснул, убаюканный её голосом. Подержав его ещё немного, она чмокнула Счастливику в его смешной нос, уложила в коробку и накрыла краешком подстилки.

– Спи, мой маленький, спи, – сказала она, глядя малыша по голове. – Мы тебя не бросим.

Малыш открыл на секунду свои большие глаза, а затем свернулся удобнее и задремал. Варя погладила его изумрудную шерстку в последний раз и поползла на выход. Серёжа помог ей выбраться незамеченной, и они пошли гулять со Степашкой, который уже успел раскопать яму на маминой клумбе, получил нагоняй и был рад выбраться наружу. Они отлично провели время, играя и резвясь на свежем воздухе, и когда пришло время обеда, накиннулись на суп и макароны с отварным мясом, словно никогда не видели их раньше.

– Только ради одного этого стоит ездить на дачу, – сказала мама, глядя на ребят. – Ты только посмотри, как они едят суп?! Дома их не заставишь.

– Лучшая приправа, это голод, – сказал папа, подбирая остатки соуса на тарелке.

– Кстати о приправах, – сказала мама. – Кто-то обещал нам показать, нечто выдающееся... Кто бы это мог быть?

– Спокойствие, друзья мои, – сказал папа, вытирая рот салфеткой. – Этот человек среди вас и он готов вас удивить.

– Ура! – закричала Варя. – Идёмте скорей!

– Хорошо, хорошо, – сказала мама, – но вы, что же, не хотите сначала попробовать кекс с варёной сгущёнкой...

– Как, – взмолился папа, – ещё и кекс? В человеческих ли силах съесть всё это, а, Варвара?

– В человеческих, – уверенно ответила Варя, у которой всегда находилось в животе местечко для сладкого кусочка...

– Сергей, – обратился папа к мальчику, – ваше мнение? Одолеет кекс или нет?

– Надо бороться, – мужественно отозвался мальчик, который наелся так, что казалось, вот-вот лопнет.

– Вот она, воля к победе! – торжественно взмахнул ложкой папа. – Но, дорогая, если мы будем так есть каждый день, мне придётся покупать новый костюм к следующему месяцу.

– Не беспокойся, со следующей недели мне нужно будет заниматься моим новым проектом и для пирогов времени не будет, – успокоила его мама. – Если только Варя не испечёт нам что-нибудь...

– Я испеку, – отозвалась Варя, – только ты мне покажешь,

как.

– Покажу, – пообещала мама, – обязательно покажу. Ну, кому, какой кусочек?

Управившись с кексом и дружно вымыв посуду, все отправились на веранду, и расселись на стульях.

– Ждите здесь, – сказал папа, с видом фокусника готовившего эффектный трюк. – Закройте глаза и не открывайте раньше времени. Варвара, не подсматривай!

– Я ничего не вижу, – сказала Варвара, но сама, не в силах сдержать любопытство, смотрела сквозь ресницы одним глазом, на то, как папа удаляется, а затем приносит стол, на который ставит что-то, накрытое белой тканью и куда-то отводит Степашку.

– Внимание, внимание! – наконец объявил папа, – Откройте свои глаза и не говорите, что вы не видели! Только сегодня и только здесь, первое и последнее представление великого Мага и Чародея, прославленного Торфяного Волшебника и скворечных дел мастера, практикующего по ту, и по эту сторону луны, ученика всемирно известного мавра Альб де Десерт Саиба ван дер Хо-Хо-Хофена IV с половиной, по прозвищу Снежок, несравненного и всеми любимого, – Папочки! Аплодисменты, друзья мои, аплодисменты! Не сдерживаем себя, не сдерживаем! Хлопаем до упаду!

Все захлопали, а Серёжа даже засвистел. Папа, немного выждав, поднял руку, призывая собравшихся к тишине.

– Но прежде чем я сорву покров со своего последнего

невероятного творения, я попрошу удалиться всех, кто не верит в чудо утренней зарядки, овсяной каши и зубной пасты, – провозгласил папа. – Присутствуют такие в зале?

– Нет! нет!

– Хорошо, – сказал папа, – тогда приступим. Помогать мне будет мой друг и коллега, грозный повелитель жуков, бабочек и прочих летающих созданий, милейший пёс и член нашей семьи, – Степан Великолепный. Степан, принесите, пожалуйста, волшебную веточку!

Невидимый доселе Степашка вышел из-за куста жасмина, гордо неся в зубах маленькую веточку смородины.

– Спасибо, коллега, – с самым серьёзным видом сказал папа, забирая у Степашки ветвь и витиевато раскланиваясь. – Прошу вас, присаживайтесь.

Степашка с уморительно важным видом сел рядом с папой, чем вызвал новый взрыв смеха.

– Итак, под этой белой мантией, сотканной из чистейшего лунного света и кандагарской паутины, (такой крепкой, что на ней можно подвесить целого слона!), находится скворечник. Самый обычный скворечник, который вы все не раз видели и, который, по мановению этой волшебной смородиновой ветви, (а весной, как вы, может быть, знаете, на смородине можно найти волшебную веточку, только нужно знать, как правильно её искать) превратится сегодня в сказочный птичий дворец. Итак, – папа взмахнул ветвью над покрывалом и забормотал что-то, похожее на:

– Крам-чики-тики- май-я-я, трам-чики-тики-бай-я-я, Он так сильно размахивал веткой, что Степашка, воспринял это как предложение поиграть и когда папа в очередной раз опустил её вниз, он крепко вцепился в неё зубами и стал тянуть её на себя.

– Храм-чики-тики-вай-я-я, брам-чики-тики-фай-я-я, – невозмутимо продолжал колдовать папа, стараясь вырвать ветку у разыгравшегося Степашки, в то время как в зрительном зале нарастал хохот.

– Прам-чики-тики-хай-я-я, бац, клац, мац! – закончил папа и, вырвав измочаленную ветвь, элегантно взмахнул её остатками над покрывалом и отбросил в сторону. Затем, он отдёргнул покрывало одним лёгким движением рук и, скромно отойдя в сторону замер, скрестив руки на груди. Несколько секунд на участке стояла мёртвая тишина, и было видно, что папа даже немного заволновался, но потом мама встала и произнесла:

– Дорогой, я беру все свои слова обратно, это просто чудо!

– Да, да, – закричали дети, вскочили со своих мест и подбежали к скворечнику, который переливался на солнце всеми цветами, но больше всего лимонно-жёлтым и багряно-красным.

– Ой, смотрите, кошечка! – тараторила Варя. – Сиреневая кошечка в окне! А вот вторая, на крыше!

– А вот дверца, а рядом – велосипед. Два! – сказал Серёжа.

– А это кто нарисован? Зайчик? И что это у него? – спро-

сила Варя.

– Ха. Да это же Степашка верхом на огромной морковке! – отозвался Серёжа. – Круто!

– Здесь даже маленькая табличка с адресом, – сказала мама. – 2-я Южная улица, Участок с сосной, Весёлый Скворечник. Чудесно. В это раз ты превзошёл самого себя.

– Да, – сказал папа, смущённый и гордый. – Всё получилось очень удачно. Правда, немного лака я, всё таки, разлил...

– Немного? – недоверчиво спросила мама.

– Всё что оставалось в банке, – сконфуженно признался папа. – Просто в этом сарае так узко! Но это ничего, зато теперь у нас там лакированный пол!

Мама сокрушённо покачала головой, но промолчала.

– Словом, – продолжил папа, желая скорее сменить тему, – я очень рад, что вам понравилось. И чтобы закончить, Сергей, пойдём, принесём лестницу и повесим домик на сосну. Пусть птички осваиваются.

– Ты и вправду хочешь его повесит? – спросила мама.

– А почему нет? – удивился папа. – Ты же сказала, что тебе понравилось.

– Мне очень понравилось, честное слово, просто...

Мама пыталась подобрать слова.

– Просто ты думаешь, что птицы испугаются жить в этом сумасшедшем доме, – со смехом закончил папа.

– Да, примерно это я и имела в виду, – сказала мама улы-

баясь. – Я думала, мы повесим его в доме или в твоём кабинете на втором этаже. Жаль будет если дождь и солнце испортят такую замечательную работу.

– Не переживай, птицам понравится. Вот увидишь!

– Пап, – сказал Серёжа, – но мама права, скворечник облезет. Даже лак не поможет. Давай, оставим его, а скворцам сделаем новый?

– Нет, – величественно сказал папа, – пусть себе облезает, сколько ему вздумается. Мы не будем бояться, и прятать красоту. Мы сделаем ещё, если будет нужно. Мы сделаем столько скворечников, сколько понадобится! Пойдём за лестницей.

Они принесли лестницу, и Серёжа забрался по ней до первых толстых веток сосны. Он осторожно поднялся по ним немного выше и с помощью мягкой проволоки, чтобы не ранить дерево, прикрепил скворечник к стволу.

– Как будто какой-то тропический фрукт, – сказала мама, глядя на яркий скворечник, сверкающий среди тёмно-зелёной хвои.

– Пускай сегодня это будет не сосна, а пальма, – предложил папа. – Можно установить шезлонги под ней и полежать на солнышке потягивая молочные коктейли. Что скажете? Можно представлять, что вон там, за кустами, плещется море. Вон, кстати и чайки. Ну чем не пляж, а?

– Здорово, – обрадовалась Варя, которая очень любила молочные коктейли.

– Хорошая идея, – согласилась мама. – У нас есть замороженная клубника и консервированный ананас. И можно добавить немного мяты. Она как раз взошла. Но нам нужно купить молоко. Я не досчиталась одной бутылки, когда делала омлет, может быть, мы забыли её в городе, когда уезжали?

– Не знаю, не знаю, – сказал папа странным голосом, – мне кажется, я положил все. Варвара, ты, случайно, не видела бутылку молока?

– Нет, – сказала Варя и почувствовала, что краснеет, потому что она знала, обманывать родителей, это очень нехорошо.

– Странно, странно, – сказал папа, тем же голосом. – Ну, что же, придётся мне взять велосипед и прокатится до магазина. Ты со мной?

– Да, – сказала мама. – Я бы с удовольствием прокатилась.

– Превосходно, – сказал папа, – мы поедем немедленно и скоро вернёмся, проследите, пожалуйста, чтобы Степашка не выбрался и не побежал за нами.

– Хорошо, – сказал Серёжа, который уже спустился на землю. – Я привяжу его.

– Славно, – сказал папа. – Имеются ли какие-нибудь особенные пожелания, а?

Варя уже хотела крикнуть радостно «Имеются! Мороженое!» но от чего-то промолчала.

«Так мне и надо, подумала она, никакого мне мороженого, за то, что я обманула папу и маму».

Она чуть не заплакала от того, что ей приходится врать, но потом, вспомнила Счастливого. Его бархатную шерстку, мягкое брюшко, то, как он цепляется за неё лапками, когда она его держит и немного успокоилась. В конце концов, малыш был спасён, а мороженое... Мороженое иногда может и подождать.

– Так что, есть или нет, – спросил пап немного удивлённый.

– Нет, – замотала головой Варя.

– И у тебя нет? – ещё больше изумился папа, глядя на Серёжу, который тоже отрицательно мотнул головой.

Он слышал разговор про молоко, когда сидел на дереве и решил быть солидарным с младшей сестрой.

– Воистину, это земля чудес! – воскликнул папа и удалился за велосипедами.

Мама потрепала Варю и Серёжу по головам.

– Не скучайте тут, – сказала она ласково. – И... ладно... Неважно. Мы скоро вернёмся.

– Пока мамочка!

– Пока-пока!

Она села на свой новый ярко-оранжевый велосипед и по-сигналила папе, который копался со своим старым синим монстром, категорически отказываясь выбросить его на помойку. «Он мне как родной!» говорил он и продолжал ездить на нём, несмотря на все уговоры мамы, хотя бы покрасить его заново. Впрочем, при всём своём несуразном внешнем

виде, велосипед много лет служил верой и правдой, вызывая не только усмешки, но и уважение. Ребята закрыли за родителями калитку, переглянулись и, не сговариваясь, что есть духу, побежали к маленькой дверце. Степашка, тоже заску-чавший по своему зелёному другу, помчался следом.

«Всё нужно держать под контролем, – думал он, пробираясь в темноте за ребятами. – Если бы не я, то бабочки и стрекозы давно захватили бы весь наш участок. Хорошо, что я всегда начеку!..»

Глава 9

Несмотря на тёплый день, под домом было холодно и промозгло. Они пробрались в их потайной угол и вытащили попискивающего Счастливику из коробки. Он был голодный и с радостью стал пить молоко.

– Смотри, она совсем мокрая, – сказал Серёжа, ощупывая коробку. – Это от сырости.

– Ой, – сказала Варя, – малыш может заболеть!

– Знаю, – сказал Серёжа. – Надо вынести коробку на солнце и просушить, а подстилку вытряхнуть и проветрить. Пойдём.

– А родители не заметят? Вдруг они раньше вернутся?

– Не переживай, – сказал мальчик. – Я всё предусмотрел. Даже если они и вернутся, то не смогут войти – я запер калитку.

– Но мы не запираем калитку, – удивилась Варя.

– Ничего, – ответил мальчик. Скажу, случайно закрыл. И ты же не хочешь, что бы нас сцапали?

– Нет, – сказала девочка, – просто...

– Что?

– Просто я не хочу больше обманывать маму, – сказала Варя, – это нехорошо.

– А мы и не обманываем, – сказал Серёжа. – Мы играем.

– Как это? – удивилась Варя.

– Как в прятки. Они ищут, а мы прячемся. Прячем Счастливого. Так можно.

– А долго нужно играть? – спросила Варя.

– Не знаю, – сказал мальчик, которому тоже не очень нравилось обманывать родителей.

– Может быть, мы им скажем, когда он немного подрастёт? – предложила Варя.

– Пожалуй, – согласился мальчик. – Мы не сможем постоянно сидеть под домом.

– У если они не разрешат его держать дома? – спросила Варя.

– Уверен, – успокоил её брат, – мы с тобой что-нибудь придумаем. А пока, я займусь его домиком.

Мальчик вытащил коробку на солнце, а подстилку развесил на верёвке для сушки белья. Потом он снова забрался под дом.

– Ну как он?

– Засыпает.

– Он покушал?

– Да. Смотри, как у него животик надулся смешно?

Серёжа пощупал округлившийся животик малыша и тот приоткрыл свои большие глаза и зевнул.

– Совсем как Степашка, когда он был щенком, – сказал мальчик. – Только нос розовый и ушей почти не видно.

– И бороды нет, – сказала Варя.

– Да, – сказал мальчик, касаясь кончиками пальцев длин-

ных усов Счастливого. – Зато есть усы.

– Ему не нравится, – сказала Варя, – прекрати.

– С чего ты взяла, что ему не нравится, – обиделся мальчик. – И вообще, сейчас моя очередь его держать.

– Нет, ты его разбудишь.

– Я осторожно.

– Нет, он проснётся!

– Не проснётся, если ты не будешь так шуметь. Дай мне его подержать!

– Нет!

– Да!

Их спор прекратил твякнувший Степашка, который, при виде своего старого знакомого, очень обрадовался и принялся обнюхивать Счастливого, виляя своим смешным хвостиком.

– Давай положим Счастливого, и пусть Степашка с ним поближе познакомится, – предложил Серёжа.

– А он его не обидит? – недоверчиво спросила Варя. – Помнишь, как он лаял на ежа?

– Не волнуйся? – засмеялся Серёжа. – Он же сам его из воды вытащил и он понимает, что Счастливчик теперь член нашей стаи.

– Какой стаи? – не поняла Варя.

– Ну, стая это как семья, – сказал Серёжа, – только у собак или у волков. Степашка думает, что мы его стая, а Счастливчик – её новый член. Он его не тронет, он умный.

Ребята положил малыша на сухое место у двери и, погрозив Степашке пальцем, что бы тот не шалил, подпустили его к малышу. Но Степашка и не думал хулиганить. Едва оказавшийся в одиночестве Счастливчик начал скулить и крутиться в поисках тепла. Тогда Стёпа, наострив уши, аккуратно подошёл к нему, сел рядом и принялся лизать его мордочку и спинку. Счастливчик запищал громче, но уже от радости и опрокинулся на спину, подставляя Степашке своё брюшко. Степашка облизал и его, и малыш блаженно зажмурился от удовольствия и заурчал.

– Молодец, Степашка, молодец, – подбадривали его ребята. – Хороший пёс, умный!

Степашка, немного растроганный, продолжал облизывать малыша, а потом улёгся рядом, уткнувшись носом ему в бок. Счастливчик крепко обхватил его бороду своими лапками и задремал.

– Вот видишь, – сказал мальчик, – я же говорил, что они подружатся!

– Я так рада, – сказала Варя, – так рада! Теперь у Счастливчика тоже есть папочка!

В этот миг с улицы донеслись велосипедные звонки и голоса родителей.

– Быстро, прячь его, – сказал мальчик, подскакивая от неожиданности.

– Коробку, – крикнула Варя, хватая малыша, – принеси коробку!

– Ах, да! забыл!

Серёжа бросился наружу, схватил коробку, сорвал с верёвки подстилку и, почти бросив всё это Варе под дом, побежал открывать калитку.

– Чего это вы заперлись? – спросил папа, разгорячённый от езды. – Бойтесь?!

– Ничего мы не боимся, – сказал Серёжа, – случайно вышло...

– Какие странные случайности стали происходить в последнее время в нашем доме, – сказала мама, румяная и запыхавшаяся.

– Просто мистика, – согласился папа. – Думаю, это будет отличным материалом для моей новой книги. «Тайна старого подвала», как тебе, а?

Серёжа похолодел, но родители уже принялись болтать о том, как здорово было прокатиться на велосипедах по свежему воздуху и как хорошо иметь дачу. Втроём они прошли на кухню, а через пару минут к ним прибежала Варя.

– Ну, чем занимались, – спросил ребят папа.

– Ничем.

– Ничем, – папа переглянулся с мамой. – Совсем, совсем ничем?

– Совсем, – сказали ребята, избегая взгляда родителей.

– Странно, странно, – сказал папа, притворно хмурясь и косясь на маму.

– Вы точно уверены, что ничего не хотите нам расска-

зять? – строго спросила мама, и Варя не выдержала:

– Мамочка, мы не виноваты! Он такой маленький! Он такой хорошенький! Мы его спасли! Он тонул! Можно мы его возьмём себе, пожалуйста?! Он ещё молоко пьёт, его нельзя оставить! Он погибнет!

И Варя горько расплакалась.

– Стоп, – сказал папа, – успокаивая девочку. – Никто не погибнет. Мы сейчас всё спокойно обсудим и решим, что нам делать

– Так вы всё знали? – спросил Серёжа, краснея от стыда.

– Когда у меня пропало молоко, – сказала мама,

– А у меня, фонарь, – добавил папа,

– А потом вы полночи сидели под домом...

– Где кто-то мяукает...

– То мы всё конечно поняли. И хоть я против того, чтобы подбирать всех котят, которых вы найдёте на улице, потому что, очень скоро в нашем доме не останется места для...

– Но это не котёнок! – в один голос казали ребята.

Родители изумлённо посмотрели на ребят.

– А кто же это, – спросил папа.

– Мы не знаем! Но он очень маленький и он, правда, чуть не утонул и мы спасли его, когда были на речке!

– Так вы ещё и на речку ходили, – сказала мама. – Очень мило... Кажется, мне серьёзно придётся заняться вашей дисциплиной.

– Да, – сказал папа. – Дела... Давайте-ка, быстро несите

сюда этого вашего неизвестно кого, посмотрим на него.

– А вы его не выбросите? – утирая слёзы, спросила Варя.

– Ну что ты такое говоришь, – возмутился папа. – Когда это мы отказывали маленьким зверятам в помощи?! Несите его скорей и посмотрим, что мы можем для него сделать.

– Значит, мы оставим его себе? – спросил Серёжа.

– Мы этого не говорили, – сказала мама. – Но мы точно не собираемся никого «выбрасывать». Это просто безобразие, что вы так плохо о нас думаете!

– Прости, мамочка, – снова прослезилась Варя. – Мы так больше не будем! Мы больше никогда не будем вас обманывать! Честное слово!

– Вот мы и посмотрим, как вы умеете держать своё слово, – сказала мама, вытирая Варю слёзы. – А теперь, несите скорее вашего питомца сюда. И не пускайте на кухню Степашку, а то они могут подраться.

– Нет, – улыбнулась Варя. – Степашка его любит! Они друзья!

– Даже Степашка в сговоре с ними, – не выдержал и засмеялся папа. – Это просто кошмар! Я надеюсь, вы не тигрёнка принесли домой и нам не придётся ставить металлические двери в комнатах и запирать их на ночь.

– Ура, – закричали дети, которые отлично знали своего папу и всё поняли. – Счастливчик остаётся!

– Прекрасно, у него уже и имя есть, – сказала мама, – Но я предупреждаю вас, если это дикий зверь, то мы обязаны

будем отдать его, так и знайте!

– Он не дикий, – прокричали ребята в ответ, наперегонки несясь к дому. – Он член нашей стаи!

– Поздравляю, дорогой – сказала мама. – Мы стали стаей.

– Не вижу в этом ничего ужасного, – сказал папа, обнимая её. – Если эта стая дружная и весёлая. И тщательно моет лапы перед едой!..

Глава 10

– Поразительно! – в двадцатый раз воскликнул папа, рассматривая Счастливого, который спокойно лежал на своём покрывале, расстеленном на кресле, и сосал молоко из бутылочки, которую держала Варя.

– По-ра-зи-тель-но! Никогда ничего подобного я не видел. И... И... и я даже представить себе не могу, что это за зверь!

– Не стоит так волноваться, – сказала мама, с любопытством и неким удивлением наблюдая за действиями Вари. – Я думаю, тебе стоит посмотреть в иллюстрированной энциклопедии. Не с другой же планеты он к нам прибыл.

– Как знать, как знать... – пробормотал папа, рассматривая маленькие ушки Счастливого. – Я хочу сказать, что нет, конечно, нет, но что это совершенно редкий, если не сказать уникальный вид, я уверен. И это зелёный цвет. Поразительно!

– Может, это краска? – спросила мама.

– Не думаю, – ответил папа, поднося малыша к самым глазам. – Это было бы слишком сложно. К тому же, кому придёт в голову красить такого невероятного зверька и потом бросать его в реку. Если, конечно, всё что вы рассказали...

– Это правда! – сказал Серёжа. – Чистая правда. Он приплыл из леса, на торфяном островке!

– Да! – подтвердила Варя. – И Серёжа вытащил его сач-

ком, а потом, когда сачок сломался, Степашка спас его!

– Невероятная история, – недоверчиво сказала мама, – и если бы я не знала, что поблизости нет зоопарка и вообще, хоть какого-то города, я бы решила, что вы его стащили...

– Мам! – возмутился Серёжа.

– Ну, хорошо, – сказала мама. – Я неправильно выразилась. Не стащили, а освободили, к примеру.

– Но это правда!

– Может он сбежал? – предположила мама.

– Но откуда?

– Знаешь, – сказала мама, – в мире много людей, которые не очень любят животных. Они ради забавы могут отнять такого малыша у мамы и привезти в другую страну, за тысячи километров, чтобы продать его как живую игрушку.

– Увы, – сказал папа, продолжая изучать малыша, – такое случается довольно часто и это первое, что пришло мне в голову.

– Может так оно и есть?

– Возможно, – признался папа. – Но мне странно как он оказался в речке. Этот лес совершенно глухой и никто там не живёт. Что делать человеку с таким редким малышом, в такой ужасной глуши, если он хочет его продать? Я не понимаю.

– Но мы же оставим его? – робко спросила Варя, которую интересовало только одно, останется ли её любимый малыш с ней или нет.

– Для этого, – как можно мягче сказала мама, – нам нужно понять, что это за зверь, потому что если он занесён в Красную книгу, мы должны будем отдать его.

– Но почему?! – сказала Варя. – Почему?! Ему же так хорошо у нас.

– Мы не можем знать это наверняка, – ответила мама, глядя Варю по голове, – возможно, ему нужен особый уход. И я не говорю уже о том, что он может переносить инфекции и в любом случае, его нужно как следует вымыть. Я надеюсь, вы мыли после него руки?

– Мыли, – сказали ребята.

– Очень хорошо, – сказала мама, – нам нужно быть осторожными с ним.

– Но он же совсем кроха! – умилилась Варя.

– Даже такой кроха, может болеть, – сказала мама. – Но, признаюсь, он очаровательный. Кто же это может быть?

– Очень странный малыш, – отозвался папа, переворачивая наевшегося Счастливирика с боку на бок и пристально разглядывая. – Очень. Но он в отличном состоянии. Упитан и насколько я могу судить, совершенно здоров.

– Но ты не ветеринар, дорогой, – сказала мама.

– Это верно, – улыбнулся папа. – Но когда то давно, я хотел им стать и кое-что знаю. У него совершенно чистая и гладкая шерсть. Я бы даже сказал она в изумительном состоянии. Кстати, она очень похожа на шерсть бобра, только зелёная. Глаза у него ясные и чистые, и зубки совершенно здо-

ровы. Кстати, его уши тоже очень похожи бобриные. Он, по-видимому, живёт у воды и часто ныряет, хотя перепонки у него на лапах нет. Но вот зубы у него совсем другие. Я бы сказал они собачьи или лисичьи, если хотите, только вот клыки совсем маленькие. Он, похоже, всеядный, а не хищник и совершенно точно не грызун.

– А ещё он мяукает! – сказала Варя

– Да, – сказал папа и улыбнулся, – мы с мамой слышали. Но это ничего не значит. Детёныши часто издают звуки, совершенно не похожие на те, что издают взрослые особи. Так что, это точно не котёнок. За исключением, разве что, этого чудесного розового носика!

Папа погладил кончик носа малыша и тот сморщился.

– Нос влажный, как у щенка и тёплый, – сказал папа.

– Он, что, заболел, – испугалась Варя, которая знала, что у здоровых собачек нос должен быть холодным.

– Нет, – успокоил её папа, – с ним все нормально. Это бывает, когда собака спит. И да, совсем забыл! Хвост. Точнее, его, так сказать, полное отсутствие. Если бы он не был зелёным, и я не видел бы его голову, а только лапы и туловище, я бы сказал, что он похож на... крохотного медвежонка.

– Медвежонок?! – удивилась Варя.

– О, боже! – воскликнула мама. – Он что, вырастет огромным?

– Нет, – засмеялся папа. – С учётом того, как он развит, и как у него развиты зубы, ему около месяца и я уверен, что

в самое ближайшее время, он прекратит сосать молоко, и захочет что-то другое. А это значит, что при его нынешних размерах, он будет размером...

Папа покрутил головой, что-то прикидывая в уме.

– ...размером с... Размером со Степашку. Да, едва ли он будет больше него. Конечно, если он, действительно не инопланетянин!

– Здорово! – сказала Варя. – Я смогу носить его на ручках.

– А я брать его на рыбалку, – сказал Серёжа, – и даже устроить в корзине на велосипеде.

– Стойте, стойте, – вмешалась мама. – Мы ещё ничего не решили. Всё это только предположения и ничего больше. Поэтому, мы поступим пока следующим образом. Мы немедленно вымоем малыша с шампунем от блох, который у нас припасён для Степашки, а заодно и Степашку, и устроим его на веранде, чтобы вы не лазили под дом каждые пять минут, а папа, тем временем, попробует разобраться, что это за зверь.

– Отличный план, – сказал папа, – но это займёт некоторое время. Интернета здесь нет, так что придётся по старинке покопаться в книгах.

– Может, стоит съездить в город и показать его ветеринару? – сказала мама.

– Думаю, пока не стоит, – сказал папа. – Едва ли они помогут нам определить, что-это за зверь, а без этого, они не смогут помочь. Я бы скорее съездил в зоопарк, но это слиш-

ком далеко. Пока что, нам стоит рассчитывать на свои силы.

– А если он не занесён в Красную книгу, – осторожно спросила Варя, – мы оставим его себе?..

– Мы решим это только после того, как всё выясним, – сказала мама.

– А что если его заберут у нас и отдадут в плохой зоопарк? – спросил Серёжа. – Помните, какой ужасный зоопарк мы с вами видели в последний раз.

– Там, где тигры и львы лежали среди крапивы, среди бетонных стен? – грустно сказал папа. – Это было бы ужасно. Животные не должны жить в таких условиях.

– Это должны решать специалисты, – твёрдо сказала мама. – К тому же, этот зоопарк далеко.

– Не так далеко, как кажется, – сказал папа. – Просто удивительно, что такие места ещё существуют. Директора этого зоопарка нужно самого посадить к тиграм...

– Так или иначе, – сказала мама, мы должны всё узнать, а только потом принимать решения. – Может быть, его украли и ищут! Подумайте об этом, пожалуйста.

– Сомневаюсь, – задумчиво сказал папа, поглаживая животик Счастливого, – но мы должны учитывать и такой вариант. Хотя я склоняюсь к мнению...

– Нет, это я склоняюсь к мнению, – сказала мама, – что нам пора закончить этот разговор и немедленно съесть мороженое, которое мы привезли. Мне кажется, оно уже растаяло.

– Мороженое, – глаза у Вари загорелись.

– Но мы не просили мороженое, – сказал Серёжа.

– Да, не просили, – сказала мама, – и вели себя нехорошо, но злые родители купили его вам. Так что быстро мойте руки и за стол.

– Хорошо мамочка, – сказала Варя.

– И вы тоже, мистер, – сказала мама, касаясь пальцем кончика папиного носа. – Вы тоже извольте вымыть руки после вашего неведомого зверя.

– Слушаюсь! – вытянулся по струнке папа.

– И с мылом!

– Я прослежу, – ответил папа, безрезультатно пытаясь уку-снить мамин палец. – А ты, пока что, присмотри за малышом.

– Ничего с вашим малышом не случится, – сказала ма-ма, – не беспокойтесь. Справляюсь же я с тремя другими и их собакой...

– Ты прелесть! – сказал папа. – И твои глаза... Они такие большие и выразительные... Ну просто вылитый Счастли-чик!

Мама хотела ущипнуть папу, но он увернулся и выбежал с кухни к умывальнику. Усмехнувшись, она повернулась к малышу, который проснулся от шума и испуганно озирался вокруг.

– Ну, что, горе моё луковое? – сказала она, низко наклонившись к нему, – что нам с тобой теперь делать?

Счастливчик мяукнул и беспокойно заворочался. Его ро-

зовый нос тыкался в подстилку, а крохотные, но уже довольно крепкие лапки смешно брыкались. Не найдя никого рядом, малыш начал плакать, всё громче и громче, всхлипывая и мяукая. Мама взволнованно огляделась вокруг, но не было никого, кто мог бы ей помочь. Она и не догадывалась, что ребята уже вымыли руки, но не торопились заходить на кухню и во главе с папой притаились у входной двери, прислушиваясь к тому, что происходит на кухне. Когда они услышали плач, Варя хотела бежать к Счастливику, но папа молча задержал её. Плач усилился, и перешёл в громкое мяуканье, но потом, чудесным образом затих. Серёжа понял, что задумал папа и заулыбался. Папа тоже улыбался, щуря свои добрые глаза, он наклонился к Варе и что-то прошептал ей на ушко. Девочка тихонько засмеялась от радости и все трое обменялись заговорщицкими ухмылками. Подождав ещё пару минут, они открыли дверь, и зашли на кухню. Мама сидела на кресле и умилённо смотрела на малыша, который спал у неё на руках, доверчиво обняв её лапками.

– Знаете, кто вы? – спросила она шепотом, не поднимая головы.

– Нет.

– Вы поросята! – сказала мама. – Вы нарочно всё это подстроили!

– Согласись, – расплылся в улыбке папа, – он очень милый.

– Он чудесный, – нежно сказала мама, – но это ничего не

меняет. Мы должны держаться правил.

– Иногда правила нужно нарушать, – сказал папа.

– Но только иногда, – ответила мама, тихонечко поднимаясь с кресла и укладывая малыша обратно.

– Обещаю, – сказал папа, – мы не будем злоупотреблять нарушениями.

– Так я вам и поверила! – сказала мама, садясь за стол.

– А руки, – сказал папа, – ты вымыла руки после счастличика?!

– Да?! – поддержал Серёжа.

– Ох, – сказала мама, – с вами всё на свете забудешь!

Когда мама взялась за ручку двери, хор голосов за её спиной произнёс:

– И с мылом!!!

Она с улыбкой покачала головой и вышла наружу, а за столом раздалось негромкое, победоносное хрюканье, словно там и вправду негромко смеялись развеселившиеся поросята.

«И зачем только люди постоянно моют лапы перед едой, не понимаю... – думал Степашка, который сидел под столом, дожидаясь, когда ему дадут облизать обёртку от мороженого. – Постоянно приходится их ждать... Эй, вы, давайте уже есть! Гав!...»

Глава 11

Папа, мама и ребята склонились над большим, железным корытом в котором была налита тёплая вода, а на специальной полочке стоял открытый флакончик Степашкиного шампуня. Степашка, по причине своего маленького роста, стоял на задних лапках, положив передние на бортик и, как и все, сосредоточенно смотрел на воду, в которой, лёжа животом на папиной руке, купался Счастливчик. Поначалу он очень испугался, почувствовав, что его опускают в воду и громко запищал и попытался вырваться, как вырываются кошки, когда их хотят вымыть. Но папа был настойчив и мягок, а Варя ласкала и гладила малыша, и мало-помалу он успокоился и только испуганно смотрел по сторонам, цепко держа папину руку. Стёпа был крайне возбуждён, особенно, когда малыш начал плакать, и порывался забраться в корыто и снова спасти его, так что Серёжа с трудом его успокоил, но и после этого, Степашка не отводил глаз от бултыхающегося в воде малыша и тихонько скулил, готовый в любую секунду прийти на помощь.

«За этим зелёным щенком глаз да глаз, – думал он, внимательно следя за Счастливчиком. – И за хозяевами тоже... И зачем они только постоянно всё моют?! Да ещё и с шампунем! Не понимаю... Лучше бы давали каждое утро сосиски, а то мыться, да мыться... Или, ещё хуже, стригут меня

жужжащей машинкой, от которой мне постоянно так щекотно в ушках, что нет сил терпеть! Ну, какое от этого может быть удовольствие? Ерунда какая-то... Кстати, а не собираются ли они и меня вымыть, а?.. Нужно быть настороже...»

– Я его никогда таким не видела, – удивлялась мама, наблюдая за Степашкой. – Он что, и вправду его спас?!

– А ты не верила, – сказал Серёжа. – Степашка – герой!

– Чудеса, – сказала мама.

– Такое случается, – сказал папа, – разные виды отлично сосуществуют друг с другом, хотя в дикой природе, порой, один охотится на другого.

– Это потому, – важно сказала Варя, поливая Счастливчика из ковшика, – что Счастливчик член нашей стаи!

– Варвара, прошу тебя, – взмолилась мама, – не называй нас стаей. И больше не хрюкайте за столом, это возмутительно!

– Мама права, – сказал папа, – даже несмотря на то, что у нас в доме живут животные, мы не стая. Мы люди. Так что, Счастливчик, это новый член нашей семьи и Степашка это сразу понял. Смотрите, как он наблюдает за ним, словно это его детёныш. Удивительно!

– Степашка всех любит! – сказала Варя.

– Да, – сказал Серёжа. – Помните ту кошку, на море?

– Как забыть, – засмеялся папа. – Она каждое утро ждала его у калитки и когда он выбегал, подходила к нему и тёрлась о его морду.

– А он стоял и не понимал, что ему делать, – хохотала мама. – У него был очень озадаченный вид тогда!

– И, однако, он не обижал её! – сказал папа. – Все две недели она тёрлась о него каждое утро, а он спокойно стоял и даже не ворчал.

– Ему нравилось, – сказала Варя. – Когда мы шли гулять вечером, он всегда искал её у калитки, но вечером она не приходила и он скучал.

– Да, Степашка уникам, – сказал папа. – Я думаю, в прошлой жизни он был кошкой. Варя, готовь полотенце.

Папа вытащил уже совершенно успокоившегося малыша из воды, и Варя закутала его в полотенце.

– Кажется, ему понравилось, – сказал Серёжа, разглядывая малыша.

– Скорее всего, – согласился папа. – Я более чем уверен, что этот вид живёт поблизости от воды и так или иначе с ней тесно связан. Такой короткий и густой мех, маленькие уши и посмотрите, я только сейчас обратил внимание, он может зажимать свой нос, чтобы туда не попала вода. Определённо он должен любить купаться.

– Почему же он так пищал? – спросила Варя.

– От испуга, – сказала папа. – Представь, какой шок он испытал от разлуки со своей мамой в таком юном возрасте и от такого опасного путешествия по холодной реке на крохотном островке. Кто знает, что случилось у него дома, быть может, он один и выжил.

– Бедненький мой, – сказала Варя, вытирая малышу голову, – но мы тебя не бросим.

Мама хотела что-то сказать, но папа выразительно посмотрел на неё и она промолчала.

– А ему не будет холодно на веранде? – спросила Варя, которая всё ещё лелеяла надежду, что ей разрешат взять малыша в комнату и она, втайне, будет брать его ночью в свою кроватку.

– Если он не замёрз под домом, то на веранде ему и подавно будет замечательно, – сказала мама. – Но только на веранде, слышите?! В комнатах ему не место. Как-никак Счастливчик, пусть и маленький, но дикий зверь.

– Я принесу коробку из-под дома, – сказал Серёжа. – Только её нужно высушить, а то мы не успели...

– Не нужно, – сказал папа. – У меня есть отличный деревянный ящик, ему там будет очень удобно. А вместо старой подстилки положим новую, на чердаке полно старых вещей. Устроим его с комфортом.

– Так и поступим, – сказала мама. – А завтра, мы поедем с папой в город и купим в зоомагазине специальную бутылочку для кормления таких малышей и банку детского питания. Я думаю, что обычное молоко из бутылки ему не очень подходит, и он может исхудать.

– Я тоже об этом подумал, – кивнул головой папа. – Коровье молоко, скорее всего, недостаточно жирное для него. Но мы что-нибудь придумаем! Кстати, не пора ли его ещё

покормить? Кажется, он начинает беспокоиться?

– Но он совсем недавно ел, – сказала Варя. – Почему же он опять хочет?

– По-видимому, я прав, – сказал папа. – Обычное молоко ему не очень подходит. Но постойте, у меня, кажется, есть отличная идея! Это займёт минут 20-30, подождите меня.

Папа вытер руки и побежал к велосипеду.

– Ты куда, дорогой? – удивилась мама. – Магазин уже закрыт!

– Я скоро буду, – прокричал в ответ папа, – дождитесь меня и не кормите его!

И он скрылся из вида.

– Ну, что же, – сказала мама, пожимая плечами, – у вашего папы очередная идея, придётся подождать. Пойдёмте в дом.

– А Степашка? – спросил Серёжа. – Мы хотели вымыть Степашку.

– А где он? – оглянулась вокруг Варя. – Он только что был здесь.

– Боюсь, – засмеялась мама, – что Степашка понял, что он следующий и сбежал.

– Он побежал за папой! – догадался Серёжа

Да, и теперь его уже не догнать, – сказала мама. – Ничего, возьмёмся за него завтра.

Они сели на веранде и принялись ждать, но время шло, а папы всё не было. Счастливчик капризничал и страдальчески смотрел на Варю, прося кушать. Его мяуканье оконча-

тельно покорило маму, и она держала его на коленях и ласкала ему брюшко, любуясь подсыхающим мехом, ставшим ещё более ярким и пушистым.

– Невероятно красивый цвет, – говорила она. – Живой изумруд. И этот нос, боже! Совершенно замечательный розовый нос! Он просто игрушечный. Серёжа незаметно толкнул локтем Варю и показал глазами на маму. Варя улыбнулась. Счастливчик был спасён. По крайней мере, на ближайшее время.

– А глаза, – продолжала восторгаться мама. – Серёжа, Варя, вы видели его глаза? Такие огромные и такие внимательные! Мне кажется, папа немного ошибся и ему уже больше месяца. Смотрите, как он смотрит на меня! Впрочем, нет, он ещё совсем малыш. И пузо у него голенькое как у щенят.

– Ты думаешь, он, правда, откуда-то сбежал? – спросил Серёжа.

– Честно говоря, – призналась мама, – я даже и не знаю, что подумать. Он слишком странный, с одной стороны, но с другой...

– Что с другой? – забеспокоилась Варя.

– С другой, с таким мехом и ушами и лапами, он вполне мог бы жить на болотах, – сказала мама и, кажется, сама удивилась своим словам.

– Вот здорово! – сказал Серёжа. – Может быть, мы открыли новый вид.

– Возможно, – сказала мама. – Правда меня немного сму-

щает его цвет.

– Но это же очень удобно, – сказал Серёжа, которому очень хотелось, что бы это был новый, неизвестный науке зверь. – Его совсем не видно в траве. Маскировка!

– Допустим, – сказала мама. – Но что ему делать с таким мехом осенью или зимой?

– Может, он как заяц, – предположил Серёжа, – зимой становится белым... А осенью жёлтым!

– Это было бы замечательно, – улыбнулась мама, – но такого не бывает в природе. Зелёный мех, это слишком экзотично для наших широт. Может быть где-нибудь в джунглях...

– Но ведь тигры оранжевые, – не сдавался Серёжа, – и они живут там, где бывает снег.

– И всё равно, – сказала мама, – он слишком необычен для этих мест.

– А может быть он один, – тихо сказала Варя, – совсем один такой.

– Это было бы слишком грустно, если бы такой очаровательный малыш был бы совсем один, – сказала мама. – Я уверена, что у него где-то есть семья, друзья, родственники. Его стая. Настоящая.

– Мы его настоящая стая, – упрямо сказал Серёжа. – Мы его спасли и мы его друзья.

– И это очень хорошо, – деликатно согласилась мама. – Маленьким и слабым всегда нужно помогать. А вот и папа,

слышите?!

Тяжело дышащий папа, а за ним, ещё более тяжело дышащий Степашка зашли в дом. Стёпа тяжело упал на свой коврик и больше не двигался. Его короткие лапки были неприспособленны для таких быстрых прогулок, и он еле добрался обратно. Папа тоже был измотан и никак не мог ничего выговорить, а только размахивал руками, а потом вытащил из сумки пластиковую бутылку с чем-то белым.

– Молоко, – удивилась Варя. – Ты привёз молоко?

Папа утвердительно закивал головой.

– Но у нас есть молоко!

– Это... козь...е..

– Козье?

– Да... Оно...оно...

– Оно гораздо полезнее и жирнее коровьего, – сказала мама. – Когда вы были маленькие, я часто покупала вам козье молоко в деревне.

– Гадость, – поморщился Серёжа.

– Вкусное, – сказала Варя.

– Так ты в деревню ездил, дорогой?

– Так, – ответил папа, отдышавшись. – Я видел объявление на заборе о продаже молока, когда мы катались сегодня на велосипедах и решил заехать. А Стёпа увязался за мной. Мне пришлось немного сбавить скорость, а на обратном пути, откуда не возьмись, выскочили деревенские собаки и бросились на него.

– Ужас, – сказала мама, – с вами всё в порядке?!

– Да, всё хорошо, – ответил папа. – Стёпа не испугался, и мы вместе прогнали их, но пришлось задержаться. Как малыш?

– Дремлет, но ты как раз вовремя.

– Отлично. Кто желает покормить Счастливчика?

– А что вы все на меня так смотрите, – сказала мама, слегка розовея под взглядами ребят. – Почему я?

– Нам всем кажется, – хитро сказал папа, – что тебе очень хочется...

– Вечно вам что-то кажется, – сказала мама, тщетно пытаясь скрыть улыбку. – Но я согласна.

– Ура! – закричала Варя. – Мама любит Счастливчика!

– Я ничего такого не говорила, – пыталась оправдаться мама, но Варя не слушала и весело хлопала в ладоши.

– Хорошо, – сказала мама, – но таком случае, мои дорогие, мы всё будем делать по правилам. Принесите мне, пожалуйста, бутылочку, только ополосните её сперва кипячёной водой, платочек, на случай, если малыш будет есть не очень аккуратно и старую пелёнку, они лежат в нижнем ящике комода, я расстелю её на коленях, чтобы не запачкать платье. А ты, – обратилась она папе, – займись, пожалуйста, новым домиком для Счастливчика. Даже если нам и придётся расстаться с ним, никто не сможет нам сказать, что мы дурно обращались с малышом.

– Отлично – сказал папа, потирая руки. – Все всё слыша-

ли? Тогда за дело. И... кто-нибудь видел мои очки?..

Глава 12

Следующие два дня, папа практически не спускался со второго этажа. Когда ребята поднимались туда, то они заставали его за изучением различных книг и энциклопедий, которыми был устлан весь пол большой комнаты. В самом центре, стоял домик со Счастливымчиком, и папа время от времени подходил к нему с очередной иллюстрацией и придирчиво сравнивал малыша с рисунком, но ничего даже сколько-нибудь отдалённо похожего не находил. Он сам кормил кроху и иногда тот засыпал у него на коленях, а иногда, прямо на страницах какой-нибудь большой книги. Они так сдружились, что Варя начала немного беспокоиться, что малыш забудет её, но он каждый раз был рад её видеть. Козье молоко творило чудеса, и малыш быстро рос и набирал вес – каждое утро, перед традиционным полуденным кофе, папа взвешивал его на старых весах, на которых они отвешивали ягоды для варенья. После обеда мама поднималась к папе, и они подолгу обсуждали что-то, весело споря, и оживлённо убеждая друг друга в чём то.

Ребята с тревогой прислушивались к их разговорам и гадали, что же будет с их питомцем, к которому они так привязались. Кажется, даже Степашка был взволнован и тоже слушал, о чём говорили хозяева. При каждой возможности он вылизывал Счастливымчика с ног до головы и пытался играть

с ним, но тот ещё был слишком мал и только обнимал Степашку и дремал, прижавшись к нему. На рассвете третьего дня, когда ребята проснулись и вышли на веранду, домик с малышом стоял там. Это означало, что папа не взял его наверх для изучения и судьба Счастливого решена.

– Я боюсь! – сказал Варя, глядя сонного малыша. – А вдруг его отдадут, и он попадёт к плохим людям или в плохой зоопарк?

– Я тоже боюсь, – признался Серёжа, – но я уверен, что папа этого не допустит.

– Бедненький мой Счастливчик, – сказала Варя, – целую малыша в нос. – Я так хочу, чтобы ты остался с нами!

– И я, – сказал Серёжа. – И знаешь...

– Что?

– Если они решили отдать его, то я его опять спрячу и не отдам! – решительно сказал слегка побледневший мальчик.

Варя посмотрела на брата с восхищением и ужасом.

– А так можно? – прошептала она. – Родители же будут нас ругать!

– Ну и пусть, – бесстрашно ответил Серёжа. – Я унесу его в лес и там спрячу, и мы будем носить ему еду. Я даже могу вырыть ему норку.

– А его никто не обидит в лесу? Он же такой маленький.

– Мы сделаем дверь в норку и будем её закрывать на ночь. Ты со мной?

Глаза Вари загорелись. Такое опасное и увлекательное

приключение ей и не снилось. Она была послушной и вежливой девочкой, но ради малыша, готова была на всё. По крайней мере, она так думала.

– Да, – со сладким ужасом кивнула она. – Я с тобой.

– Тогда всё, – сказал Серёжа, – решено. Если мама с папой решили отдать Счастливого, то сегодня ночью, мы его украдём и отнесём на старый луг, за рощей. Я знаю там хорошее место, где раньше жили лисы. Мы откопаем и расчистим их нору, укрепим её, и Счастливчик будет в безопасности.

– А нас не накажут? – спросила Варя.

– Накажут, – делано безразлично ответил Серёжа. – Ну и пусть наказывают!

– И не будет мороженого и конфет? – немного грустно спросила Варя.

– Нет, – ответил мальчик.

– И новых игрушек?

Серёжа отрицательно pokrutil головой.

– Ну и ладно, – сказала Варя, – буду играть старыми. Главное, что Счастливчик будет с нами, и никто не будет его обижать.

Дети улыбнулись друг другу, и вышли на улицу.

– Что скажешь, дорогая? – чуть погодя послышался голос из открытого люка второго этажа.

– Скажу, что подслушивать нехорошо, – отозвалась мама.

– Ты же знаешь, моя милая, что это вышло случайно, – сказал папа. – И всё же, что ты об этом думаешь?

– Я думаю, – сказала мама, – что эта игра зашла слишком далеко.

– Ты думаешь, они играют? – спросил папа. – Мне показалось, что они настроены весьма решительно. Отказаться от игрушек и мороженого, это что-нибудь да значит!

– Ты как будто бы рад, что они собираются нас послушаться! – сказала мама. – А как же воспитание?

– По-моему, – сказал папа, и по голосу было ясно, что он улыбается, – мы их отлично воспитали. Ради друга, они готовы на жертвы. Это очень хорошо.

– Да, но они не слушаются, обманывают, крадут молоко, – спорила мама. – Это возмутительно!

– Они взяли немного молока, только чтобы накормить беднягу и обманывали нас, потому что боялись, что мы его прогоним, и он погибнет, – ответил папа. – Не забывай, они ещё дети и для них всё серьёзно. К тому же, я уверен, что они готовы уже были нам всё рассказать. Варя терпеть не может обманывать, а Серёжа знает, что его будут ругать больше, потому что он на 3 года старше, но он всё равно готов рисковать. Нет, определённо, всё не так плохо.

– Не слушаться родителей, когда они ещё дети, что же будет потом, когда они вырастут? – сказала мама.

– Знаешь, – усмехнулся папа, – детям иногда просто необходимо не слушаться родителей и особенно, когда они вырастают.

– Они вырастут сорванцами и хулиганами! – возмутилась

мама

– Они вырастут ответственными людьми, готовыми отстаивать свои убеждения, – мягко ответил папа. – Вспомни, как они лазили под дом и мёрзли там ради Счастливого? И как Варя ухаживает за ним? Кормит? Тебе не кажется, что это идёт ей на пользу? А Серёжа, как самый обычный, нормальный мальчик, мужчина, если хочешь, готов защищать её и своего нового друга. Это хорошо. Это отлично! Я бы поступил точно также.

– Всё это замечательно, – сказала мама, – но эта безнаказанность, может сыграть с ними дурную шутку в будущем. Они могут решить, что правила вовсе не существуют и можно делать всё что угодно!

– Ты права, – сказал папа. – Но кто говорит, что мы не поставим им никаких условий?.. И потом, разве Счастливчик не прелесть?

– Иногда мне кажется, – с негодованием воскликнула мама, – что вы считаете меня бессердечным монстром, который способен только наводить порядок и проектировать дома!

– Никто так не думает, дорогая, – поспешил успокоить её папа. – Мы все знаем, какая ты...

– Просто кто-то в этом доме должен за вами присматривать, – сказала мама. – Да, да, и за тобой тоже!

– Так уж и должен, – пробурчал папа.

– Ха! – сказала мама. – Вспомни, в прошлом году, когда мне нужно было уехать на несколько дней, вы едва не спали-

ли кухню! Мне пришлось купить новые шторы и скатерть.

– Мы просто ставили химические опыты... – хмуро отозвался папа.

– А нельзя их было поставить на улице?

– Там дул ветер, и сухой спирт плохо горел и...

– И ты не придумал ничего лучшего, как устроить пожар на кухне!

– Я был неправ, я признаю это, – сказал папа. – Я учту свои ошибки. Мы ценим тебя и то, что ты делаешь. Мы любим тебя!..

– А я думаю, что я для вас просто свод ходячих законов, которые вы постоянно нарушаете, а я гоняюсь за вами и выписываю штрафы! – грустно сказала мама.

– Поверь, – засмеялся папа, – это не так. Ну, или почти не так... Мы, правда, любим тебя, и Варя всегда берёт с тебя пример. И Серёже очень важно знать, что ты думаешь.

– А тебе, тебе важно знать, что я думаю? – спросила мама.

– Да, моя хорошая, очень важно, – ответил папа, беря маму за руку.

– Тогда давай подумаем, что мы скажем ребятам по поводу Счастливчика.

– Ты не ответила на мой вопрос? Он прелесть?

– Он самый чудесный и милый малыш, которого я когда-либо видела после Степашки, когда он был крохой, – сказала мама с нежностью в голосе.

– Так мы оставим его?

– А ты не думаешь, что его нужно отдать? Ведь если ты нигде не смог найти ничего подобного, то, вполне возможно, это совершенно новый зверь и наука...

– С наукой ничего не случится, если этот зверь, в целостности и сохранности будет жить у нас, недалеко от того места, где он жил прежде и никто не будет ставить на нём опыты.

– Ты думаешь, это верное решение? – тихо спросила мама. – Мне кажется, я впервые в жизни не знаю, как поступить правильно...

– От того что Счастливи́чика занесут в Красную книгу и в энциклопедиях появится ещё одна крохотная запись, о том что существует некий *Fortunae Filius Viridis* и его описание, ничего не изменится, – проникновенным голосом сказал папа. – Честно говоря, я думаю, что будет даже хуже, потому что толпы авантюристов бросятся сюда, искать его родственников на болотах и одному богу известно, чем всё это кончится. Я совершенно уверен, что мы должны помочь малышу, а не навредить. Поэтому, я предлагаю оставить его у нас и ухаживать и заботиться о нём так хорошо, как мы можем. И, – я торжественно обещаю тебе! – если у нас будет хоть малейшая возможность вернуть его обратно, в дикую природу, не опасаясь, что он погибнет, я первый сделаю это.

– Ты думаешь, он сможет вернуться в лес? – спросила мама. – Звери, которых вырастили дома, обычно не могут вернуться.

– Скорее нет, чем да, – ответил папа, – но, согласишься, что

мы ничего не можем с этим поделать. Мы не украли его и не отняли у мамы, а напротив, спасли. И раз уж так случилось, давай оставим все сомнения и будем надеяться на лучшее. Я уверен, что ему будет хорошо у нас. Ему явно не понадобится слишком много места, а хорошие друзья у него уже имеются, а это, самое главное.

– Но что мы будем делать, когда лето закончится и дети пойдёт в школу? – задала последний вопрос мама. – Что мы будем делать? Возьмём с собой в город?

– Я обдумал это, – сказал папа, – и у меня есть несколько вариантов решения этой проблемы. К тому же, что-то мне подсказывает, что в этом не будет нужды...

– Что ты имеешь в виду? – удивилась мама.

– Я не уверен на 100%, но думаю, что всё сложится самым наилучшим образом, который, уверяю, всех вас полностью устроит.

– Но как это возможно? – спросила мама. – Как?

– Пусть это пока останется секретом, – ответил папа, загадочно улыбаясь. – А сейчас, слышишь? Малыш проснулся и требует молока.

– Я займусь им, – сказала мама. – И... да, я согласна, пусть он остаётся. Хотя и не совсем уверена в твоей правоте, но пусть будет так. Мы сможем позаботиться о малыше, а остальное, в конце концов, не так уж важно и пусть весь научный мир думает что хочет!

– Ого, – сказал папа. – Я и не знал, что ты бунтарка!

– Да, – гордо сказала мама. – И подай мне руку, пожалуйста, эта лестница слишком крутая.

– С удовольствием, – галантно сказал папа, – и прошу вас, леди, не забудьте составить список условий для ребят.

– Я уже думаю над ним, – фыркнула мама, – и если ты думаешь, что для тебя там не найдётся местечка, то ты меня плохо знаешь!

Счастливчик радостно заурчал, когда мама взяла его на ручки и его огромные глаза посмотрели на неё с такой доверчивостью, что последние её сомнения навсегда улетучились.

– Мы тебя не бросим, малыш, – прошептала она ему на маленькое ушко. – Можешь не волноваться!

– Я всё слышу, – донеслось сверху.

– Ах так! – сказала, захваченная врасплох мама. – В таком случае, потрудись взять бумагу и ручку, и записать первый пункт условий – «Люк на второй этаж всегда должен быть закрыт!»

Глава 13

Вечером того же дня, сразу после ужина, на кухне состоялся шумный семейный совет, который так затянулся, что присутствующий на нём Степашка, несмотря на общее оживление, вскоре заскучал и уснул, положив голову на мамины тапочки. Такие длинные и малоподвижные игры ему никогда не нравились, и когда всё закончилось, и его с трудом разбудили, он устало поднялся и понуро побрёл за всеми, низко свесив свою косматую голову, словно маленький обиженный пони. Кусочек сыра, который Варя тайком дала ему дома, не смог полностью компенсировать все его страдания. Сердито ворча себе в бороду, точно рассерженный лесной гном, он лёг на свой коврик, печально вздохнул и уснул, твёрдо решив больше не участвовать в подобных мероприятиях. Но утром, как это часто с ним случалось, он совершенно забыл о своём решении и радостно носился по газону, гоняясь за бабочками-капустницами.

Счастливчик тоже присутствовал, и весь вечер вёл себя очень спокойно. Удобно устроившись на коленях у Вари, он мирно дремал, изредка открывая свои огромные глаза и сладко позёвывая. Он, наконец-то, был дома и чувствовал это. Варя почёсывала ему грудку и гладила мордочку, и он млея и тихонько урчал, как остывающий самовар.

Узнав, что Счастливчик остаётся, ребята были в восторге,

который не мог охладить даже длинный перечень условий, который мама с папой выложили перед ними на стол. Они были согласны на всё. Было решено, что ребята возьмут на себя основную нагрузку по уходу за малышом и будут кормить, мыть и ухаживать за ним. Каждый день они должны были чистить его домик и проветривать подстилку, а когда он подрастёт, гулять с ним на участке, и вообще быть полностью ответственными за него и за все его возможные проделки. Помимо этого, они не должны были забывать о своих прежних обязанностях по дому и саду, а также, про свои уроки.

– И не забудьте про свои школьные задания на лето, – говорила мама, отмечая галочками пункты, которые они уже обсудили. – Серёже нужно прочитать книги по списку, они стоят на твоей полке, и я рекомендую тебе начать как можно скорее, а тебе Варвара, нужно ежедневно вести дневник наблюдений за флорой и фауной, сделать два альбома с рисунками животных и птиц и собрать гербарий. И не забывайте про английский!

– Ненавижу английский! – сказал Серёжа. – Я не могу его выучить. Он скучный!

– Ты просто неправильно его учишь, – сказала Варя, и родители еле сдержали смех, видя, как вытянулось лицо Серёжи.

– А ты откуда знаешь?! – рассердился мальчик. – Я пойду в 5 класс класс, а ты только во второй!

– Ну и что, ну и что! – засмеялась Варя. – Всё равно неправильно! Мне папа рассказал, как надо.

– Действительно, – сказал папа, – от школьных уроков мало толку, но, это поправимо. Я тебе всё покажу, и ты увидишь, что учить языки совсем не так трудно и даже интересно.

– Ну конечно, – протянул Серёжа, который не любил учиться летом. – Опять зубрить...

– Никакой зубрёжки! – сказал папа. – Клянусь. Можешь завтра же выбросить свой учебник.

– Правда? – недоверчиво спросил мальчик.

– Совершенно, – ответил папа, лучезарно улыбаясь. – Можешь выбросить его на помойку и забыть о нём.

– Круто! – сказал мальчик.

– Я бы, на вашем месте, всё-таки, не стала бы выбрасывать книги, – сказала мама, выразительно глядя на папу. – Это нехорошо.

– Нет проблем, – сказал папа. – Мы сделаем даже лучше. Мы его закопаем!

– Ну, к чему все эти крайности, дорогой? – сказала мама. – Достаточно просто убрать его на антресоли. Он не убежит.

– Нет, – сказал папа, подмигивая детям, – мы должны быть уверены! Замуруем его в стене, в моём кабинете, а?!

– Здорово! – обрадовался Серёжа. – Но как же я буду учиться?

– О, об этом не беспокойся, – сказал папа. – У нас полно

отличных книг на английском. И мультфильмов...

– Мультфильмов? – изумился Серёжа.

– Да! – сказала Варя. – Можно учить английский и смотреть мультфильмы, разве это не здорово?

– Вау! – сказал Серёжа. – А разве так можно?

– Можно! – сказала Варя, и они с папой засмеялись.

– Я несколько не сомневаюсь в тебе, дорогой, – сказала мама, – но учтите, я буду проверять, как у вас идут дела.

– Не волнуйся, – сказал папа. – Ты ещё удивишься, их результату, гарантирую.

– Ну, хорошо, – сказала мама, вычёркивая очередной пункт. – Оставим это на тебе. Последний вопрос, касается ночных кормлений. Решайте сами, как вам будет удобнее, но я советую вам составить график дежурства и кормить Счастличика по очереди. К примеру, Серёжа по четным дням, а Варя по нечётным, или наоборот. А с субботы на воскресенье кормить буду я. – Мама немного покраснела. – Я тоже хочу внести свою лепту в воспитание малыша...

– В таком случае, – сказал папа, – внесите и меня. Я буду кормить малыша в ночь с воскресенья на понедельник, хотя я уверен, что этот график скоро станет не нужным.

– Почему?

– Малыш быстро растёт, – сказал папа. – Его зубки почти полностью вылезли и стали очень острыми и обычно, это признак того, что он скоро перестанет сосать молоко.

– А что же он будет кушать? – спросила Варя. – Кашу?

– Нет, – засмеялся папа, – вряд ли он будет есть кашу. Скорее Степашкин корм.

– Степашкин корм? – удивились все. – Ты уверен?

– Вполне, – сказал папа, – только конечно не тот, который Стёпа ест сейчас, а щенячий. Я полагаю, что наш Счастливчик, всеядный, нечто вроде барсука или енота и корм придётся ему по душе. Думаю, он также не откажется, от ягод, желудей, орехов и фруктов. Мне прямо не терпится проверить свою теорию!

– Не забывай, – сказала мама, – Счастливчик, это не химический опыт и ты должен быть крайне осторожен...

– Опять ты про эти опыты, – недовольно забурчал папа, – это была просто досадная ошибка... Всё в прошлом...

– Это ошибка едва не стоила нам кухни, дорогой, – сказала мама. – Я просто хочу сказать, что нам бы не хотелось, что бы малыш мучился животом...

– Не волнуйтесь, – сказал папа, – я буду крайне осторожен с его рационом, и мы будем пробовать всё новое понемногу. Я уверен, что больших проблем не будет. Кстати, вы обратили внимание, что он начал много ползать, когда не спит? Скоро он будет вылезать из ящика и гулять по веранде, и я думаю, что нам не стоит оставлять нашу обувь без присмотра, он может погрызть её, как это делают некоторые собаки.

– А мы покажем его бабушке с дедушкой? – спросила Варя.

– Мы ещё не решили, – сказала мама.

– Да, – кивнул папа. – Но думаю, нам пока следует сохранить существование Счастливого в секрете.

– Но они же приедут на дачу этим летом? – сказал Серёжа.

– Да и мы что-нибудь придумаем, – сказал папа. – К их приезду, он будет ещё достаточно маленьким и ему не нужно будет много места. Я смогу держать его у себя в кабинете, а они не любят туда подниматься.

– А мы будем с ним гулять? – спросила Варя, которая в тайне, давно представляла себя гордо шагающей по переулку в компании Счастливого и Степашки, оба в маленьких, элегантных красных ошейниках и оба, умеющие исполнять различные её команды.

– Обязательно, – сказал папа, – но не там, где есть люди.

Варя грустно вздохнула – её мечта рушилась.

– Мы можем сделать ему вольер на участке, и он сможет резвиться там, пока он маленький, а потом, брать его с собой на поле и давать ему там побегать. Хотя что-то мне подсказывает, – сказал папа, потянувшись через стол и погладив брюшко малыша, – что он скорее будет увальнем, чем бегуном. У него крепкие, но не очень длинные лапки. Не удивлюсь, если он сможет залезать на деревья.

– Вот это да! – сказал Серёжа. – Можно будет сделать ему на сосне гнездо!

– Скорее дупло, – сказал папа. – Только вот боюсь, что будет воровать яйца из скворечника. Кстати, кто-нибудь видел наших скворцов?

На кухне наступила тишина.

– Почему вы молчите, – спросил папа. – Что-то не так?

– Понимаешь, дорогой, – начала мама, кусая губы, чтобы не рассмеяться – они прилетали вчера, но...

– Но что?

– Они... мне кажется они...

– Пап, – сказал Серёжа, давясь смехом, – они были в ужасе!

Лицо папы было настолько обескураженное и комичное, что Варя не выдержала и звонко засмеялась. К ней присоединился Серёжа, а потом мама. Последним захохотал сам папа, шумно хлопая себя по коленям.

– Но почему?! – вопрошал он, сквозь хохот. – ЭТО ЖЕ ШЕДЕВР!!! Я разочарован в скворцах! Вы слышите – разочарован! У них совершенно нет никакого вкуса!

– Тебе не стоит на них сердиться, – говорила мама, утирая слёзы, – не каждый день увидишь такое на дереве... Они просто решили, что сходят с ума.

Все снова захохотали.

– И всё же, – сказал папа, вздымая руки, – я не отступлюсь. Нет! Я уверен, что в нашем курятнике найдутся смелые пернатые, которые не побоятся бросить вызов гнездовому мещанству! Подумать только, как всё новое и гениальное раздражает птиц... Уму непостижимо!

– Я предлагаю на этом остановиться, – сказала мама, взглянув на часы. – Если мы посмеёмся так ещё 5 минут, то

совершенно точно не уснём до утра.

– Ты права, – сказал папа. – Уже далеко за полночь. Будите Степашку, и пойдёмте в дом. Кто первый заступает на ночное дежурство?

– Я – сказал Серёжа.

– Хорошо. Тогда вот тебе молоко и термос. Пойдёмте.

Они высыпали шумной гурьбой в тёплую майскую ночь, и пошли к дому, всё ещё посмеиваясь и перебрасываясь шутками. Уложив малыша и дружно пожелав ему спокойной ночи, все разошлись по комнатам, но были слишком возбуждены, чтобы уснуть и ещё долго шептались друг с другом. Но во втором часу шёпот стих, и тишина окутала дом. Только Стёпа беспокойно взвизгивал, гоняясь во сне за соседским котом Матвеем, который, как ему приснилось, ел из его миски.

Счастличик спал той ночью беспробудно и подал голос только когда встававший раньше всех папа вышел на веранду. Не желаю никого беспокоить папа забрал малыша на кухню и покормил его там, а потом, позавтракав, отнёс его обратно, а сам поднялся на второй этаж, чтобы продолжить работу над новой главой. Он слышал, как встала мама, и пожелала ему снизу доброго утра и удачной работы, а затем, голося ребят. Они долго ласкали и гладили малыша в его коробке, а потом ушли завтракать. Папа был очень счастлив тем утром, и новая глава тоже была счастливой, как, впрочем, и вся история, которую он хотел рассказать. Когда он спускался вниз, чтобы пойти и приготовить традиционный полуден-

ный кофе, Счастливчик снова спал, и он погладил его пушистую мордочку и пошептал ему что-то на ушко и тот смешно съежился, словно от щекотки и закрыл свои ушки лапками.

– Я очень надеюсь, ты будешь счастлив с нами, Счастливчик, – сказал папа и вышел на крыльцо, где уже вовсю светило солнце и трудяги пчёлы гудели в цветах.

– А мы с тобой, – добавил он и, улыбнувшись, отправился на кухню.

Когда он проходил мимо газона, из кустов выскочил Степашка и от полноты чувств, вцепился в папины сандалии, требуя поиграть с ним. Папа наклонился и, схватив Степашку за бока, легонько подбросил его в воздух.

– Что происходит, дорогой? – спросила высунувшаяся в этот момент из кухни мама. – У тебя какая-то новая идея?

– Да, – радостно сказал папа. – У меня тысячи новых идей! Я хочу научить нас всех летать, и начну со Степашки.

– Ой, – раздался Варин голос, – я тоже хочу летать!

– И я, пап!

– Ну, что же, – сказал папа, избегая по ступенькам, – тогда по местам! Экипаж приветствует вас на борту нашего солнечного лайнера, и через несколько минут, очаровательная стюардесса принесёт вам кофе и сладости. Пристегните ремни и верьте в чудеса, мы взлетаем, друзья мои, взлетаем, взлетаем, взлетаем!..

И папа загудел, изображая звук двигателей, и хитро подмигнул маме.

– И проверь пожалуйста билет вон у того нахального мохнатого пассажира, который прячется под столом, – сказал он. – Мне кажется он заяц... И... никто не видел моей записной книжки? Я второй день не могу её найти...

Глава 14

Май пролетел незаметно. Всё окуталось листвой, и когда было жарко, в воздухе стоял душный аромат нагретой солнцем зелени. На крохотном озере рядом с дачами каждый день случалось столпотворение от желающей искупаться там детворы. Их визг долетал порой до самых дальних участков и старики отрывались от чтения газет и ленивой болтовни и с улыбкой прислушивались к ним и снисходительно качали головами, вспоминая свою молодость. По утрам, трава на газоне сверкала густой росой, и Степашка кувыркался в ней до изнеможения, а потом шёл и ложился весь мокрый под кустами смородины, пережидая жару, лениво оглядывая прохаживающихся под самым его носом трясогузок. Только появление соседского кота Матвея могло вывести его из этого сонного бодрствования, и тогда он вскакивал и с ворчанием мчался к забору, где секунду назад мелькнула рыжая тень. После такого «подвига», Степашка жадно пил воду, долго отфыркивался и снова возвращался на свой наблюдательный пункт, тяжело плюхаясь на прохладную землю.

«Ужасный пройдоха этот Матвей, – думал он, вновь погружаясь в дремоту. – И почему он вечно хочет забраться к нам? Наверное, хочет украсть мои косточки, которые я закопал в клумбе... Да, котам нельзя доверять и в особенности рыжим!.. Хорошо, что я такой надёжный сторож. Моим хо-

зьявам определённо повезло со мной... Если бы не я, Матвей давно бы тут командовал, это уж точно...»

Вечерами дым от самовара поднимался отвесно в небо и путался в ветках сосны, и висел там как серое облако. Соловьи уже смолкли, и лес за дорогой был тих и сумрачен. Сразу после заката большая стая ворон пролетала над участком и кружила над лесом, ища место для ночлега. В неподвижном, темнеющем воздухе взмахи их крыльев были слышны так отчётливо, что казалось, они пролетают над самой головой, но они летели высоко и не обращали внимания на людей, которые махали им и что-то кричали с земли. Они долго галдели и сварливо ругались, усаживаясь на верхушки берёз, но постепенно стихали и замирали в темноте как черные изваяния. Маленькие летучие мыши начинали носиться во мраке, и мошкара плясала у фонарей точно дикари вокруг костра. По переулкам гуляли влюблённые парочки, и был слышен смех и радостный шёпот. Жизнь шла своим привычным ходом, и участок с сосной не был исключением.

Первым всегда вставал папа. Он выпускал на улицу Степашку, кормил его и Счастливого, который, как и предсказывал папа, обожал корм для щенят с добавлением лесных орехов и овощей, делал зарядку, легко завтракал и поднимался в свой кабинет, чтобы поработать над своей новой книгой. Дело шло на лад, и папа был в отличном настроении, когда спускался вниз, что бы сварить кофе и неумоимо болтал за столом о всякой всячине. Так было и в тот день.

– А вы смеялись надо мной, – гремел папа, разливая кофе. – Не верили! Потешались! Гнали прочь! И что вы скажете теперь? А?!

– Никто тебя, никуда не гнал, – спокойно возражала мама, передавая чашку Серёже. – Мы просто немного пошутили и только. Удивительно, что ты до сих пор вспоминаешь это.

– Нет, – говорил папа, трагически закатывая глаза. – Я был гоним! Я был не понят и раздавлен. Я даже один раз отказался от сладкого пирога! Представляешь, Варя, как я был раздавлен?

– Не представляю, – сказала Варя, беря кусочек шоколада. – Наверное, очень сильно.

– Ужасно! – восклицал папа. – Это было ужасно, но, всё позади. Нет, вы только взгляните на этих красавцев! Какие они сильные и ловкие, не то, что эти щёголи скворцы, которые боятся всего на свете.

– Ты уже целый месяц рассказываешь нам про них, – сказал мама. – Может, хватит?

– Они вос-хи-ти-тель-ны! – сказал папа, нарочно подразнивая маму. – И какие элегантные!словно воздушные гимнасты из цирка. Вот, вот, смотрите, опять! Вот это маневр!

– Господи, – восклицала мама, – я не выдержу этого!

– Это только начало, – говорил папа, смеясь. – В следующем году я сделаю ещё два великолепных скворечника, точнее стрижатника, и тогда они буду повсюду!

– Нет, я точно не выдержу, – качала головой мама, отпивая

свой кофе. – Ты просто помешался на этих стрижах!

– Я просто воздаю им по заслугам! – говорил папа, размахивая руками. – О, смелые птицы, вперёд!

Всё дело было в том, что после того, как скворцы отказались жить в папином скворечнике, и он был настолько опечален, что собирался снять этот «злополучный шедевр» и «предать его огню», домик облюбовали стрижи. Когда Варя впервые заметила их и сказала об этом папе, тот от радости пустился в пляс, а после бросился проверять, действительно ли они там поселились и не улетят ли как те «крылатые поросята», что прилетали раньше. Но стрижи обосновались надолго, и с утра до ночи носились над участком, выполняя в ярком летнем небе замысловатые фигуры высшего пилотажа, крича победоносно и радостно. Папа был в восторге. Теперь стрижи были его самыми любимыми птицами, и он прочитал о них всё, что смог найти у себя в библиотеке. Когда же стали слышны крики малышей внутри домика, он был просто вне себя от счастья. Первый выводок вот-вот должен был слететь и птенцы уже высовывались из домика, встречая подлетающих родителей громким писком. Теперь, даже полуденный кофе теперь пили только на улице, поставив стол на лужайку рядом с сосной, так, что бы можно было видеть домик. Деловито сновавшие туда-сюда стрижи-родители проносились над самыми головами ребят, обдавая их тугими дуновениями ветра, от которых мама шарахалась, боясь, что они в неё врежутся. Но они никогда не врезались, и,

кажется, сами забавлялись этой игрой.

– Ты только представь, что будет, – восторгался папа, – когда полетит молодняк. Это будет удивительное зрелище!

– Я буду пить кофе отдельно, – жаловалась мама, ища поддержки у ребят, но им тоже нравились проделки отважных птиц и они смеялись и перемигивались с папой. – Они в меня врежутся!

– Смотрите, опять! – показал на быстро приближающуюся чёрную точку Серёжа.

– Воздух! – скомандовал папа.

– Безобразие, – испуганно сказала мама, и втянула голову в плечи. – Я начинаю скучать по скворцам.

Очередной пикирующий стриж стрелой сорвался с неба, пронёсся на жуткой скорости между сидящими за столом людьми, свечой взмыл к скворечнику и остановился точно у входа, под ликующий писк голодных птенцов.

– Вот это я понимаю – расчёт! – гордо сказал папа, как будто бы он сам принимал участие в полёте. – Ас!

– У меня голова кружится от этих полётов, – сказала мама. – Варя, передай мне, пожалуйста, воду.

– Да что там ещё два домика, – бушевал папа. – К следующему году я сделаю целое общежитие. Целый улей для стрижей! У нас будут жить сотни, тысячи таких молодцов!

– Тогда сделай, пожалуйста, и мне домик, но где-нибудь подальше отсюда, потому что я буду жить там, – сказала мама отчаявшись. – Как им не страшно летать так быстро?

– Они созданы для полёта! – сказал папа. – И как настоящие лётчики, они ничего не боятся.

– Даже темноты? – спросила Варя.

– Даже темноты, – ответил папа. – Просто они ничего не видят в темноте, и поэтому ночью не летают. Интересно было бы попробовать прикрепить им на крылья маленькие фонарики и посмотреть...

Папа задумчиво почесал нос.

– Не вздумай даже пытаться! – заволновалась мама. – Не хватает только, что бы у нас по ночам летали стрижи с фонариками!

– Было бы здорово, – сказал Серёжа.

– Вы шутите, да? – злилась мама. – Это вы нарочно всё придумали со своими стрижами! Признайтесь?! Ой, ой! Опять, опять! Летит!

– Воздух! – закричала весёлая тройца, и мама снова пригнулась к чашке и зажмурилась.

– Ну, что, – сказал папа, когда всё было убрано со стола и сам стол отнесли на веранду. – За английский?

– Да! – захлопала в ладоши Варя. – Мультфильмы, мультфильмы!

– Обязательно, – сказал папа, – а потом, маленький фильм.

– А про что фильм? – спросил Серёжа.

– Про дельфинов, – сказал папа. – Вам понравится.

– Хм, – сказала мама. – Я очень надеюсь твоя новая методика принесёт результаты, потому что то так, как вы там занимаетесь... Сомневаюсь, что из этого выйдет что-то путное. От вашего обучения окна звенят!

– Ну и что, – сказал папа. – Что в этом плохого? Кто сказал, что уроки должны быть скучными? У ребят отличные успехи.

– Я скоро проверю их успехи, – с достоинством ответила мама. – Но вы так хохочете, что я просто не представляю, как можно хоть что-то выучить в такой обстановке.

– Это же не математика, – сказал папа. – Языки нужно учить весело!

– Надеюсь, что так, – сказала мама. – Потому что если я увижу, что толку от этих занятий нет, я возьмусь это в свои руки.

– Кажется, – сказал папа, – мы разозлили директора школы. Бежим!

Троица схватилась за руки побежала в дом. Степашка, с громким лаем, помчался следом.

Счастливчик, дремавший в своей коробке, приподнял голову и радостно пискнул при виде ребят, со смехом ввалившихся на веранду.

– Счастливчик, хороший мой! – сказала Варя, обнимая малыша. – Давай играть!

– Только недолго, – сказал папа. – Директор может нагрязнеть в любую секунду! Наиграйтесь после обеда.

– Хорошо, – сказала Варя.

Счастливчик потянулся и выкарабкался из коробки. Его толстое брюшко смешно выпирало, и он шёл немного вразвалочку.

– Он стал похож на енота, – сказал папа, – определённо. Если не брать в расчёт его глаза, шерсть и уши.

– Это плохо? – спросила Варя.

– Нет, – ответил папа. – Еноты милейшие существа. Они очень любопытные и ловкие.

– А он будет нас слушаться?

– Я сомневаюсь, что он будет такой же послушный как Степашка, – сказал папа, – но, при правильном подходе, я думаю это вполне реально.

– А какой нужен подход? – спросил Серёжа. – Мы же не знаем кто он такой.

– Это неважно, – сказал папа. – Любое живое существо ценит и отлично понимает ласку и заботу. Посмотрите на него. Он рад нас видеть и хочет поиграть. Он не боится нас и доверяет. Если мы не будем его обижать, ругаться на него или бить, как делают некоторые злые и глупые люди, то он вырастет ласковым и ручным. И мы найдём с ним общий язык.

– Мы никогда не будем тебя обижать, – сказала Варя, гладя довольно жмурящегося Счастливчика.

– Видишь, – сказал папа, – он всё понимает.

– А мы будем учить его командам, как Степашку? – спросил Серёжа.

– Почему нет, – сказал папа. – Только не нужно его мучить. Некоторые хозяева заставляют своих питомцев выполнять столько трюков, для собственной потехи, что те начинают очень уставать и болеть.

– Но мы же учим Степашку разным командам, – сказала Варя.

– Конечно, – сказал папа. – Но только самым необходимым, для того чтобы он не попал в беду и не мешал остальным. Это как воспитание. Ты свободен, но ты не делаешь ничего, что мешает остальным.

– А как же хождение на задних лапках? – спросил Серёжа.

– Степашка сам с детства любил это делать, – сказал папа. – Мы только поддерживаем эту игру и всегда даём ему морковку!

– А чему же мы будем учить нашего Счастливого? – спросила Варя.

– Мы не будем требовать многого, – сказал папа. – Он должен будет знать, где его домик и куда ему нельзя забираться. Всё остальное, вы увидите сами. Уверен, очень скоро он сам предложит вам игры, которые ему нравятся, только смотрите внимательно и любите его.

Тем временем, Счастливчик, подошёл к папе, обхватил всеми лапами его ногу, как медведи обхватывают дерево, и начал карабкаться вверх. Он смешно пыхтел и явно старался изо всех сил, но, то ли его лапки были ещё очень слабы, то ли живот слишком полон, но добравшись до коленки, он

выбился из сил и принялся мяукать, но не так, как когда был голоден, а по-другому, пронзительно и обиженно.

– Он хочет на ручки, – сказал Варя.

– Хм, – сказал папа, наклоняясь и беря малыша на руки. – Вот и первая игра – залезь на кого-нибудь.

Счастливчик, передохнув немного на руках папа, пополз выше.

– Ого, – сказал Серёжа. – Да он верхолаз!

– Да, – согласился папа. – Ему явно нравится забраться повыше. Возможно, это от его маленького роста, так он может дальше видеть и вовремя заметить хищника.

Громко пыхтя, малыш забрался на папино плечо, крепко схватился за его волосы и довольный затих, глядя пор сторонам.

– Ему там нравится, – сказала Варя.

– Надеюсь, он не вырастет слишком тяжёлым, – засмеялся папа. – Иначе, носить его на плече будет не так-то просто. А теперь, мой дорогой, позвольте вас снять и положить обратно. And you, guys, please, go upstairs! You gotta learn if you wanna talk, right?

– Right!

– Let's go then!

Глава 15

– Вы не видели мыло, – спросил ребят папа, растерянно оглядываясь по сторонам. – Оно только что было здесь.

Они стояли втроём под сосной, готовясь купать Счастли-
вчика, который полюбил водные процедуры и с удовольстви-
ем принимал их. Денёк был погожий, и папа щеголял в со-
ломенной шляпе, которую уже трижды сносило ветром, и он
мчался за ней наперегонки со Степашкой, который норовил
ухватить её первым и расправится с ней.

– Нет, не видели, – сказали они. – А куда ты его положил?

– Я положил его вот сюда, рядом с тазиком, – сказал папа,
тщательно осматривая всё вокруг, – а теперь его нет. Стран-
но, странно...

– Может оно в воду упало? – предположил Серёжа.

– Нет, – ответил папа, – я уже смотрел там. Просто уди-
вительно. Но, делать нечего, принесите новый кусок из бани
и начнём. Счастливчик, ты готов?

Счастливчик спокойно сидел рядом с тазиком и внима-
тельно слушал их разговор. Он сильно вырос и его мех, ка-
жется, стал ещё ярче и гуще чем прежде. Розовый любопыт-
ный нос немного потемнел и сделался пепельно-красным,
как подёрнутые золой угли, а глаза приобрели золотистый
оттенок, в глубине которых плясали хитрые искорки. Никто
кроме Степашки не знал, каким озорником был этом ма-

ленький смешной увалень, любящий подремать на коленях Вари или мамы, или сидеть на плече у папы и клянчить еду и вообще всё, чтобы тот не брал в руки. Но Степашка умел хранить секреты и к тому же, всё его внимание было приковано к шляпе, которая была готова снова сорваться с папиной головы и в этот раз, Стёпа намеревался схватить опередить его. Он, был абсолютно уверен, что она необычайно вкусная, а иначе, зачем бы папе так быстро бежать за ней и так кричать?

«В этот раз я не упущу свой шанс, – думал Степашка, не сводя глаз со шляпы. – В этот раз я буду первым и попробую её на вкус! Отличную игру придумал папа, молодец!..»

– Счастливчик, – сказала Варя, – вперёд, можно!

Счастливчика не нужно было просить дважды. Привстав, он ухватился своими пухлыми лапками за край железного корыта, которое стояло на траве, перевалился через борт, чуть повисел на нём, трогая воду лапкой, словно желая удостовериться, что вода подходящей для него температуры, а затем звучно плюхнулся в воду, погрузившись с головой. Стоявший рядом Степашка, забыв про шляпу, громко залаял и попытался прыгнуть следом. Он каждый раз страшно нервничал, когда Счастливчик купался и пытался его спасти, так что его приходилось держать.

– Стёпа, фу! – сказал Сережа. – Успокойся, всё нормально.

Стёпа оставил попытки залезть следом, и, как он всегда

делал, встал на задние лапки, и принялся следить за малышом.

– Ой! – испуганно воскликнула Варя. – Смотрите, что с ним?! Счастливчик... Он... Он пускает мыльные пузыри!

– Не может этого быть! – воскликнул папа. – Какие пузыри? Где?

– Ой, точно, – сказал Серёжа. – И какие большие!

– Хм, и правда, – сказал папа, заглядывая в корыто.

– Что это? – спросила Варя.

– Мыло! – одновременно догадались Серёжа и папа. – Счастливчик съел мыло!

– Но зачем? – удивилась Варя.

– Думаю, всё дело в том, что оно вкусно пахло персиком, – ответил папа, – и малыш не смог удержаться его попробовать.

– Что же с ним теперь будет? – спросила Варя, с беспокойством глядя, как Счастливчик, лёжа на спине, преспокойно пускал радужные мыльные пузыри изо рта и, кажется, забавлялся этим. – Он заболит?

– Не думаю, – сказал папа. – Кусочек, слава богу, был совсем маленький. К тому же, это детское мыло. Я уверен, что всё обойдётся, но каков сорванец! Я отвернулся буквально на несколько секунд, а он успел схватить мыло, съесть его и преспокойно сесть обратно, словно ничего и не было! Ну, и хитрец.

Счастливчик же с упоением продолжал запускать пузыри,

которые разлетались по участку и Степашка принялся бегать за ними и хватать, громко клацая зубами. После каждого уничтоженного пузыря он громко чихал и бежал за следующим. Но пузырей было слишком много и вскоре, он устал и просто сидел рядом с корытом и наблюдал, как они лениво кружатся в воздухе. Некоторые из них даже опускались ему на голову и на уши, и он сидел, словно король, увенчанный сияющей на солнце мыльной короной.

– Мама, мама, смотри, – закричала Варя. – Счастливчик пускает мыльные пузыри.

– Какие пузыри? – удивилась мама, высунувшись из окна дома. – Боже мой! Кто это придумал?! Ему же станет плохо! Дорогой, признайся, это твоя затея?

– Не волнуйся, – сказал папа. – Никто ничего не придумывал. Это просто небольшое... недоразумение. Впредь мы будем держать мыло в закрытой мыльнице или использовать шампунь и не оставлять его без присмотра даже на секунду. Это хитрец обвёл нас вокруг пальца.

– Этот хитрец, – сказала мама, – обычный малыш, за которым просто следует следить внимательнее и не оставлять его одного.

– Но мы не виноваты! – сказала Варя.

– Вы никогда не виноваты, – отчеканила мама. – Кухни сами загораются, одежда сама пачкается, а бедный Счастливчик будет теперь сам мучиться животом.

– Я уверен, что ничего страшного с ним не произойдёт, –

сказал папа. – Такими темпами, всё мыло выйдет из него через несколько минут.

– Это не имеет значения, – сказала мама. – Вам следует, быть более ответственными. Какое безобразие, купать малыша втроём и позволить ему проглотить мыло!

Мама сделала сердитое лицо и ребята потупились.

– И, пожалуйста, – продолжила она, – кто-нибудь, протрите бедного Степашку. Он весь в пене!

Степашка к тому моменту действительно уже весь покрылся пузырями, и выглядел очень забавно. Варя протёрла его полотенцем, а потом и Счастливчика, который поднял крик, когда его вытащили из воды, но скоро затих. Мыло действительно показалось ему необычайно вкусным. Только вот пузыри, продолжавшие идти изо рта, ему немного наскучили ему. Он попробовал убежать от них, и даже спрятался под лавкой, но они не отставали и тогда он обречённо лег на траву и принялся страдальчески икать. Стёпа прыгал вокруг него, желая повозиться, но Счастливчик не двигался и только грустно смотрел исподлобья на своего друга, продолжая пускать пузыри. Через пару минут, однако, пузыри стали выходить всё реже и сделались заметно меньше, а потом и вообще прекратились. Счастливчик облегчённо вздохнул, отряхнулся и, вразвалочку подойдя к папе, обхватил всеми лапами его ногу и полез вверх.

– Ну вот, видите, – сказал папа, помогая малышу подняться. – Всё обошлось. Но мама, как всегда права, нам нужно

быть внимательнее. Малыш быстро растёт и только кажется медлительным. На самом же деле, это та ещё хитрюшка! Верно, я говорю, Счастливчик?

Счастливчик, устроившийся на папином плече, лизнул его в нос и что-то промурлыкал.

– Подлиза, – пробормотал папа. – Ладно уж, пойдём, дам вам со Степашкой по морковке.

При слове морковка, Степашка наострил уши и завилял хвостом, а Счастливчик заурчал и обхватил передними лапами папину голову.

– Он понимает! – удивилась Варя.

– Я же говорю вам, – сказал папа. – Этот хитрец гораздо умнее и проворнее чем может показаться. Не удивлюсь, если он скоро будет манипулировать Степашкой.

– Как это, манипулировать? – спросила Варя.

– Ну, например, будет заставлять его приносить ему морковку или делиться едой.

– Ха, – недоверчиво усмехнулся Серёжа. – Стёпа никому не отдаст свою морковку!

– Я бы не был в этом столь уверен, мой юный друг, – сказал папа. – Этот маленький зелёный прохвост ещё покажет себя.

– Всё равно, – не верил мальчик, – ему не удастся обдурить Степашку.

– Я волнуюсь не только за Степашку, – сказал папа.

– А за кого ещё? – удивилась Варя.

– За нас, – ответил он. – Этот загадочный зверёк полон сюрпризов, о которых мы ещё даже не подозреваем.

– Спорим, он не сможет нас надурить! – сказал мальчик.

– Мы не будем спорить, – миролюбиво сказал папа, – но поверьте мне на слово, Счастливчик ещё не раз удивит нас этим летом...

– Ерунда, – сказал Серёжа, хотя сам чувствовал, что папа прав. – Он не может быть умней человека.

– Я и не говорю умней, – ответил папа. – Я говорю хитрее... А ну ка, держи!

Папа вытащил из шкафчика с овощами две мытые морковки, и протянул одну Степашке, а другую, незаметно, спрятал в карман брюк. Степашка радостно схватил своё лакомство и побежал в укромное место, чтобы спокойно его съесть. Счастливчик же, засуетился на папином плече, не понимая, почему его обделили и несколько раз беспокойно заглянул папе в глаза, чтобы удостоверится, что о нём не забыли. Но папа невозмутимо смотрел в сторону, скрести руки на груди. Малыш нетерпеливо пискнул, потянул носом воздух и стал задом спускаться с папиного плеча. Добравшись до пояса. Он уцепился одной лапкой за папин ремень, а другую, под изумлённый возглас Вари, запустил в карман и, выудив оттуда угощение, сполз на землю и принялся с удовольствием хрустеть угощением.

– Тоже мне фокус, – протянул Серёжа, вот если бы он сам её из шкафчика вытащил.

– Скоро научится, – сказал папа. – Он ведь ещё совсем малыш, а уже так много понимает. Нет, попомните мои слова, Счастливчик ещё всех удивит.

Счастливчик тем временем продолжал спокойно грызть свою морковку, оглядывая её перед каждым куском, точно выискивая более вкусные места. В стороне, под яблоней, не менее чинно ел Степашка, и ребята в шутку спорили, кто из них лучше воспитан и может ужинать вместе с ними, за общим столом. За общим весельем, никто не видел, что всё это время, в густых кустах таволги растущих вдоль забора, прятался крупный рыже-белый кот со сломанным в драке левым ухом. Он внимательно наблюдал за странным зелёным зверьком и его хищные глаза недобро блестели в полумраке. Увидев, что Степашка закончил есть и направляется в его сторону, Матвей, а это был он, пригнулся и, так никем и незамеченный, бесшумно исчез среди зелени.

«В другой раз... – решил он про себя. – Я доберусь до него в другой раз, когда никто не будет мне мешать, и тогда мы посмотрим, кто здесь главный...»

Глава 16

– Все готовы? – спросил папа, полуобернувшись на сиденье своего велосипеда. Его глаза радостно блестели из-под полей своей шляпы.

– Да, – раздался хор голосов. – Готовы.

– Тогда, в путь, – провозгласил он и первым выехал за калитку. – За мной, друзья! Приключения ждут нас! Вперёд!

За ним на своих велосипедах выкатились ребята и мама. Шествие замыкал Степашка, который в самый последний момент, вспомнил про свой мячик, брошенный рядом с сараем, и побежал за ним, едва не опоздав к выходу. Он очень любил пикники, потому что можно было весь день бегать по лесу, рыть норы и нигде не было никаких заборов. К тому же, тайком, ему обязательно доставалось что-нибудь вкусненькое от ребят. А ещё, на багажнике маминого велосипеда была прикреплена специально оборудованная корзинка, в которую его могли посадить, если он уставал и тогда он мог ехать с ветерком, нисколько себя не утруждая.

«Хорошо, что у меня есть свой велосипед, – думал Степашка, неспешно труся за хозяевами. – Долго бегать, это очень утомительно. Мои маленькие лапки не созданы для этого... Они нужны для того чтобы рыть ямы и... и ещё для чего-то, но точно не для бега. Пожалуй, я пробегусь ещё немножко, а потом, сяду к себе... Да, пикник, это здорово!

Интересно, мне дадут что-нибудь вкусненькое?.. Кажется, я заслужил...»

– Счастливчика не упадёт? – спросила мама, которая не разделяла всеобщего восторга и всё время ждала каких-то неожиданностей.

– Нет, – ответил папа, ещё раз оглядывая картонную коробку, закреплённую у него в сетке над передним колесом. – С ним всё будет отлично.

– А еду мы не забыли? – продолжала волноваться мама.

– Нет, – откликнулись ребята. – И еду, и воду, и плед и всё остальное. Не беспокойся, мам.

– Я не беспокоюсь, – сказала мама, крутя педали, – я просто совершенно уверена, что мы как обычно что-то забыли.

– В этот раз всё пройдёт идеально, – пообещал папа. – Я сам всё лично укладывал и проверял.

– Это меня и беспокоит, – сказала мама. – В прошлый раз ты вместо пакета с едой, ухитрился взять пакет с мусором, и мы вернулись страшно голодные.

– Но пакеты были совершенно одинаковые!

– Только пахли по-разному...

– Почему вы всё время напоминаете мне о моих промахах, – сказал папа. – Это нечестно! Каждый может ошибиться.

– Да, – сказала мама, – но не каждый раз.

– Говорю вам – я всё проверил, ошибки быть не может.

– Хорошо, – сказала мама. – В любом случае, в этот раз

мы не будем забираться очень далеко и сможем вернуться, не слишком проголодавшиеся.

– Пап, а мы через поле поедем? – спросил Серёжа.

– А как бы вы хотели? – поинтересовался папа.

– Через поле! – закричали ребята.

– Тогда мы так и сделаем.

– Почему мы всегда едем через поле, – сказала мама, откидывая волосы со лба, – когда есть чудесная тенистая лесная тропинка, ровная и ухоженная.

– Но на поле можно увидеть лису или зайца, – сказала Варя.

– И ястреба, – сказал Серёжа.

– А на краю деревни можно увидеть маленький магазинчик... – сказал папа.

– В котором продаётся мороженое!!! – засмеялись ребята.

– Ну, да, конечно, – сказала мама. – Как я могла забыть.

Из-за порции мороженого делать такой крюк по жаре.

– Как ты не понимаешь, – сказал папа, – это не просто мороженое, это традиция. Как кофе в полдень или... как...

– Или как что-нибудь забыть, когда едешь на пикник, – подсказала мама.

– Так, всё, – сказал папа, – маме мороженое не берём. Кто «за», позвоните в звонок. Единогласно!

– Какие же вы поросята, – сказала мама. – А я вам приготовила штрудель.

– Мы просто шутим, мамочка, – сказала Варя. – Мы купим

тебе самое большое мороженное, какое там только будет.

– Спасибо, моя хорошая, – сказала мама. – Хоть кто-то меня понимает.

– А Счастливику мы купим мороженое? – спросил Серёжа.

– Я думаю, мы купим одно на двоих для Стёпы и для него, – сказал папа. – Пусть у них тоже будет праздник.

– Нужно обязательно сфотографировать, как они будут есть мороженое вместе, – спросила Варя. – Это наверное будет так мило.

– Хм, – сказал папа. – Я не уверен, что фотоаппарат был в списке вещей для пикника...

– Отлично, – засмеялась мама. – Забытая вещь номер один.

– Эта мелочь не сможет испортить нам праздник, – сказал папа, стараясь исправить ситуацию. – В конце концов, все фотографии с пикников одинаковые. Люди постоянно что-то фотографируют, вместо того чтобы любоваться природой и общаться. Я бы вообще запретил брать фотоаппараты в путешествиях – они отвлекают!

За спиной папы ребята переглянулись с мамой и захихикали. Папа всегда мог объяснить, почему он прав, когда на самом деле был неправ.

– Когда я в юности летал в Стамбул, – начал папа.

– Да, да, дорогой, – сказала мама. – Мы все прекрасно знаем эту чудесную историю, дорогой. Ты нам её уже много раз

рассказывал. Мы знаем, что ты специально полетел туда без фотоаппарата и у тебя остались незабываемые впечатления, и ты всё помнишь, как будто это было вчера.

– Но так и есть, – сказал папа. – Это всё чистая правда!

– Поэтому у тебя сейчас теперь целых два огромных фотоаппарата? – невзначай спросила мама.

– Ну, причём здесь это! – сказал папа. – И вообще, вы меня отвлекаете, а я, между прочим, везу Счастливого. И хватит смеяться у меня за спиной!

Папа пригнулся к рулю и поехал быстрее, время от времени поправляя шляпу одной рукой. Они проехали рощу и покатали через поле. Было жарко, но лёгкий ветерок освежал их, и кавалькада весело катила по просёлочной дороге, смеясь, и обгоняя друг друга. Степашка быстро «утомилась» и сидел теперь позади мамы, обиженно лая, если кто-то обгонял их велосипед и скрёб мамину спину лапой, призывая ехать быстрее и нагнать обидчика. У деревенского магазина они сделали небольшой привал. Папа купил мороженое, и они ели его неподалёку, в тени старой водонапорной башни. Было тихо и безлюдно. Воздух пах горячими пряными травами, и кузнечики стрекотали как безумные. Высоко в небе пел жаворонок, невидимый из-за слепящего солнца, но вдруг смолк – над башней промелькнул маленький сокол, и его тень скользнула по лицам ребят. Прошло немного времени, и песня снова зазвучала в ярком летнем небе и Варя, которая очень волновалась за жаворонка, облегчённо вздох-

нула.

Мороженое было вкусным. Степашка неожиданно быстро съел свою половину, облизал траву и пытался теперь стащить немного мороженого у Счастливого, которого выпустили из коробки, и который, тоже вошёл во вкус необычного лакомства и быстро облизывал его со всех сторон, не давая стечь на траву ни одной капле. Стёпа подошёл сбоку и, как бы между делом, попытался просунуть свой нос между лапок Счастливого и лизнуть его порцию. Варя уже хотела вмешаться, но папа остановил её и сказал подождать немного.

– Но Степашка украдёт его мороженое! – сказала Варя. – Так нечестно!

– Не думаю, что у него получится, – с улыбкой сказал папа. – Счастливчик своего не упустит.

– Но Степашка большой, а он совсем малыш! – сказала Варя.

– Этот малыш сможет за себя постоять, – успокоил её папа. – Смотри.

Стёпин нос медленно приближался к мороженому и, когда ему оставалось буквально пару сантиметров, Счастливчик, не прекращая есть, поднял одну лапку и накрыл любопытный нос ладошкой, слегка сжав его.

Стёпа фыркнул от неожиданности и обиженно чихнул. Все засмеялись. Счастливчик же, лизал мороженое, словно ничего не произошло и Стёпа, очевидно решив, что это была

случайность, зашёл с другой стороны и снова стал протискивать свой нос к быстро убывающему лакомству. И снова малыш схватил его за нос, но в этот раз чуть сильнее и Стёпа отпрыгнул и звонко тьякнул, оглядываясь на хозяев.

– Что, Степан, – сказал папа, – не так-то просто обижать маленьких?!

Тогда Стёпа решил изменить тактику и, подойдя прямо к мордочке Счастливого, попытался подкатить к себе остатки мороженого лапой. Но едва он приблизился, как малыш внезапно встал в полный рост, высоко поднял передние лапки и... громко зашипел как змея! Бедный Степашка, что с ним было. От неожиданности он метнулся в сторону, споткнулся, упал, перевернулся через голову, снова вскочил и, только спрятавшись за ногами хохотавшего Серёжи отчаянно залаял. Надо сказать, что Степашка не очень боялся змей, даже напротив, ему было интересно понаблюдать за ними, и папа долго учил его не касаться их и не пытаться обнюхать, но когда на него зашипел его лучший друг, это было выше его сил. Полаяв немного, Степашка медленно пошёл обратно к Счастливику, готовый в любой момент пуститься в бегство, и внимательно оглядел его с безопасного расстояния. Малыш, который преспокойно доел мороженое, выглядел совершенно безобидно и тщательно вылизывал свою изумрудную шерстку. Он никак не походил на змею, но Степашка всё же недоверчиво обнюхал его со спины и даже потрогал лапкой. Нет, определённо, это был его друг Счастли-

чик. Но что же тогда случилось? Степашка был в смятении. Он с опаской лизнул малыша и тот радостно заурчал и обнял его за морду. Мир был восстановлен, и друзья принялись резвиться в траве.

– Пап, пап, – наперебой кричали ребята, – Почему Счастличик зашипел как змея? Ты знал, что он может так делать? Расскажи нам!

– Признаюсь честно, – ответил папа, – для меня это было не меньшей неожиданностью, чем для вас и Степашки. Я бы сам, наверное, пустился наутёк, если бы мой друг внезапно зашипел на меня по-змеиному. Я просто хотел убедиться, что наш малыш может за себя постоять, если не силой, так хитростью. Природа всегда даёт маленьким средство для защиты, и теперь мы знаем, какое средство есть у Счастличика. По крайней мере, одно из них, помимо его чудесной защитной окраски. Строго говоря, в этом нет ничего нового. Некоторые птицы, живущие в дуплах, шипят и крутят головами как змеи, если кто-то чужой пытается туда забраться. Такое непривычное поведение пугает хищников. По-видимому, Счастличик тоже способен издавать такие звуки в стрессовых ситуациях или когда нужно защитить свою добычу. Я говорил вам, что он ещё удивит нас и уверяю вас, это ещё не конец. Он ещё очень маленький и не все его способности развились в полной мере.

– А когда мы их увидим? – спросила Варя.

– Трудно сказать, – сказал папа. – Для этого может потре-

боваться некоторое время, может месяцы, а может и целый год. Возможно, ему нужно стать совсем взрослым, чтобы до конца проявить их.

– Совсем как у людей, – сказала мама.

– Да, – усмехнулся папа, – совсем как у людей.

– А он сможет... летать? – с надеждой спросила Варя.

– Нет, – засмеялся папа. – Летать он точно не сможет, но нас ждёт много нового и интересного, в этом я уверен. А теперь – по коням! И погладьте Степашку, а то он, кажется, совершенно сбит с толку. Впрочем, я думаю, он усвоил урок, что обижать маленьких нехорошо. И не всегда безопасно!..

Через полчаса они добрались до опушки леса и устроились там, недалеко от мелкого песчаного карьера. Они расстелили пледы и вытащили еду. Родители принялись увлечённо играть в бадминтон, а дети возиться со Счастливи́чком, который важно бродил среди слишком высокой для него травы, пробуя её на зубок. Степашка оживлённо сновал вокруг. В одном месте он обнаружил старую мышиную норку и принялся её раскапывать и так преуспел, что вскоре перемазался с ног до головы. Он разбрасывал землю так яростно, что она долетала до стола, и пледы пришлось передвинуть подальше, потому-то оторвать Стёпу от любимого занятия не было никакой возможности. Счастливи́чок понемногу освоился и пытался скакать в густой зелени, но путался в траве и смешно брыкался, силясь освободить лапки.

– Ему тут неудобно, – сказала Варя.

– А давай пойдём в карьер, – предложил Серёжа. – Там травы нет, он сможет побегать. И убежать ему оттуда некуда, стены слишком отвесные для него.

Давай, – согласилась Варя, беря малыша на руки. – Степашка, идём с нами!

Степашка, который уже немного устал рыть норку, неспешно пошёл за ними, дыша как паровоз. Карьер был не больше двух метров глубиной, и дно было плотным и ровным. Они поставили Счастливчика на землю и смотрели, как он недоверчиво озирается на новом месте, а потом начинает бродить по карьере, изучая каждую складку. Ребята шли чуть поодаль, стараясь не мешать малышу, а ещё дальше в стороне шёл Стёпа, что-то вынюхивая.

– Смотри, – сказал Серёжа, – Счастливчик, кажется, кого-то поймал!

– Пойдём, посмотрим, – сказала Варя.

Ребята приблизились и увидели, что Счастливчик наткнулся на огромную жабу, которую он пытался удержать в лапках. Но жаба была слишком большой добычей для такого малыша и после нескольких отчаянных рывков, она освободилась и поскакала прочь. Не желая мириться с поражением, а может, просто желая поиграть со странным существом, Счастливчик, погнался за жабой, и снова попытался её схватить, но она вновь выскользнула и запрыгала ещё быстрее, к дальнему краю карьера, на берегу которого росла густая берёзовая поросль. Ребята понемногу отставали от малыша,

видя, что бежать ему некуда, и шли медленно, посмеиваясь над его прыжками и увёртками вокруг жабы.

– Жарко, – сказала Варя. – Пойдём обратно, в тенёк.

– Давай ещё немного пройдемся, – сказал Серёжа. – Пусть

Счастливчик порезвиться.

– Я хочу пить, – сказала Варя, утирая потное лицо. – И есть. Там много вкусного, пойдём назад.

– Ну, ладно, – сказал Серёжа, – ещё минутку и идём назад.

– Родителей уже почти не видно, – сказала Варя, оглядываясь назад.

– Да, – сказал Серёжа и вдруг вскрикнул. – Смотри!

Варя быстро обернулась и застыла в ужасе. Огромная овчарка выскользнула из гущи молодых берёзок и неслась на бешеной скорости прямо к Счастливчику, который был далеко впереди ребят.

– Беги, Счастливчик! – закричала Варя – Беги!

Счастливчик оставил жабу и огляделся. Овчарка была уже недалеко и Серёжа, который бежал на помощь малышу, не успевал к нему первым. Он кричал что-то грозное собаке, но та будто не слышала его и стремительно приближалась к крохотному зверьку, не сводя с него своих хищных глаз. Малыш поднялся на задние лапки и зашипел, но то, что могло напугать маленькую собаку, нисколько не смутило рослую немецкую овчарку. Варя уже слышала её дыхание и в ужасе закрыла глаза, когда откуда не возьмись, чёрный разъярённый клубок шерсти бросился наперерез овчарке и повис на

её шее сбоку. Это был Степашка. Овчарка легко сбросила с себя храброго скотч-терьера, но он быстро вскочил на ноги и снова прыгнул на неё, оскалась всеми своими маленькими, но очень острыми зубами. Поражённая такой храбростью, овчарка остановилась и повернулась к Степашке, который был готов к новой атаке. Неизвестно, чем бы закончился этот неравный поединок, но на подмогу Стёпе подоспел Серёжа, который успел подобрать палку и замахнулся её на овчарку. Пёс оскалил клыки, но не решился напасть, видя, что врагов становится слишком много.

– Получи, получи, плохая собака, – закричала Варя, которая тоже подбежала к своим друзьям и стала бросаться в овчарку песком. – Вот тебе, вот, уходи!

Такой дружный отпор окончательно смутил зверя и, гавкнув несколько раз на ребят, она развернулась и умчалась прочь. Степашка, держась на почтительном расстоянии, бежал следом и рычал, чтобы удостовериться, что она не вернётся.

– Счастливчик, мой маленький, – защебетала Варя, подхватывая малыша, – ты не испугался? Не бойся, мы тебя никому не дадим в обиду!

– Степашка опять спас его, – сказал Серёжа, лаская вернувшегося Степашку. – Какой же ты храбрый, Стёпа! Какой же ты молодец!

Степашка, ещё разгорячённый боем, тяжело дышал, но его хитрые глаза победно сверкали.

– Стёпочка, – сказала Варя, – ты самый лучший!

Стёпа завиллял хвостом и сел, высунув язык.

– Пойдём скорее обратно, – сказал Серёжа.

– Да, – согласилась Варя, – а то вдруг она вернётся.

– Не вернётся, – сказал мальчик. – Мы ей показали.

– Да, – сказала Варя. – Мы её показали. А что мы ей показали?

– Мы ей показали, что мы друг дружку не бросаем.

– Точно, – сказала Варя. – Ух, только покажись нам ещё!

– Здорово ты её песком, – засмеялся мальчик. – Видела, какие она глазищи сделала?

– Я испугалась сначала, – грустно сказала Варя.

– Папа говорит, что это неважно, – сказал Серёжа.

– А что важно? – спросила Варя.

– Важно идти вперёд, даже если тебе страшно и не бросать друзей в беде.

– А тебе не было страшно? – спросила Варя.

– Немножко, – сказал мальчик. – А вот Степашка совсем не испугался, хоть он намного меньше овчарки.

– Это потому, что он любит Счастливчика, – сказала Варя.

– Наверное, – сказал мальчик. – В любом случае, он большой молодец, хоть и маленький!

– А мы расскажем родителям? – спросила Варя, которой страшно хотелось рассказать всем какой Степашка храбрый.

– Нет, – сказал мальчик, – а то они расстроятся.

– А почему? – спросила Варя.

– Потому что взрослые всегда расстраиваются, когда ты им рассказываешь про то, что хорошо кончилось.

– А когда мы вырастем, мы тоже будем всегда расстраиваться? – спросила Варя.

– Я не знаю точно, – ответил мальчик. – Наверное, это каждый решает сам.

– Я не буду расстраиваться, когда вырасту, – заявила Варя. – Я буду веселиться и есть мороженое.

– И я не буду, – сказал мальчик. – Зачем расстраиваться, когда всё хорошо, а?

Ребята быстро вернулись к своим родителям и сели кушать. Степашка с важным видом сидел рядом, а Счастливчик дремал, прижавшись к своему верному другу.

– Они как братья, – сказала мама, глядя на них.

– И посмотри, с каким серьёзным видом сидит Степашка, словно охраняет, – сказал папа. – А ведь сам совсем кроха.

– Ну и что, – запальчиво начала Варя, но осеклась под взглядом брата. – Ну и что, – спокойно продолжила она. – Зато Степашка очень храбрый и никогда не даст его в обиду.

– Мы в этом не сомневаемся, моя дорогая, – сказала мама улыбаясь. – Мы очень рады, что они подружились.

– И мы, – сказал Серёжа. – Пап, а мы будем запускать воздушного змея?

Папа нахмурился и стал сосредоточенно разглядывать свой сэндвич.

– Видишь ли... – начал он.

– Видишь ли, – перебила его мама, – кое-кто перепутал пакеты и вместо воздушного змея взял фотографию в рамке, которую я приготовила для бабушки...

– Ну, пап!

– Моя вина, – горестно покачал головой папа. – Признаю и готов понести любое наказание.

– А давайте потом поиграем в прятки, – предложила Варя.

– Точно, – обрадовался Серёжа, – и папа будет сегодня водить вечно!

Глава 17

Утро было прохладным, и Степашка решил, что сейчас самое время, попытаться пролезть в дыру, ведущую на соседний участок.

«Раз есть дыра, – думал он, – то за ней должно быть что-то интересное. Иначе, зачем эти дыры делать? Наверняка там много места и я смогу отлично побегать. Главное, чтобы меня никто не заметил...»

Но караулить Степашку было некому. Ребята ещё спали, папа, быстро позавтракав, ушёл в работать в свой кабинет, а мама была занята на кухне.

«Отлично, – решил Степашка. – Пойду, попробую...»

Степашка с независимым видом пробежал мимо кухни, прокрался за папиными розами к канаве, прошмыгнул меж кустов и стал исследовать соседский забор. В одном месте, папа досок разошлись, но как ни пытался Степашка туда протиснуться, у него пролезала только голова.

«Какая-то вредная дырка, – думал он, отчаянно пытаюсь протиснуться дальше. – Неужели нельзя было сделать её чуть-чуть побольше? Не понимаю...»

Обессилен вконец, Стёпа печально осмотрел заросший сад по ту сторону забора, чудесные тенистые тропинки, старый сарай и со вздохом сел рядом.

«Там, наверное, куча лягушек, которых так интересно пу-

гать, – думал он, обиженно почёсывая ухо. – И зачем только люди повсюду строят заборы?.. Вот было бы здорово, если бы их не было и я мог бы бегать, где захочу!..»

Степашка представил себе, как он выбегает утром из дома и бежит к соседям, проверить всё ли у них в порядке. Потом он бежит к другим, чтобы убедиться, что там ничего не случилось за ночь, а после, направляется на пруд и, резвиться там до обеда.

«А потом, можно ещё забежать на участок к Матвею и съесть всё, что у него лежит в миске! – подумал Стёпа и эта блистательная идея страшно его обрадовала. – А ведь и правда, от только и делает, что тайком пробирается на мой участок и всё время хочет нахулиганить. Это будет ему хорошим уроком!..»

Стёпа живо вообразил (а помечтать он любил), как Матвей подходит к своей миске и видит, что она пуста и душе-раздирающе мяукает, а он, Степашка, сидит на дереве и преспокойно смотрит на него вниз.

«Вот было бы здорово, если бы я тоже мог лазить по деревьям, – подумал Степашка. – Я мог бы забираться на сосну и сразу видеть всех нарушителей. Я бы даже мог там дремать днём, если папа сделал бы мне там будку. Он же делает будки для птиц. Почему же не сделать и для меня? Там, наверное, прохладно и нет комаров, которые постоянно кусают меня за нос. И оттуда я сразу увижу, если Матвей попытается пробраться к нам! Я даже могу прыгнуть на него сверху!..»

Стёпа представил, как она прыгает с нижней ветки сосны на спину ничего не подозревающего Матвея и от удовольствия даже гавкнул.

«Вот это жизнь, – подумал он. – Я бы мог гулять по крыше и прогонять оттуда сорок, которые постоянно смеются надо мной и сам бы рвал себе яблоки...»

Стёпа мечтательно зажмурился.

«А ещё, я мог бы...»

– Ты чем это тут занимаешься? – прервал его мечты голос мамы. – Опять хочешь пролезть к соседям?

Стёпа фыркнул, как бы желая показать, насколько смешотворны эти обвинения и ткнулся головой в мамины ноги, приглашая её поиграть.

– Ах ты хитрец, – с улыбкой сказала мама, почёсывая ему спину. – Думаешь, я не видела, как ты прокрался за розами? Смотри у меня!

Стёпа снова фыркнул и побежал по своим делам.

«С другой стороны, – думал он, обойдя участок и укладываясь под кустами смородины, – я ведь могу упасть... Я, конечно, очень ловкий и смышлённый пёс, но мне постоянно не везёт, и я часто спотыкаюсь... Это просто напасть какая-то... Если я упаду с крыши, мне наверное будет очень больно?..»

Степашка вспомнил, как он скатился с крыльца месяц назад и как у него болел бок. Он поднял голову и посмотрел на крышу бани, на дом, а затем на сосну, которая была ещё

выше, и ему стало не по себе.

«Нет уж, – решил он, – пусть лучше кошки бегают по крышам. Это их работа. А моё дело, охранять участок и бегать за кошками. По земле... К тому же, крыши какие-то голые и скучные. Там совсем нет кустов и нельзя копать ямы. Какая же это жизнь, если нельзя копать ямы?! Нет, спасибо, я лучше буду жить внизу...»

Степашка удовлетворённо вздохнул, лёг на бок и задремал, и проснулся только в полдень, когда все сели пить кофе.

– Нет, нет и нет, – возмутился папа, – есть только один правильный способ укладывания мармелада на бутерброд! Всё остальное – чушь!

Папа намазал тост маслом, потом взял кусочек мармелада из пакета и аккуратно разрезал его ножом вдоль.

– Вот, видите, – сказал он, поднимая две половинки мармеладинки. – Теперь, главное, не ошибиться и не совершить жуткую ошибку новичка, очень распространённую, кстати, в архитектурных кругах...

Папа выразительно скосил глаза на мамин бутерброд с мармеладом.

– Итак, – сказал папа, трепетно склоняясь над своим бутербродом, с видом хирурга в самый ответственный момент операции – мы укладываем наши мармеладинки сахаром вниз, а не наоборот. Это очень важно, дети мои! В этом вся суть бутерброда с мармеладом! Весь вкус!

– А какая разница? – спросил Серёжа.

– Колоссальная! – воскликнул папа. – Это меняет всё! Положить мармелад наоборот, сахарной стороной наверх, это всё равно что пить кофе стоя на голове!

– А мама так делает, – сказала Варя, никак не решаясь как же ей положить свой мармелад на хлеб. – Кладёт мармелад наоборот.

– Это роковая ошибка! – гремел папа, откусывая свой бутерброд и восторженно взмахивая руками. – К тому же, не забывай, наша мама немножечко колдунья... Они, знаешь ли, любят, всё ставить с ног на голову...

– А по-моему здесь кто-то другой, любит всё ставить с ног на голову... – отозвалась мама. – Вечно ты из всего устраиваешь представление.

– Это вовсе не представление, дорогая моя, а второй закон мармелада, – сказал папа. – И он гласит: сахарная часть мармелада ВСЕГДА должна быть внизу. Понимаете, внизу! Это принципиально!

– А мне кажется, что никакой разницы нет, – сказал Серёжа, который положил свой мармелад так же как мама. – Один и тот же вкус.

– Варвара, – покачал головой папа, – на тебя одна надежда. Быть может ты последняя, кто знает тайну мармелада. Не подведи

Под лукавым взглядом папы, Варя положила свой мармелад правильным способом.

– Вкусно! – весело сказала она.

– Гора с плеч, – выдохнул папа. – Мне даже страшно порой представить, что некоторые люди всю свою жизнь неправильно едят мармелад. И главное, они совершенно не хотят учиться! Ужасно, ужасно...

Папа снова покачал головой и принялся сооружать себе новый бутерброд.

– А какие ещё есть тайны? – спросила Варя, управившись с бутербродом.

– Масса, масса, – ответил папа, прихлёбывая кофе. – И одна интереснее другой. К примеру, ты никогда не думала о том, почему блюда стоят под чашками, а не рядом с ними?

– Нет, – покрутила головой Варя. – А почему?

– О, дорогая моя Варвара, – сказал папа, мечтательно жуя, – это целая история. Я бы даже сказал – легенда!

– Расскажи, расскажи, – попросила Варя.

– В былые времена, – начал свою историю папа, – блюда и чашки стояли по отдельности. Так гораздо удобнее было наливать горячий чай в них и пить его из блюдечка. Никому и в голову не могло прийти, поставить чашку на блюдец. Это было бы сочтено как признак очень дурного тона. Как если бы ты положила ноги на стол.

– Да ладно, – недоверчиво воскликнул Серёжа.

– уверяю вас, молодой человек, – ответил папа, – что всё обстояло именно так, до той поры, пока...

– Пока что? – нетерпеливо спросила Варя. – Пока что?

– Пока один необычайно богатый и настолько же необы-

чайно эксцентричный джентльмен, по имени Дэвид Брэйв, не решил отправиться в кругосветное путешествие. И как истинный джентльмен, конечно же, он совершенно не мог помыслить своей жизни без чашечки чая. Он пил его повсюду, даже на борту тонущего корабля и отказывался спускаться в шлюпку, пока не допил все свои 5 чашек чая, ответив взбешённому капитану, что кораблекрушение может подождать когда джентльмен занят... Это занимательный чудак пропутешествовал так несколько лет, пока, наконец, не попал в Африку.

– И что же там случилось? – спросила Варя.

– Там, – ответил папа, – мистер Брэйв, отправился в путешествие по Нилу. И не на чём-нибудь, а на небольшом плоту, в совершенном одиночестве, не считая его проводника. Их путь был долог и полон опасностей, главной из которых были, конечно же, гигантские нильские крокодилы.

–Ой, – испуганно вскрикнула Варя.

– Да, – кивнул папа. – В первую же ночь, крокодилы забрались на плот и утащили все съестные припасы, а ещё через два дня, проснувшись утром, мистер Брэйв не обнаружил своего проводника. Поначалу он решил, что беднягу утащили крокодилы, но, как оказалось, тот просто испугался путешествовать в таких условиях и сбежал, прихватив кое-что из сбережений мистера Брэйва.

– Ужас! – прошептала Варя.

– Да, – кивнул головой папа. – Оказавшись один, без при-

пасов, без проводника, на незнакомой реке кишашей огромными крокодилами, мистер Брэйв принял единственно верное в такой ситуации решение.

– Какое? – спросил Серёжа. – Повернул назад?

– Нет, – улыбнулся папа. – Он принял решение выпить чаю! Он вскипятил чайник прямо на плоту, вытащил свой складной походный бамбуковый столик и начал пить чай, любуясь живописными видами. Когда он допивал вторую чашку, пятиметровый крокодил неожиданно появился из-под воды и попытался схватить мистера Брэйва за ногу. Отважный джентльмен невозмутимо ударил его по носу своей тростью, не выпуская из рук чашку с чаем, и тот, немало озадаченный, нырнул обратно в Нил. Но вот беда, вместе с собой, крокодил прихватил столик, за которым мистер Брэйв пил чай и тот еле успел спасти своё последнее блюдо! Это потрясло мистера Брэйва едва ли не больше, чем все предыдущие потери, т.к. пить чай без столика было немыслимо. И вот тогда, находчивый путешественник, оглядев остатки своего снаряжения, заметил футляр от телескопа, в котором он хранил свои географические карты. Он установил его вертикально, а на него поставил блюдо. Единственной проблемой было то, что для чашки места уже не оставалось. Поразмыслив немного, мистер Брэйв решил, что в таких экстремальных обстоятельствах некоторые перемены в ритуале чаепития не возбраняются, и поставил чашку поверх блюда. Voilà!

Папа одним глотком допил свой кофе и продолжил.

– 59 долгих дней и ночей дрейфовал таким образом мистер Брэйв. Из всех его припасов уцелели только чай и банановый мармелад, которые и поддерживали его силы в течение этого времени. Он пил чай на своём импровизированном столике и отгонял крокодилов своей тростью и, к общему удивлению, так проводник рассказал всем, что мистера Брэйва съели крокодилы, прибыл в Каир целым и невредимым. Закончив, таким образом, своё кругосветное путешествие, он отправился на корабле домой, в Англию. Но дни проведённые на безлюдном Ниле, на крохотном плоту окружённым крокодилами давали о себе знать. Его манеры сочли вызывающими, потому что мистер Брэйв продолжал ставить свою чашку в блюдце, словно всё ещё плыл по реке! Однако слава великого путешественника и вышедшая вскоре книга увлекательно повествующая о его приключениях, сделала его настолько популярным, что очень скоро, стало страшно модно пить чай новым образом, по-Нильски, ставя чашку на блюдце, памятуя тем самым о храбрости и непреклонности одного человека, бросившего вызов обстоятельствам и победившего их. В общей сложности, за время своих странствий, мистер Брэйв, который ни разу не пропустил чаепитие, выпил более 7 тысяч чашек чая! Грандиозный человек, грандиозный!

– А что с ним стало потом? – спросила Варя, очарованная мистером Брэйвом. – Он ещё путешествовал?

– Никогда, – торжественно объявил папа. – Никогда в жизни он больше не покидал своей родной Англии, а только пил чай и писал книги о далёких странах, в которых он побывал. Кстати, его беглый проводник приехал к нему через много лет, и мистер Брэйв простил его, и они очень сдружились. Их часто можно было видеть вместе, беседующих об Африке и, конечно же, попивающих чай, ставя свои чашечки прямоком на блюдца.

– Чудесная история, – сказала мама. – Особенно мне понравился момент, когда мистер Брэйв пил чай на тонущем корабле.

– Да, история знаменательная, – согласился папа. – И главное, совершенно правдивая!

– А ты расскажешь, что ещё случилось с мистером Брэйвом? – спросила Варя.

– Может быть, может быть... – ответил папа. – А сейчас, я вынужден удалиться, у меня ещё остались кое-какие дела.

– Вот бы показать нашего Счастливого мистеру Брэйву, – сказал Варя, когда помогала маме мыть посуду – Он-то точно знает, кто он такой...

– Думаю, тут даже мистер Брэйв спасовал бы, – усмехнулась мама. – И потом, он никогда не путешествовал по Шатурским болотам.

– Как же нам быть? Как узнать? Кто же он, наш Счастливчик?

– Он наш друг, – ответила мама с улыбкой, – и этого впол-

не достаточно.

– Точно, – обрадовалась Варя. – А можно я пойду и немного потискаю его?

– Иди, иди, – засмеялась мама. – Только не мешай папе работать, а он никак не может закончить 17 главу.

– Хорошо, – пообещала девочка. – Мы тихонечко!

И она стремглав помчалась в дом, а следом за ней, побежал Степашка, который тоже хотел поиграть со своим новым другом.

Глава 18

После недели дождей, когда всё кругом было серым, и повсюду стояли лужи, погода наладилась. Подул ветер, солнышко снова выглянуло из-за туч и целых три радуги засияло на небе. Все высыпали из домов и разглядывали это чудо, радуясь перемене погоды.

– Целых три! – восхищалась Варя, не веря своим глазам. – А разве так бывает?

– Очень редко, – отвечал ей папа. – Признаться, я тоже в первый раз в жизни вижу сразу три радуги одновременно.

– А это хорошая примета? – спросила Варя.

– Это зависит от человека, – сказал папа.

– Как это, – удивилась девочка. – Разве так бывает?

– Папа хочет сказать, – подала свой голос из беседки мама, – что если ты считаешь, что это хорошая примета, то так и есть, а если плохая, то это тоже правда.

– Это очень сложно, – сказала Варя. – Я не понимаю.

– Напротив, – сказал пап. – Это очень легко. Я вот, считаю, что увидеть сразу три радуги, это очень хорошая примета. Просто замечательная, и что-то очень хорошее должно скоро произойти.

– Так не бывает, – сказал Серёжа. – Тогда всё что угодно может быть хорошей приметой.

– Но так оно и есть, – сказал папа.

– Даже если ты получил двойку по математике? – хитро спросил мальчик.

– Представь себе, – ответил папа. – Даже двойка по математике может быть хорошей приметой, если ты всё понял и исправил её. Мы все учимся на своих ошибках, это и есть опыт.

– А если я что-нибудь сломаю или разобью, случайно, это тоже хорошая примета? – не унимался Серёжа.

– Если ты поймешь, что совершил ошибку и не будешь её повторять впоследствии, то да, это отличная примета, – ответил папа.

– Кажется, нас ждёт погром, – сказала мама, не отрываясь от изучения своих документов.

– Уверен, что нет, – сказал папа усмехаясь. – И знаешь почему?

– Почему же? – поинтересовалась мама.

– Потому что я сегодня видел целых три радуги, а это очень хорошая примета! – торжественно заявил папа.

– Ой, теперь я поняла, – заулыбалась Варя.

– Вот видишь, – сказал папа. – Всё просто.

– Скажи, дорогой, – сказала мама, – а твои знамения говорят что-нибудь о волшебнике, который сделает нам всем кофе и накроет на стол, не отвлекая меня от моей работы. Мне нужно успеть закончить её до четверга, а я едва осилила половину.

– Дай подумать, – сказал папа, закрывая глаза и прикла-

дывая пальцы ко лбу. – Хм, да, ты права, я вижу волшебника в шляпе который приносит кофе... Но постойте! Он не один! Ему помогает какая-то маленькая фея в голубом платье и принц в джинсах с грязными коленями...

– Они не грязные! – закричал Серёжа. – Я их отряхнул!

– Тогда твоему пророчеству самое время сбыться, – сказала мама. – Уже почти полдень.

– Мы уже в пути, – сказал папа. – Я иду на кухню, а ребята накроют на стол. И, пожалуйста, кто-нибудь, отберите у Степашки мой зонт, пока он цел.

– Не волнуйся, дорогой, съеденный зонт чудесная примета, – сказала мама.

– Я знаю, – сказал папа, – просто...

– Просто?..

– Просто ради бога отберите у него мой зонтик!

– Стёпа, иди ко мне, – строго сказала мама, и Степашка послушно подбежал к ней, неся папин зонт как палочку для игры. – Молодец. А теперь, отдай. Умница, хороший мальчик.

Мама потрепала Стёпу по голове и убрала зонтик подальше от его острых зубов.

– Спасибо, дорогая! – крикнул папа с кухни. – И, кстати, раз уж дождь кончился, я думаю нужно вынести Счастливого из дому, а то он соскучился по свежему воздуху.

– Я принесу его, – сказал Серёжа.

– Только следите, чтобы он не убежал и не попал в беду,

как в прошлый раз...

– Какой раз?... – переглянулись ребята.

– Похоже, дорогая, ты проговоришься, – сказал папа из кухни.

– Да, похоже, – покачала головой мама.

– О чём вы? – спросил мальчик.

– Мы с папой видели ту овчарку и то, что случилось после, – объяснила мама

– А почему же вы ничего не сказали нам?

– Ну, мы подумали, раз вы не хотите нам ничего говорить, то...

– Мы подумали, – сказал папа, – что у всех есть свои маленькие секреты, и в этом нет ничего страшного. Всё закончилось хорошо, и я уверен, вы усвоили урок.

Ребята понуро кивнули.

– Усвоили...

– Всегда будьте рядом, – сказала мама. – Счастливчик ещё очень маленький и многие могут попробовать его обидеть.

– Мы теперь всегда будем рядом! – сказал Серёжа.

– Но каков храбрец наш Степашка, – крикнул папа. – Как он бросился на неё!

– Давайте больше не будем говорить об этом, – сказала мама. – Эта собака была огромной, и Степашке очень повезло, что она растерялась.

– Повезло! – фыркнул папа. – Скажешь тоже. Нет, это не простое везение, это – храбрость. И преданность.

– Вот и отлично, – сказала мама. – Но давайте впредь избегать таких ситуаций. Мы должны быть в первую очередь разумными людьми.

– И всё равно он герой! – сказал папа. – И ребята. Хотя, конечно, овчарка бы их не тронула. Не такая уж она злая, как кажется. Просто Счастливчик показался её добычей, а когда она поняла, что ошиблась, она убежала.

– Это безобразие, отпускать таких больших собак бегать где угодно, – сказала мама.

– Да, – сказал папа, – но кругом был лес, и кто мог подумать, что в карьере есть люди.

– Всё равно, – сказала мама, – приличные собаки так себя не ведут! Правда, Степашка?

Степашка склонил голову на бок и звонко тьякнул.

– Молодец, умница ты мой, – сказала мама, глядя его чумазую голову. – Ты у нас самый воспитанный пёс в мире. Пока не роешься в моей клумбе и таскаешь сардельки с кухни...

Пока папа готовил кофе. Серёжа ненадолго выпустил Счастливчика на газон. Малыш очень обрадовался и принялся неуклюже бегать по кругу. Ему очень понравилось валяться в мокрой траве, и он катался в ней с таким упоением, что Степашка, внимательно наблюдающий за ним, стал делать тоже самое. Они оба крутились и вертелись на газоне, хрюкая, фыркая и мяукая на потеху всей семье, а когда закончили, были насквозь мокрые, словно искупались. Варя

вытерла их обоих полотенцем, и они устроились на веранде, рядом со столом. Счастливчик стал проситься на руки, а когда никто не взял его, самостоятельно вскарабкался на колени к папе, и попытался взять со стола печенье, но был немедленно перемещён на пол. От удивления, он сделал такие большие глаза, что все засмеялись. Он снова забрался на папины колени и снова очутился на полу. На этот раз он обиженно пискнул и попытался забраться на маму, но тоже был водворён на своё прежнее место, рядом со Степашкой. Обескураженный происходящим, он грустно замыкал, но его опять никто не взял его на руки. Он растерянно посмотрел на своего друга, но Степашка сидел смирно и Счастливчик нехотя последовал его примеру.

– Кажется, он быстро понял, что когда мы за столом, ему не место на коленях, – сказал папа. – К тому же, у него отличный пример перед глазами. Правда, Стёпа?

Стёпа склонил в сторону свою голову и ухмыльнулся по-собачьи.

– А он не обидится на нас? – спросил Серёжа.

– Нет, – сказал папа. – Скорее напротив. Животным важно понимать правила, по которым они живут, тогда они становятся спокойнее. Только вот я думаю, что Счастливчик слишком хитёр, чтобы не попробовать их нарушить...

– Как? – спросила Варя.

– Ну, скажем, – предположил папа, – если он видит, что не может добраться до еды, когда мы рядом, он может попы-

таться достать её, когда нас нет. И поверьте, он может быть крайне изобретателен!

– Но в доме нет еды, – сказал Серёжа, – а на улице он всегда под нашим присмотром.

– Это не обязательно может быть еда, – сказал папа. – Ему могут понравиться другие вещи.

– Нам нужно обязательно запирать дверь в нашу комнату, когда он на веранде, – сказала мама. – Не хватает только, что бы он забрался к нам и разбросал мои документы.

– Он уже это сделал, – сказал папа, преспокойно намазывая маслом хлеб.

– ЧТО?! – подскочила на своём стуле мама. – Мои документы?! Мои чертежи?!

– Нет, нет, – успокоил её папа. – Не твои. Мои.

– ???

– Сегодня утром, я не закрыл люк, когда вышел...

– И?..

– И пока я делал зарядку и пил чай, этот маленький прохвост, который так сладко спал, когда я выходил на улицу, забрался по лестнице наверх и успел навести там порядок.

– Боже мой! – сказала мама. – А твоя новая книга? С ней всё нормально?

– К счастью да, – сказал папа, посмеиваясь. – Он, очевидно, нашёл её довольно скучной, и я, пожалуй, действительно переделаю там несколько глав, но, так или иначе, он не тронул её. Зато он полностью растерзал мои старые рукопи-

си, «пролистал» несколько книг и журналов и разбил мой старый будильник. Тут, признаться, я ему даже благодарен, я сам его ненавидел, он так противно звенел! В общем, всё обошлось без больших потерь.

– Какой кошмар! – сказала мама. – И всё от того, что ты не закрыл люк. А ведь мы договорились, что...

– Да, да, – замахал папа руками, – правило номер один, люк на второй этаж всегда должен был быть закрыт. Я помню.

– Было бы лучше, – сказала мама, – если бы ты не только помнил про правила, но и хотя бы иногда следовал им.

– Правила созданы, что бы их нарушать, – сказал папа.

– И к чему это приводит? – сказала мама. – Тебе ещё повезло.

– Да, – сказал папа. – До настоящей катастрофы дело не дошло.

– Но дойдёт в следующий раз! – сказала мама и наклонилась погладить Счастливого. – Молодец! Ты быстро научишь их быть аккуратными!

– Кажется, – сказал папа, – это был заговор. Точно! Я припоминаю, как ты шепталась со Счастливым вчера вечером. Ты рассказала ему о потайном ходе в старую башню, где живёт великий чародей, и пока мага не было, зелёный злоумышленник коварно проник в святая святых и посеял там хаос...

– Хватит шутить, – сказала мама. – Это не смешно. Он

мог испортить всю твою работу.

– Но не испортил, – улыбнулся папа. – Ende gut, Ales gut!

– Ну, никакой на вас управы, никакой! – горестно всплеснула руками мама.

– Пап, а когда мы будем обучать Счастливого каким-нибудь тюкам? – спросил Серёжа.

– Честно говоря, – сказал папа, – я уже немного позанимался с ним... По утрам, пока все спят...

– И ты молчал! – воскликнул Серёжа. – Как же так?!

– А что он умеет? – спросила Варя.

– Не так много, пока что, – скромно ответил папа. – Если помните, мы говорили о том, что мы не будем мучать его и слишком усердствовать. Я просто пытался понять, что ему нравится, к чему у него есть склонности и кое-что выяснил...

– Покажи, покажи!! – закричали ребята, и даже мама не могла скрыть своего любопытства.

– Хорошо, – сказал папа. – Но я ничего не гарантирую, это были только лишь... пробы пера!

Папа встал из-за стола, и подошёл к Счастливику, который радостно протянул к нему лапки.

– Варвара, поддержи, пожалуйста, Степашку, – сказал папа. – Он может нам помешать. Счастливчик, служить!

Счастливчик с недоумением посмотрел на папу и что-то пискнул, но не сдвинулся с места.

– Служить, – медленно и отчётливо произнёс папа.

Степашка, которого держала Варя, заскулил и попытался выполнить папину команду. Мама сдавленно хихикнула, но под укоризненным взглядом папы испуганно замахала руками, прося продолжать представление.

– Счастливчик, – сказал папа, поднимая над его головой руку, – Служить!

И вдруг, Счастливчик послушно встал на задние лапки и замер так, глядя на папину руку, словно та гипнотизировала его.

– Bravo! – сказала мама.

– Здорово, – закричали дети, но папа сделал жест рукой, прося тишины и все умолкли.

– Молодец, Счастливчик, – сказал папа и пал ему крошечный кусочек сыра, который взял со стола.

– А теперь, лежать!

Счастливчик немного помялся, но затем, глядя на опускающуюся папину руку, сначала сел, а потом, к общему восторгу, лег на живот.

– Умница, – сказал папа, передавая малышу очередной кусочек сыра. Все захлопали в ладоши, и только Стёпа снова заскулил и попытался вырваться – он тоже хотел играть и получать за это сыр!

– Счастливчик, умри!

В этот раз папе пришлось долго повторять, но, в конце концов, Счастливчик перевернулся на спину, раскинул передние лапки и закрыл глаза, притворившись мёртвым.

– Молодец!

Новый кусочек сыра перекочевал из папиных рук в лапки Счастливики и Стёпа, не в силах больше терпеть, обиженно залаял.

– Я думаю нехорошо обижать Стёпу, – сказала мама.

– Конечно, – сказал папа. – Последний трюк, если так можно сказать и дадим Стёпе возможность отличиться.

Папа незаметно зажал в одном кулаке кусочек сыра и протянул два кулака Счастливику.

– Угадай!

Тут Счастливчик действовал быстро. Он обнюхал руки и схватил ту, в которой был сыр.

– Открой! – сказал папа.

Малыш проворно схватил своей лапкой папины пальцы и стал осторожно разгибать их по одному, начиная с мизинца. Когда он дошёл до среднего пальца, папа снова сжал те, которые уже были разогнуты. Счастливчик пискнул от досады и снова взялся за мизинец. В этот раз всё прошло гладко, и он быстро добрался до лакомства. Всё снова заплодировали.

– А теперь Стёпа, – сказал папа, поворачиваясь к Степашке, который из кожи вон лез, что бы тоже продемонстрировать свои таланты.

– Ко мне! Сидеть! Дай лапу! Служить! Голос!

Стёпа послушно подбежал к папе, сел, потом быстро подал лапу, потом послужил и подал голос, словом исполнил все папины указания. Получив заслуженную награду, он

немного успокоился и улёгся под столом.

– Это всё? – спросила мама.

– Пока да, – сказал папа, глядя малыша. – Но мы разучиваем новые трюки, которые Степашке не под силу.

– А какие? – спросила Варя.

– Секрет! – сказал папа.

– Но почему?!

– Потому что так интереснее! И я не уверен до конца, что всё получится. Он ещё малыш.

– Этот малыш, легко устроил погром у тебя в кабинете, – сказала мама.

– Это другое, – сказал папа. – Он просто резвился. Он целую неделю сидел взаперти, из-за дождей и грязи, и заскучал немного. С трюками всё сложнее, при условии, что ты действуешь мягко, без наказаний. Иногда это требует много времени, но это всегда окупается впоследствии. Верно?

– Верно, – вздохнула Варя. – Но иногда так хочется всё и быстро!

Глава 19

– Мам, пап, – взволнованно закричали ребята, вбегая на кухню. – Счастливчик заболел!

– Почему вы так решила, мои хорошие? – спросила мама.

– Он не вылезает весь день из своей коробки и ничего не ест. И у него горячий нос! – сказал мальчик.

– Горячий нос ещё ничего не значит, – сказала мама, – он же не собака.

– Но я точно знаю, что ему плохо – сказала Варя. – Я чувствую!

– Я тоже заметил утром, что он вялый, но подумал, что малыш просто еще не проснулся, – сказал папа.

– Что же делать? – сказала Варя. – А вдруг он умрёт!

– Давайте не будем паниковать, – сказала мама. – Все иногда болеют, это естественно и Счастливчик не исключение. Может он съел что-то не то или немного простыл.

– Я думаю, – сказал папа, – что для начала нам нужно измерить ему температуру.

– А как? – удивилась Варя.

– Так же, как мы измеряли её Степашке, когда он был совсем маленьким, – сказал папа. – Ты что же, забыла?

– Ой, точно, – сказала Варя. – А можно я буду измерять?

– Конечно, – сказал папа. – Пойдёмте к нему.

Втроём они пошли на веранду и взяли малыша на руки.

Он был сонный и грустный и отказался от кусочка яблока, которое ему протянул папа.

– Да, – сказал папа, – похоже, он и вправду немного приболел.

– Как же мы ему поможем? – спросила Варя.

– Для начала, ему нужен покой, – сказал папа. – Не думаю, что это, что-то серьёзное. Такое случается с малышами.

Варя измерила Счастливику температуру, и папа покачал головой.

– Немного выше обычной, – сказал он и добавил, чтобы успокоить ребят. – Но ничего страшного нет. Как я уже сказал, ему нужен покой и вдоволь свежей воды. Давайте отнесём коробку в комнату и накроем её от света. Так ему будет спокойнее. Сон лучшее лекарство для многих животных.

– А почему? – спросил Серёжа.

– Видишь ли, – сказал папа, – во сне все мы расслабляемся, и организм сам борется с болезнью, не тратя силы на всё остальное. Природа всё продумала самым наилучшим образом, поэтому, пока что не будем ей мешать.

– А если ему станет хуже? – заволновалась Варя.

– В крайнем случае, – ответил папа, – мы, конечно же, отвезём его к доктору, чем бы это не обернулось, но уверяю, со Счастливицом всё будет хорошо. А пока, мы будем навешать его каждый час, измерять температуру и следить за его состоянием. Если вы помните, то когда заболел Степашка, он спал весь день и всю ночь и ничего не ел, а только пил

воду, и на утро был совершенно здоров и кушал с отменным аппетитом.

– Я волнуюсь за Счастливчика, – сказала Варя. – Вдруг ему нужно будет делать уколы? Это страшно.

– Ничего и не страшно, – сказал Серёжа. – Уколы это ерунда! Вот если бы ему пришлось удалять зуб...

– Ба! – воскликнул папа, хлопая себя по лбу. – Ну конечно, зубы! Как я мог забыть?!

Папа склонился над малышом и аккуратно раскрыл ему рот пальцами.

– Ну, вот, так и есть! – сказал он через несколько секунд. – У Счастливчика меняются зубы, молочные выпадают, а на их месте вырастают новые.

– А ему не нужно будет ехать к зубному врачу? – спросила Варя, которая не очень любила зубных врачей.

– Не волнуйся, – сказал папа. – Старые зубы уже сами выпали и на их месте остались крохотные ранки. От этого ему больно жевать и немного поднялась температура. Пусть он немного полежит так, а вечером, мы дадим протёртое яблоко с творогом на ужин, и к завтрашнему вечеру он снова будет в полном порядке.

– Ура! – обрадовалась Варя.

– Я только думаю, – сказал папа, – что ему может быть жарко в доме.

– Мы можем открыть окно, – сказал Серёжа.

– Да, – сказал папа, – но Счастливчик слишком любо-

пытный и даже в таком состоянии, он может попытаться выбраться. Если только... если только не надеть на него старый Степашкин ошейник, который он носил, пока был щенком и не привязать его на поводок.

– А он не будет ему мешать? – спросила Варя.

– Нет, – сказал папа, – поводок крепкий, но тонкий, он не помешает малышу спать. Мы привяжем его к ножке кровати, и даже если он вылезет из коробки, то не сможет никуда убежать или что-нибудь испортить.

Они одели малышу ошейник, привязали его к кровати и, убедившись, что малышу комфортно, и он дремлет, вышли и тихонько притворили за собой дверь. Счастливчику действительно нездоровилось, и он не собирался покидать своего домика, где ему было так уютно и спокойно. Он только устроился удобнее в своём гнёздышке, хрипло мяукнул несколько раз и уснул, обдуваемый лёгким ветерком из раскрытого настежь окна.

Когда люди покинули дом и скрылись на кухне, трясогузки слетели с крыши и стали прохаживаться перед крыльцом, ловя комаров и прочую мелочь, которая сновала около земли. Они деловито бегали с места на место, но вдруг стремглав вспорхнули и сели на забор. Большой рыжий кот крадучись вышел из-за угла бани и огляделся вокруг. Он слышал какое-то странное мяуканье неподалёку, когда пытался поймать трясогузок, его вечных врагов, которые постоянно замечали его первым и поднимали крик, предупреждая

остальных птиц по всей округе.

«Кажется, я где его уже слышал, – подумал Матвей. – Нужно проверить...»

Он ещё раз огляделся и приблизился к дому. Да, несомненно, звук шёл из открытого окна дома. Матвей принюхался, и его глаза загорелись. Он узнал запах маленького зелёного зверька, от которого ещё пахло молоком. Он был там и, похоже, совершенно один... Но рыжий кот был слишком осторожным, чтобы попытаться сразу запрыгнуть на подоконник, к тому же, окно было достаточно высоко и если бы он сорвался, то на шум могли бы прибежать люди. Он осторожно выглянул из-за угла дома, и осмотрел участок. Все люди были в маленьком домике, откуда вкусно пахло едой. Он слышал их голоса и смех, но где был его главный враг, нахальный черный пёс, которого ему не всегда удавалось обмануть? Матвей обошёл дом с другой стороны и снова осмотрел участок. Хм, так и есть, этот лежебока дрыхнет под яблоней после обеда. Отлично! Матвей облизнулся и направился к окну, чтобы всё точно рассчитать. Это был отличный шанс показать всем кто главный на этом участке, кот или собака. Когда Матвей сел под окном, Счастличик, не подозревая о грозящей ему опасности, громко зевнул и заворочался. Кот поднялся по ступенькам, весь подобрался и одним лёгким движением запрыгнул на перила дома, с которых, до открытого окна было рукой подать. Медленно и осторожно кот прошёл по перилам до того места, где, по его

подсчётам, расстояние было самым удобным для прыжка и в который раз осмотрелся. Всё было спокойно, за исключением трясогузок, которые никак не могли успокоиться и наперебой чирикали и перелетали с ветки на ветку, будто намереваясь напасть на Матвея. Дело было в том, что каким бы не был рыжий кот хитрым, он и не догадывался что под козырьком крыльца, между крышей и свисающим шифером, было гнездо с тремя птенцами и птицы волновались неспроста. Когда он уже приготовился прыгнуть, одна из трясогузок подлетела к нему сзади и клюнула его в хвост. От неожиданности он едва не соскользнул с перил, но вцепился в дерево когтями и удержался. Сам по себе клевок трясогузки был почти безболезненным для него, но Матвей, как всякий кот, ненавидел, когда ему мешали. Он повернулся к птицам и сделал ложный выпад. Трясогузки отлетели в сторону, крича ещё громче и тревожнее, предупреждая своих птенцов, чтобы те сидели тихонько и птенцы молчали, хотя очень хотели есть. Отогнав назойливых птиц, Матвей снова примерился и, не обращая внимания на щебет за своей спиной, бесшумно прыгнул на подоконник, распушив в полёте свой хвост, точно мохнатый руль. Он отлично рассчитал свой прыжок и приземлился точно туда, куда хотел. Готовый в любую минуту спрыгнуть на землю, он осмотрел комнату и ухмыльнулся – людей там не было, а на полу, в небольшой деревянной коробке, свернувшись калачиком, беспечно спал маленький зелёный зверёк со смешным розоватым носом. «Наконец то,

подумал Матвей, он мой и никто не сможет мне помешать!» Он уперся лапами в прохладное дерево и наклонил голову для решающего прыжка вниз...

У Степашки был трудный день и к обеду он так умаялся, что заснул, даже не поиграв с мячиком. Ещё утром, копаясь в земле за сосной, единственном месте, где ему позволялось рыть землю безнаказанно, он обнаружил большую говяжью кость, которая должно быть пролежала в земле целый год и бог весть как сюда попала. (Хотя на самом деле, эту кость он самолично стащил из ведра на кухне прошлой осенью и, закопав, забыл!) Находка такого неожиданного клада, сперва повергла Степашку в шок, ведь, согласитесь, не каждый день выкапываешь из земли такую чудесную кость! И хотя разгрызть её Степашка не мог ни тогда, ни, тем более, сейчас, всё же, расстаться с таким сокровищем он не мог, и сама мысль о пропаже такого богатства была для Степашки невыносима. Решение было только одно – кость немедленно нужно было спрятать в новое, совершенно надёжное место, поскольку, всем известно, что если у вас есть кость, то каждый желает её у вас украсть. По крайней мере, Степашка был в этом совершенно уверен, а потому, взяв кость в зубы, он сразу же отправился на поиски нового тайника.

«Такую удачу нельзя упустить, – думал он, исследуя землю в разных местах участка. – Это косточка просто клад и уж конечно всякий захочет его у меня украсть. Нужно очень надёжно её спрятать... Очень...»

За кустами смородины земля была рыхлой и мягкой, но, едва он принялся рыть, как папа закричал ему из кухни и он поспешил ретироваться. Потом он попробовал вырыть яму на маминой клумбе, но и тут его ждала неудача, и он едва успел удрать и унести свою драгоценную кость от страшного веника в руках мамы. Оставалось только одно, рыть за баней, где никто не сможет его увидеть, но, как на зло, земля там была твёрдой как камень и сколько он не старался, большая кость торчала наружу и любой мог бы её увидеть и стащить. От такой нервотрёпки Степашка тяжело дышал и даже забыл поесть толком. Ребята звали его играть, но он убегал от них и прятался то за машиной, то за кухней. В конце концов, совершенно случайно, он нашёл уже готовую яму рядом с крыльцом дома. (Мама собиралась пересадить туда цветок, который не очень любил солнце, и приготовила её заранее, чтобы, когда жара спадёт сделать пересадку). Яма была идеальной. Степашка даже немного удивился второй удаче за день и недоверчиво осмотрел её со всех сторон. Но, всё было безупречно. Он положил кость в яму, и та изумительно поместилась в ней, нисколько не высовываясь. Земля лежала рядом, и Стёпа быстро засыпал свою «жемчужину», и тщательно утрамбовал место, где она покоилась, усердно работая мордой и лапами. Убедившись, что работа проделана на отлично, он, наконец-то перевёл дух.

«Определённо сегодня удачный день! – думал Степашка, направляясь к своей миске с водой. – Надо же, как мне по-

везло, и кость и яма, всё само идёт ко мне в лапы!.. Теперь, нужно охранять это место, а то кто знает, что у кого на уме... Такое сокровище на дороге не валяется... Нужно быть настороже...»

Выпив целую миску воды, грязный и счастливый, Стёпа лёг под яблоню и уснул без задних лап, не откликаясь ни на зов ребят, ни на что вокруг. Ему снился замечательный сон, как будто бы он нашёл на участке кость, но настолько большую, что смог в ней жить словно в огромной конуре. Днём он сидел на её верхушке, откуда открывался замечательный вид на окрестности, а ночью спал внутри и даже во сне облизывал её. И главное, никто и никогда не смог бы её украсть! Он даже играл внутри своей косточки в мячик, и... и... Настырное щебетание трясогузок мешало ему сосредоточиться, и понять что же ещё ждало его внутри этой чудесной косточки. Он перевернулся на другой бок, но это не помогло, и он поднял голову, что бы понять, откуда до него доносился шум. И тут его как громом ударило – кость! Кто-то хочет украсть его кость, не зря же птицы подняли такой переполох! Он вскочил и помчался к дому, зевая на ходу и мотая головой. У крыльца он остановился и обнюхал землю, где лежала косточка. Нет, всё было в порядке. Он снова зевнул и сел. Вечно эти птицы суеются бестолку и мешают ему спать! Понюхав ещё раз воздух, он вдруг весь напрягся, и шерсть встала дыбом у него на загривке. Матвей! Совсем недавно он был здесь, Степашка учуял его запах. Он быстро пробежал

вдоль крыльца, потом поднялся на него, потом обежал вокруг дома, но никого не было. Стёпа чувствовал, что рыжий разбойник рядом, но где? Стрекот трясогузок, наконец, заставил его поднять голову и он даже онемел от того что увидел. Крупный рыжий кот, за которым он охотился уже второй год и который упорно не переставал нарушать его владения, неподвижно сидел на подоконнике открытого окна прямо над его головой и презрительно смотрел на него сверху вниз. От подобной наглости Стёпа немного растерялся, а потом залился громким лаем и запрыгал, вокруг. Матвей смотрел на своего врага без опаски, он знал, что собака не достанет его на окне, но на его лай рано или поздно придут люди и тогда ему может не поздоровиться. Он с сожалением оглянулся на спящего Счастличика, который заёрзал во сне от громкого лая Степашки и перепрыгнул на перила. Степашка, решив, что его враг хочет ускользнуть через крыльцо, бросился к лестнице и начал подниматься наверх, но хитрый кот спрыгнул на землю в другую сторону и побежал к забору. Стёпа кинулся за Матвеем и был совсем близко от него, уже готовясь ухватить его ненавистный рыжий хвост зубами, но в последнюю секунду, кот взвился в воздух, чуть задержался на вершине забора и исчез среди зелени на улице. Стёпа гавкнул вслед нарушителю и довольный собой побежал обратно к крыльцу, куда уже подошли папа с мамой.

– Стёпа, ты чего так разлаялся? – спросила мама. – Никого нет. Может тебе что приснилось?

– Я думаю, это был его любимец Матвей – сказал папа, глядя Стёпу по голове. – Мне показалось, он мелькнул на заборе. Вот уж действительно они ладят как кошка с собакой!

– Как там Счастличик? Ему лучше? – спросила мама.

– Пойдём, посмотрим, – сказал папа. – А потом я пойду в кабинет и, пожалуй, возьму его с собой. Вдруг ему станет скучно.

– Ему или тебе? – лукаво спросила мама.

– Неважно, – сказал папа. – Вдруг нам станет скучно.

– Хорошо, только смотри, как бы он опять не добрался до твоих книг.

– Я буду внимателен, – сказал папа. – На худой конец, у нас есть Степашка, он присмотрит за нами обоими. Присмотришь, Стёпа?

Стёпа радостно гавкнул и встал лапками на папину ногу.

– А это что такое? – вдруг сказала мама изменившимся тоном.

– Что? – оглядываясь вокруг, спросил её папа.

– Моя яма для цветка, она закопана! Это ты сделал?

– Боже упаси! – сказал папа, оглядывая грязного Стёпу. –

Но я, кажется, знаю, кто это мог быть...

– И кто же? – спросила мама. – Чья эта идея?

– Так ли это важно, дорогая, – сказал папа. – Пойдём, проверим малыша, и я выкопаю тебе новую яму.

– Нет, я просто хочу знать, кто здесь хозяйничает.

– Один гном...

– Гном?! – изумилась мама. – Какой гном?

– Маленький и шустрый, – сказал папа. – И бородатый...

– Ах вот оно что... – догадалась мама.

– Да, – сказал папа, – но мы ведь не будем его ругать, верно? Он же не знал.

– Ну, конечно, нет, – немного раздражённо сказала мама. – Это же его участок, не наш...

– Хорошо, что ты это понимаешь, – сказал папа, и они засмеялись.

«Ничего смешного, – подумал Степашка, слушая своих хозяев. – Я их охраняю, охраняю, а они только смеются... Видели бы они, какого я вчера поймал жука, они бы сразу поняли, что я очень большой и серьёзный сторожевой пёс. С маленькими лапками...»

Глава 20

– Бабушка с дедушкой приедут в следующее воскресенье, – сказала мама. – Я только что разговаривала с ними.

– Хорошо, – обрадовалась Варя, незаметно передавая сухарик Степашке под стол. – А они долго у нас будут?

– Одну неделю, – сказала мама. – Может быть дней десять.

– А мы покажем им Счастливого? – спросил Серёжа.

– В этом и проблема, – сказал папа задумчиво. – С одной стороны, мы договорились держать его существование в тайне, а с другой...

– А с другой, – сказала мама, – они твои родители, а обманывать родителей нехорошо.

– Да уж, задачка! – рассмеялся папа. – Как же нам поступить?

– Я думаю нам нужно всё им рассказать, – сказал Серёжа. – Они полюбят Счастливого

– Я тоже придерживаюсь этого мнения, – сказала мама. – Мы, конечно, можем попытаться вечно его прятать, но, в конце концов, всё тайное становится явным. И как мы будем выглядеть после этого? Как лгунишки?

Папа почесал голову.

– Что скажешь, Варвара, – спросил он. – Стоит нам рассказать им про Счастливого?

– Я не знаю, – честно сказала Варя. – Но мне очень хочет-

ся!

– Кажется, я оказался в меньшинстве, – засмеялся папа.

– Но почему ты не хочешь им рассказать, дорогой? – удивилась мама.

– Не им, – пробормотал папа. – Ему...

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что дедушка очень любит потолковать с нашими соседями и, я уверен, что он обязательно случайно проговорится. К тому же, Виктор уже спрашивал меня на днях, не завели ли мы кошку.

– Ой, – вскрикнула Варя. – Он видел Счастливого?

– Нет, – сказал папа. – Но он его слышал.

– И что ты ему сказал? – спросила мама.

– Правду, – ответил папа.

– Правду?!.

– Конечно, – улыбнулся папа. – Я сказал ему чистую правду, что у нас нет никакой кошки!

Ребята выдохнули.

– Умеешь ты из всего устроить шоу, – сказала мама.

– Так веселей жить, разве нет, – сказал папа.

– О, да! – сказала мама. – Иногда мне даже кажется, что я живу в цирке.

– Разве это так плохо, – сказал папа, – жить в цирке? Варвара, ты бы хотела жить в цирке?

– Да!

– А ты?

– Конечно! – ответил Серёжа. – Мы могли бы кататься на слонах и дружить с тиграми.

– Вот видишь, – сказал папа, – ты даже не представляешь, как тебе повезло!

– Уверяю тебя, – ответила мама, – прекрасно представляю!

– Разве тебе не хотелось в детстве убежать из дома? – спросил папа. – Куда-нибудь далеко-далеко и жить среди сказочных мест, среди гор, долин, джунглей? Дружить со слонами и тиграми? Или с кенгуру?

– Представь себе да, – ответила мама. – Я хотела убежать из дому со своей лучшей подругой и не куда-нибудь, а на Мадагаскар. Мы мало что знали про Мадагаскар, но само это название нам очень нравилось. Мы даже откладывали печенье и конфеты на дорогу!

Мама задумчиво улыбнулась.

– И что было потом? – спросил папа.

– Потом Галя заболела гриппом, – сказала мама, – а после был Новый год и каникулы. А потом, мы про всё забыли.

– Это та самая Галя, которая...

– Да, да, – засмеялась мама. – Та самая тётя Галя, которая работает учителем географии в школе.

– Подумать только, – сказал папа. – Ты никогда не рассказывала об этом прежде.

– Как видите, – сказала мама, – я тоже большая фантазёрка, но это не мешает мне быть собранным и серьёзным че-

ловеком.

– А куда ты ещё хотела убежать? – спросила Варя.

– Больше никуда, – ответила мама. – Я увлеклась рисованием, а потом стала архитектором. И знаете, это так чудесно, быть архитектором!

– Почему? – спросил Серёжа.

– Потому что ты должен быть собранным и серьёзным человеком, – сказала мама и, выдержав паузу, добавила. – И ты просто обязан быть фантазёром!

– Я тоже хочу быть архитектором! – сказала Варя.

– Но ты же хотела быть ветеринаром на прошлой неделе, когда лечила Счастлиwickа, – сказала мама. – Кстати, у тебя отлично получилось, он выздоровел.

– Это потому что мы обеспечили ему покой и сон, – важно сказала Варя, – а сон, как известно, лучшее лекарство!

Мама засмеялась.

– Где то я уже это слышала...

– Но теперь, я хочу быть архитектором! – снова сказала Варя. – Я умею рисовать.

– Рисуешь ты действительно очень хорошо, – сказала мама, – но вот беда, тебе нужно хорошо знать математику...

– Математику? – грустно сказала Варя. – А без математики никак нельзя?

– Увы, моя хорошая, – сказала мама. – Никак.

– А ты хорошо знала математику? – спросила Варя.

– Я и сейчас её хорошо знаю, – засмеялась мама.

– Тогда я тоже её буду знать! – заявила Варя.

– Ого! – удивился папа. – Это что-то новенькое. Чтобы Варя сама заговорила об изучении математики, невероятно!

– Надеюсь, что ты не передумаешь до следующей недели, – с улыбкой сказала мама. – В любом случае, я всегда готова тебе помочь, помни об этом, пожалуйста.

– Хорошо, мамочка, – сказала Варя.

– Так что же мы скажем бабушке с дедушкой? – спросил Серёжа, который никогда не терял нить разговора. – Пап, что ты будешь делать?

– Я в смятении, – признался папа. – Просто не знаю, что делать.

– В таком случае, – сказала мама, – нужно сказать правду.

– Само собой, – сказал папа. – Но как сделать так, чтобы это осталось секретом для остальных?

– Давайте возьмём с дедушки честное слово, – предложил Серёжа.

– Да, – сказала Варя, – и заставим поклясться!

– Уверена, дедушке это понравится, – сказала мама. – Он любит всякие представления...

– Да, пожалуй, – сказал папа. – Ладно, у нас в запасе ещё есть немного времени и я поразмыслю, как нам лучше поступить.

– А если мы не будем им ничего рассказывать, – спросила Варя, – где будет тогда жить Счастличик?

– Это я продумал, – сказал папа. – Я устрою его на втором

этаже. Я уже придумал, как отгородить ему уголок, где он сможет спокойно побегать. Думаю, всю получится.

– Всё же мне бы не хотелось обманывать их, – сказала мама.

– И мне, – сказала Варя.

– Бабушка с дедушкой обидятся на нас, если узнают, – сказал Серёжа.

– Я сам не рад, – сказал папа. – А знаете, будь что будет, расскажем!

– Правильно, – сказала мама. – Я очень рада, что ты принял это решение.

– Счастливчик им очень понравится! – сказала Варя.

– Определённо, – сказал папа. – Они любят всякую живность.

– А они привезут своих волнистых попугайчиков? – спросил Серёжа.

– Да, – сказал папа. – И их будет много.

– Они взяли ещё попугаев? – спросила мама.

– Нет, – сказал папа, – но у тех двоих, что у них уже есть, появились птенчики.

– Ой, птенчики! – сказала Варя. – Они же такие хорошенькие. А сколько их?

– 5!

– Боже мой, да это целая стая! – сказала мама. – Надеюсь, они не будут их выпускать в доме?

– Нет, – сказал папа. – Они ещё не умеют летать, но к

тому моменту, как они приедут, у них уже будут пёрышки и их можно будет вынуть из домика ненадолго и посмотреть. Они очень забавные в этом возрасте и совершенно ничего не боятся.

– Как здорово, – сказала Варя. – У нас будет настоящий цирк дома!

– Не произносите это слово, – сказала мама, – умоляю!

– Цирк, цирк, цирк! – загалдели ребята вместе с папой, который произносил это слово низким басом.

– Хватит, – смеялась мама, – хватит, всё, всё вы победили.

– У нас дома будет цирк! – сказала Варя ещё раз.

– Почему будет, – удивилась мама. – Он уже здесь. И его директор, в который раз опрокинул молоко на стол!..

– Я случайно, – сказал папа, пытаясь остановить разбегающееся молоко ладонями. – Просто молочник неудобный. Неустойчивый...

– Это кто-то другой неустойчивый, – сказала мама. – А ну, как, брысь все из-за стола, я сама уберу.

– Давай мы хотя бы вымоем посуду, – предложил папа.

– Отлично, – сказала мама, – но только как следует, с содой, а не как в прошлый раз.

– Мы отмоем посуду так, что она будет лучше новой, – сказал папа, одевая фартук. – Варвара, Сергей, будете вытирать посуду, и ставить в буфет, а я всё перемою.

– Только прошу, пожалуйста, ничего не разбейте, – сказала мама. – Впрочем, кому я это говорю, мы же в цирке!

– В цирке все ловкие и сильные, – сказала Варя.

– Всё будет отлично, мам, – сказал Серёжа.

– Доверься нам, – сказал папа, засучивая рукава. – Нашей труппе нет равных. Мы покорили все континенты и страны. Нам рукоплескали в Сиднее, Лондоне, Париже, Токио, Рио-де-Жанейро и даже на одном маленьком острове, где живут пигмеи. Мы уже...

– Мы уже сыпем соду на пол! – сказала мама.

– Хм, – сказал папа. – Странно, странно... Просто пакет открыт не с той стороны... Но, вы вымоем и пол. Нам не трудно. Мы готовы трудиться! Верно, я говорю?

– Верно!

– Это сон, – сказала мама, закрывая лицо руками. – Это просто какой-то сон. Я сплю.

– Это лучше чем сон, – сказал папа. – Это цирк! Но, на всякий случай...

Папа проворно протянул руку и ущипнул маму, которая взвизгнула и шлёпнула его по плечу.

– Вас и вправду нужно всех отдать в цирк, – сказала она, отодвигаясь от папы. – Всё, наводите тут порядок, а я пошла к Счастливику, а то он бедный наверняка заскучал. Но учтите, я всё проверю потом!

– И останешься довольной, – заверил её папа.

– Чао! – сказала мама. – Степан, ты со мной?

Стёпа выскочил из-под стола и побежал за ней в тёплые летние сумерки.

– А правда, пап, – сказал Серёжа, – что если бабушка случайно проговорится? Что тогда?

– Тогда, – сказал папа, – нам придётся несладко, но, мы справимся.

– А что если кто-то захочет забрать у нас Счастливого? – волновался мальчик. – На опыты!

– Какого Счастливого? – сказал папа, удивлённо оглядываясь. – Счастливчик? Кто это? Варвара, ты знаешь кого-нибудь с таким странным именем?

– Нет! – замотала головой Варя. – Не знаю...

– Мы не знаем никакого Счастливого! А ты?

– Я, – изумился Серёжа. – Впервые слышу!

Глава 21

– Я своими глазами видела! – горячилась Любовь Павловна. – Зелёная как янтарь!

– Как изумруд вы, наверное, хотели сказать, Любовь Павловна, – переспросила соседку слегка побледневшая мама.

– Точно, изумруд! – обрадовалась та. – И глазищи, как у... как у... как у тигра! Огромные! У меня прямо сердце в груди замерло. Это же надо такие глазищи иметь!

– И большая она была, эта ваша кошка, – спросила мама, делая рукой за своей спиной, отчаянные знаки папе, который никак не мог взять в толк, о чём это мама так оживлённо беседует с Любовью Павловной, с которой они были в непростых отношениях.

– Не очень, – сказала соседка. – То есть да, большая! Но без хвоста.

– Людмила Павловна, – участливо сказала мама, – но зелёных кошек не бывает.

– Я знаю, – сказал Любовь Павловна. – Но я видела. А главное она утащила моё мыло!

Сказав про мыло, Любовь Павловна на секунду остановилась и задумалась, понимая, как дико звучит её история про зелёную кошку с огромными глазами, которая ворует среди бела дня мыло.

– Своими глазами видела! – ещё раз сказала она.

– Удивительно, – сказала мама. – И что же было потом?

– Она убежала с моим мылом! – сказала соседка, и её вечно встревоженное лицо выражало такую причудливую смесь изумления и негодования, что в другой ситуации мама бы расхохоталась, но сейчас ей было не до смеха.

– А куда она побежала? – допытывалась мама, наконец, заинтересовав папу своими странными движениями рук за спиной.

– А прямо к вам и побежала, – сказала Люба. – Под забором пролезла и только я её и видела. Очень шустрая кошка...

– Поразительно, – сказала мама. – Ты представляешь, дорогой, Любовь Павловна мне только что рассказала удивительную историю, про зелёную кошку...

– С огромными глазами! – закивала головой Любовь Павловна.

– И эта кошка, уму непостижимо, схватила мыло и убежала, – выразительно сказала мама. – И прямо на наш участок...

– Чудеса, – засмеялся папа. – Чего только не увидишь на даче в жаркий день.

Любовь Павловна поджала губы. На её ярко накрашенном лице появилось брезгливое выражение.

– Можете мне не верить, если не хотите, но я её видела, – сказала она.

– Нет, что вы, что вы, – поспешила вмешаться мама, – конечно же, мы вам верим. Правда, дорогой?

– Несомненно, – сказал папа. – Просто это очень странно.

– Странно или нет, а мыла как не было, – подытожила Любовь Павловна. – Это было такое чудесное персиковое мыло.

– Поразительно, – сказал папа. – Дорогая, ты не видела мою шляпу?..

– Нет, – сказала мама, поняв, к чему он клонит, – но определённо тебе стоит поискать её в доме...

– Так я и сделаю, – сказал папа, слегка кланяясь соседке. – Хорошего дня, Любовь Павловна.

– И вам, – ответила Любовь Павловна, подозрительно глядя на папу, – всего хорошего.

– Знаете, – сказала мама, когда папа ушёл, – если хотите, я могу отдать вам наше мыло. Мы не очень любим персиковое мыло, а мой муж, по ошибке, недавно купил несколько пачек. Я говорила ему не покупать, но вы же знаете этих мужей, даже если им всё написать на бумажке, они всё равно всё перепутают, а потом ещё скажут, что это вы виноваты. Так вот, вы можете взять его, если хотите. Уверена, оно вам очень понравится, оно чудесно пахнет персиком. Я хочу сказать, для вас, чудесно пахнет...

– Спасибо, моя дорогая, – сказала Любовь Павловна, – если вам действительно оно не нужно...

– Нет, нет, совершенно, – заверила её мама, которая на самом деле обожала персиковое мыло. – Я передам вам его вечером, мне нужно поискать его.

Они поговорили ещё немного и расстались. Заглянув, для

вида, на кухню, мама поспешила в дом. Все были там и среди них, главный виновник, Счастливчик, у которого папа успел отобрать кусок душистого мыла, которое тот уже начал есть.

– Как он выбрался? – спросила мама с порога. – Кто-то не закрыл дверь?

– В том то и дело, – сказал папа, – дверь была заперта.

– Вы уверены? – спросила мама. – С вами случается такое, что вы не закрываете до конца дверь, и её распахивает ветром.

– В этот раз уверены на все сто, – сказал папа за всех. – Скажу больше, когда я пришёл сюда и едва успел отобрать у этого воришки мыло, дверь тоже была закрыта.

– Не хочешь же ты сказать...

– С трудом вериться, но, похоже, что это состоявшийся факт, – сказал папа с гордостью. – Счастливчик умеет открывать дверь.

– Но так не бывает! – сказал Серёжа. – У него же лапы, а не руки! И он маленький!

– Животные, живущие бок о бок с людьми, способны на удивительные фокусы, – сказал папа. – Что же касается дверей, то многие кошки способны прыгать на ручки и открывать их собственным весом.

– Но тут круглая ручка, – сказал мальчик. – Как он мог догадаться и повернуть её?

– Может быть ему Степашка помог, – сказала Варя.

– Не в этот раз, – засмеялся папа, – но, такими темпами,

они вдвоём скоро организуют шайку.

– Я всё же склонна полагать, – сказала мама, – что кто-то просто неплотно закрыл дверь и Счастливичик выскользнул наружу...

– А когда вернулся, – продолжил папа, – затворил её за собой...

– Дверь могла захлопнуться от сквозняка, – сказала мама. – Мне кажется, что вы просто хотите свалить всё на малыша, который, конечно, оказался тот ещё плут, но всё равно, это не его вина.

– Слава богу, что он никому не попался, – сказал папа.

– Но Любовь Павловна видела его, – сказала мама.

– Любовь Павловна, – сказал папа, – по счастью, очень любит поболтать и едва ли кто-то ей поверит. Помнишь ту историю, про «огромное животное» в её канаве, которое «едва не утащило её в воду» однажды вечером? Она переполошила всех в округе, и Виктор две ночи дежурил там с ружьём, поджидая этого монстра, которым оказалась обычная речная выдра. Причём совсем маленькая и на редкость пугливая. Нет, она может говорить всё что угодно, её никто не слушает.

– А вдруг послушают, – сказала Варя испуганно. – Тогда они отберут у нас Счастливичика!

– Никто никого не отберёт, если мы будем осторожны и ответственны, – сказала мама. – Пусть этот случай всем нам послужит уроком. Но почему мыло?

– Не просто мыло, – сказал папа, – а персиковое мыло, то самое, которое он попробовал в первый раз. Чем то оно ему приглянулось, несмотря на пузыри и икоту.

Счастливец между тем, видя, что до заветного мыла ему не добраться, забрался в свой домик и сделал вид, что задремал. Он очень освоился на веранде и, когда никого не было, носился вверх-вниз по лестнице, ведущей на второй этаж, забирался на шкаф и, даже, один раз запрыгнул с него на люстру, но соскользнул с неё и больно ударился и больше не пытался повторить этот трюк. Его озорные глаза, полуприкрытые веками, внимательно наблюдали за хозяевами, а маленькие ушки ловили каждый звук. Он весь был полон энергии, и только ждал момента, когда все уйдут, что бы начать резвиться. Его лапки окрепли и, несмотря на жирок, который был у него на бочках и внешне делал его похожим на увальня, он сделался необычайно проворным и ловким, и его силы прибывали с каждым днём. И главное, он научился выбираться наружу, минуя дверь, которую так тщательно осматривали собравшиеся люди...

– Я предлагаю, – сказала мама, – каждый раз запирать дом снаружи, когда мы из него выходим. Это нетрудно, просто накинуть задвижку для всячего замка.

– Неплохая идея, – сказал папа. – Каким бы он не был хитрым, отодвинуть её изнутри он не сможет. Если, это, конечно, не Эйнштейна от мира зверей. Но тогда, нам следует признать своё поражение и начать учить его язык.

– Зачем? – удивилась Варя.

– Папа просто шутит, – сказала мама.

– Я вполне серьёзно, – сказал папа. – Наблюдая за этим хитрецом, невольно начинаешь о многом задумываться. И я так и не могу понять, как он выбрался и как вернулся обратно, и, признаюсь, эта загадка гложет меня. Мы должны её раскрыть!

– А как нам её раскрыть? – спросила Варя.

– Мы должны провести детективное расследование!

– Класс! – сказал Серёжа.

– Мы должны перебрать все возможные решения и найти одно единственно возможное, – сказал папа. – На это могут уйти годы...

– Так долго? – сказала Варя, немного разочаровано.

– А пораньше нельзя?..

– Можно, – обнадежил её папа, – но мы должны будет как следует потрудиться. Нам нужно будет собрать все улики и вооружась увеличительными стёклами, обследовать всю веранду на предмет возможных улик.

– Как Шерлок Холмс! – сказал мальчик.

– Совершенно верно, – сказал папа. – Мы составим план веранды и будем изучать варианты, отбрасывая лишние, один за другим, кропотливо и упорно, и, в конце концов, найдём истину.

Папины глаза блестели не меньше чем у ребят к концу его речи.

– Варвара, нам нужны будут твои листы для рисования, чтобы составлять наброски. Сергей, ты должен найти в сарае увеличительные стёкла, их должно быть несколько штук. Также, нам будет нужен фонарик, блокноты, фотоаппарат и...

– И новый шпингалет, – прервала их мама.

– Какой шпингалет? – удивился папа. – При чём здесь шпингалет? Детективам не нужны шпингалеты.

– Новый шпингалет на форточку, – сказала мама. – Не хочу вас огорчать, мои дорогие детективы, но дело раскрыто.

– Как? – недоверчиво выдохнула детективная троица.

– Элементарно! – не удержалась мама и сама засмеялась.

– Как же он открывает дверь? – спросил папа.

– Он не открывает дверь, – сказала мама. – Он забирается по шторе до карниза, пробирается по нему, открывает форточку со сломанным шпингалетом и вылезает наружу. А снаружи, он, очевидно, забирается обратно по стыкам досок.

– Я болван! – сказал папа. – Это же было очевидно. С его проворством и любовью всюду взбираться. А вот и следы когтей на шторе. И карниз ободран... Мда-а-а...

– Мамочка, ты такая умная! – сказала Варя.

– Мам, ну ты даёшь! – восхищённо сказал Серёжа. – Я бы никогда не догадался!

– Думаю, догадался бы, – сказала мама. – Это не так трудно, просто нужно не отвлекаться на пустяки, вроде фонариков и блокнотов...

– Это камень в мой огород, – виновато сказал папа. – Мне просто захотелось сделать эту историю более... захватывающей.

– И тебе удалось, – сказал мама. – Я бы не стала вам мешать играть в детективов, но, боюсь, что к тому времени, когда бы вы нашли решение, Счастливчик мог бы натворить что-нибудь ещё.

– Ну, что, разбойник, – сказал папа, беря Счастливчика на руки, – попался? Новая мисс Марпл быстро вывела тебя на чистую воду!

Счастливчик шмыгнул носом и потёрся головой о папино плечо.

– Как видите, мои предсказания начинают сбываться, – сказал папа. – Счастливчик одурачил нас.

– Вас, – подбоченясь сказала мама. – Вас, но не меня.

– Поверь мне, – сказал папа, – это дело времени.

– Как бы не так, – с чувством сказала мама. – Я докажу вам, что дисциплинированный, рассудительный и ответственный человек непреодолимая преграда для всяких хитрецов и фокусников, пусть даже и очень изобретательных.

– Отличное пари, – сказал папа. – Ставлю свою шляпу, против твоих солнечных очков, что он облапошит тебя, и всех нас, до конца этого месяца.

– Принимается, – сказала мама. – Только, чур, не подыгрывать ему!

– Обещаем, – сказал папа.

– А если папа проиграет, то он должен съесть свою шляпу, правильно? – спросила Варя, которая слышала где-то нечто подобное, и ей было страшно интересно, как папа будет это делать, с горчицей или просто посолив...

– Не в этот раз, моя дорогая, – рассмеялась мама. – Но сама идея интересная...

– Так, – нервно сказал папа, передавая Счастливого Серёже, – я пошёл в сарай за шпингалетом и отвёрткой.

– И посмотри остальные форточки и окна заодно, – сказала мама. – Когда он обнаружит, что этот путь перекрыт, он обязательно начнёт искать новый.

– Да, в этом сомнений нет, – сказал папа. – Пожалуй, нам действительно стоит закрывать за собой дверь на задвижку. И нам стоит больше гулять с ним по участку. Он полон энергии!

Счастливчик, устроившись на Серёжином плече, замахал в воздухе лапками и запищал особым образом.

– Он хочет кушать, – сказала Варя, которая проводила с малышом больше всего времени и знала его лучше всех.

– Откуда ты знаешь? – спросил Серёжа. – Может он хочет играть?

– Нет, – настаивала Варя. – Он хочет кушать.

– А ведь и правда, – сказал папа, взглянув на часы. – Время кормить его и Степашку. А вот и он, лёгок на помине.

Папа открыл дверь и Степашка, давно сидевший на крыльце, забежал в комнату. Увидев своего друга, Счастли-

чик сполз вниз, и они принялись возиться. Степашка, в шутку, старался схватить его зубами, а малыш, ловко отскакивал или отводил лапами собачью морду в сторону. Стёпа горячился и наскакивал на Счастливого со всех сторон, притворно рыча, но тот был не менее проворен, чем терьер и даже ухитрился несколько раз схватить Стёпа за хвост, вызвав шквал собачьего возмущения.

– Пойду, отдам мыло, Любове Павловне, – сказала мама. – В конце концов, это мы виноваты, что оно у неё пропало. И, я думаю, нам нужно купить немного настоящих персиков для Счастливого. Это же безобразие, когда кто-то ест мыло!

– Но оно же такое вкусное! – сказала Варя, которой тоже очень нравилось, как оно пахло. – Я тоже один раз его попробовала...

– Варя! – сказала мама.

– А я иногда ел зубную пасту, – признался Серёжа. – Когда был маленький...

– Господи, – ужаснулась мама, – с меня хватит признаний на сегодня. Это сумасшедший дом какой-то! Лазают в форточки, воруют мыло, едят зубную пасту. Что скажет бабушка, когда придет?

– Может быть, она тоже ела зубную пасту в детстве, – сказал Серёжа.

– Дедушка точно ел! – сказала Варя. – Он весёлый!

Мама хотела что-то сказать, но бессильно опустила руки и вышла на улицу. Ребята переглянулись и засмеялись. Всё

было хорошо.

Глава 22

Старенький, но тщательно вымытый и отполированный автомобиль, цвета спелого апельсина, подкатил к воротам, и победоносно просигналив несколько раз, замер. Хлопнули двери, послышался какой-то шум, чьё-то бормотание и звучный голос разлетелся по участку.

– Эй, хозяйева, встречайте гостей!

– Ой, – сказала Варя, – дедушка с бабушкой приехали!

Он закрыла свой гербарий, поправила платье и побежала на улицу. Серёжа с мамой уже обнимались с гостями, а папа, высунувшись из окна второго этажа, приветственно махал им шляпой.

– С приездом! Как добрались?

– Отлично! – сказал дедушка, любовно приглаживая свои роскошные усы.

– Он ехал очень быстро, – сердито пожаловалась бабушка. – Меня почти укачало.

– Я не мог позволить этому типу обогнать нас, – сказал дедушка. – Пусть он не думает, что если за рулём пенсионер, то его можно не пропускать на перекрёстке и вести себя как вздумается? Как бы не так!

Дедушка радостно хлопнул в ладоши.

– Опять устроил гонки? – спросил папа.

– Да ну, какие там гонки, – отмахнулся дедушка. – Просто

показал ему, что к чему...

– Ты бы видел его лицо, – сказала бабушка. – Словно ему опять 20 и он снова везёт меня на своём мопеде, наперегонки с братом. И потом мы падаем на повороте в кусты...

– Я почти обошёл его тогда, – потёр усы дедушка. – Если бы не поворот...

– Алексей Васильевич, вы же обещали больше так не делать, – сказала мама. – Галину Владимировну укачивает.

– Каюсь, каюсь, – сказал дедушка, поднимая над головой руки. – Но я вас уверяю, что никакой опасности не было: дорога была совершенно пуста.

– За исключением двух сумасшедших пенсионеров, которые неслись на своих колымагах как угорелые, – сказала бабушка, обнимая ребят.

– Колымага?! – возмутился дедушка. – Да это ласточка, а не автомобиль! Оранжевая Молния, Гроза полей!

Он выпустил из объятий Серёжу и развёл руки, готовясь обнять Варю.

– Только не щекотать! – сказала Варя, вся сияя. – Не щекотать! Ой, щекотно! Ой, усы колючие! А-а-а-а!

– Ну, а ты чего там сидишь наверху? – крикнул дедушка папе. – Спускайся!

– Одну минуту, у меня одно маленькое дело не закончено, – сказал папа.

– Вот те раз! – буркнул дедушка. – В кой то веки родители приехали его навестить, а он не хочет их обнять! Какой ты

подаёшь пример своим детям?

Дедушка хитро подмигнул ребятам и принялся тискать Степашку, который обожал дедушку, зная, что тот готов часами возиться с ним, и, при каждом удобном случае, передавать ему колбасу.

– Не торопись, сынок, – сказала бабушка, – занимайся делами. Мы пока вещи разберём.

– Но я уже всё, – сказал папа. – Спускаюсь.

Он, наконец-то, посадил непоседливого Счастливику в вольер, который соорудил у себя на втором этаже и спустился вниз.

– Ну, где ты застрял?! – басил дедушка.

– Уже иду, – кричал папа из дома. – Вот он я!

Они обнялись, хлопая друг друга по спинам. Потом папа долго обнимался с бабушкой.

– Кофе? – спросил папа.

– Это было бы великолепно, – сказал дедушка. – Мы как раз привезли пирожные. Или мы их забыли?..

Дедушка сделал вид, что не может найти коробку со сладостями в багажнике. Не на шутку взволнованная Варя бросилась было ему помогать, но он только и ждал этого и со смехом показал на яркую коробку, которая уже лежала в сумке.

– Что, сладкоежка, испугалась?! – засмеялся он.

– Ах так! – закричала Варя и принялась щекотать дедушку, который притворно заохал и спрятался от неё машину,

закрыв за собой дверь.

– Так не честно, не честно! – закричала Варя. – Немедленно выходи!

– Ни за что! – глухо отвечал дедушка из-за двери.

– Выходи! – сказала Варя, шлёпая ладонью по стеклу.

– Нет, нет и нет! – хохотал дедушка. – Тебе меня не достать!

Мама и бабушка покачали головами.

– Два малыша...

– Это же чудесно, – сказал папа. – У нас мировой дедушка.

– Этот мировой дедушка все уши прожужжал мне в дороге, о том, как его мучит радикулит и болят колени, – сказала бабушка. – А теперь, вы гляньте на него, скачет как младенец. Алексей Васильевич, хватит играть, надо отнести вещи!

– Не могу, – крикнул дедушка, чуть опустив стекло и показывая пальцем на стоявшую рядом Варю. – Она меня не пускает!

– Варвара, – сказала мама, – может быть, ты отпустишь дедушку ненадолго? А потом вы продолжите?

– Хорошо, – немного подумав, важно ответила Варя. – Только ненадолго...

Дедушка осторожно вылез из машины и протянул Варю руку.

– Перемирие? – хитро спросил он.

– Перемирие... – сказала Варя, пожимая его руку. – Но потом я тебе покажу!

– Посмотрим...

– Вау! Вертолёт! – воскликнул Серёжа, увидев яркую коробку среди кучи вещей в багажнике. – Это кому? Мне?

– Вообще то, – сказал дедушка, – я купил его себе, но бабушке он так понравился, что мы едва не поссорились и чуть его не сломали. Она хотела играть в него ночью, ты представляешь? Это же лучшее время для игр и я тоже хотел играть в него! Словом, мы решили не разрушать наш брак и отдать его тебе...

– Ой болтун, ой болтун, – говорила бабушка, снова обнимая Серёжу. – Конечно это тебе, дорогой мой. Тебе нравится?

– Очень! Спасибо огромное!

– Это всё дед, – сказала бабушка. – Он полдня провёл в магазине и, кажется, до сих пор жалеет, что не купил себе такой же.

– Почему не купил, – сказал дедушка. – Купил. В гараже лежит, что бы ты не слишком завидовала...

Бабушка махнула на него рукой.

– Помолчи уже и достань как лучше вторую коробку.

Глаза у Вари загорелись, когда дедушка, нарочно медленно, вытащил из багажника большую, плоскую коробку.

– Кажется это не то, – небрежно сказал он и сделал вид, что хочет убрать её обратно.

– Ну, никак не можешь ты без клоунады! – сказала бабушка и, взяв коробку из его рук, поставила её на землю. – Тя-

жёлая! Это для тебя моя любимая. Дай я тебя поцелую.

– Спасибо бабушка! – залепетала Варя. – И дедушка! Ах!

Это же...

– Ты, кажется, такой хотела? – спросил дедушка.

– Да! Спасибо, спасибо! – захлопала в ладоши Варя.

– Что это? – не поняла мама.

– Судя по всему, – сказал папа, с улыбкой разглядывая коробку, – это детский мольберт, точь в точь как настоящий, только поменьше. Ну, Варвара, теперь ты просто обязан нарисовать для бабушки с дедушкой их портрет.

– Лучше вид на участок с сосной, – сказал дедушка. – Мы повесим её в нашей комнате и будем смотреть на неё зимой. Но это не к спеху.

– Я обязательно нарисую! – сказал Варя. – Я начну сегодня же.

– Чудесно, – сказала мама. – Спасибо вам большое. Пойдём те за стол, уверена вы голодные.

– Я бы подкрепился, – сказал дедушка. – Мы купили по дороге отличной колбасы...

– Ты просто жить не можешь без своей колбасы! – сказала бабушка. – Это вредно, есть её так много и к тому же без хлеба!

– А зачем же тогда жить, – притворно изумился дедушка, подняв свои густые брови, – если не ради большой порции колбасы с горчицей?!

Ребята засмеялись, а Степашка, наострил уши при слове

колбаса и облизнулся в предвкушении грядущего пира.

– Ой, мы забыли попугаев в машине! – сказала бабушка на полдороге на кухню.

– Я вытащу их, – сказал дедушка, – не волнуйся.

– А птенчиков уже можно посмотреть? – спросила Варя, не отпуская коробку с мольбертом.

– Конечно, – сказал дедушка, вынимая большую клетку, с маленьким деревянным домиком, прикреплённым сбоку. Два попугая, ослепительно белый с фиолетовым брюшком Элвис и лимонно-жёлтая красotka Принцесса весело щебетали на своих жёрдочках.

– Только осторожно, – предупредил он. – Приоткройте крышку домика совсем чуть-чуть и посмотрите по очереди.

Ребята приоткрыли крышку и заглянули внутрь. Там, в полутьме, тесно прижавшись друг к другу, сидели пятеро крохотных попугайчиков. Самый крупный из них уже оперился и с любопытством смотрел на них снизу, а самый маленький, был ещё местами голенький и дремал, положив голову на братьев. Принцесса, при виде чужаков, залезла в домик и накрыла своих детей крыльями.

– Сеанс закончен, – засмеялся дедушка. – Вечером мы их вытащим из домика, и вы их рассмотрите лучше. А пока, давайте отнесём их куда-нибудь в тень, и пусть они тоже подышат свежим воздухом.

– А можно я принесу им одуванчиков? – спросила Варя.

– Это было бы превосходно, – сказал дедушка. – Они

очень любят одуванчики.

– Я отнесу, дедушка, – сказал Серёжа, беря клетку.

– Спасибо, – сказал дедушка. – И не забудь, я первый в очереди управлять вертолётom!

Счастличик прислушивался к голосам внизу. Ему было страшно любопытно, что же такое там происходит и почему так радостно лает его друг. Но вот беда, из его вольера в углу папиного кабинета (к слову сказать, очень просторного и с множеством жёрдочек и верёвкой, по которой он мог лазить) было видно только верхушки яблонь и край соседнего участка, но не то, что происходит у стен дома.

«Вечно я пропускаю всё самое интересное, – сердито подумал малыш. – Но ничего, у меня тут столько всего интересного, нужно всё как следует изучить...»

Счастличик мякнул и принялся изучать свою новую комнату, две угловые стены которой были сделаны из обычной металлической сетки-рабицы, а две другие, были стенами второго этажа. В одном месте, ему показалось, что доска в стене держится непрочно. Он поскрёб её лапками, и она задвигалась.

«Отлично, – решил малыш. – Давно хотел посмотреть, что же скрывается там за стеной. Наверняка там много всего интересного. Попробую ка я туда пробраться...»

Счастличик устроился поудобнее, и принялся сосредоточенно выковыривать её, принюхиваясь к новым запахам. Он обожал заниматься таким делом. Его маленькие крепкие

лапки работали проворно и слаженно и вскоре он смог ухватиться зубами за край доски и оттянуть её ещё больше. Попив воды и перекусив немного, маленький хулиган с удвоенной силой обрушился на доску и вскоре смог сдвинуть её и заглянуть внутрь. Там было темно. Отверстие вело в небольшое пространство между внутренней стеной комнаты и ломаной крышей дома, образуя своего рода узкий длинный чулан по обе стороны дома, по которому нужно было идти пригнувшись. Там хранились старые вещи, журналы, рыболовные принадлежности и прочий хлам.

«Вау, – обрадовался малыш, приняхиваясь к новым запахам. – Да тут полно всякой интересной всячины! Мне определённо нужно туда попасть!..»

Счастливчик попробовал просунуть свою голову в отверстие, но оно было слишком мало, даже для него. Пискнув от досады, он взялся было за вторую доску, но и та была прибита надёжно.

«Да, – вздохнул Счастливчик. – Тут придётся потрудиться... Ну, да ничего, всё равно я туда проберусь...»

Малыш принялся грызть доску своими острыми зубами, и сухое дерево постепенно поддавалось его напору. Запахи чулана настолько заинтриговали Счастливчика, что он работал всё время, пока люди внизу пили кофе, смеялись и запускали вертолёт. (Который дважды улетал на чужой участок, и папе приходилось бегать к соседям и извиняться за неудобства). Наконец, на исходе второго часа, отверстие стало достаточ-

но большим, что бы малыш мог пролезть в него. Напившись напоследок воды, Счастливчик протиснулся туда, повисел немного, дрыгая задними лапками и исчез, мягко приземлившись на стопку старых журналов с другой стороны стены. Кругом было полно пыли, но ему понравился запах старых вещей, бумаги, сухого дерева, а главное, царивший повсюду мрак т.к. его хозяева до сих пор так и не поняли, что он любил сумерки. Отряхнувшись, он побежал исследовать свои новые владения, восторженно обнюхивая старые плащи и куртки, пробуя на зубок старомодные кожаные коньки, с ржавыми лезвиями, прокисшие рыболовные снасти, пыльный абажур и бесконечные стопки журналов и книг.

«Да, это то, что мне нужно,— думал Счастливчик, проворно обследуя свои новые владения. – Тут столько интересных закоулков и новых игрушек. Это просто рай для игр! Нужно будет пригласить сюда Степашку, ему определённно должно тут понравиться...»

Малыш вскарабкался на бортик длинной картонной коробки, в которой лежали старые игрушки. Маленький, пухлый, некогда чёрный, а сейчас весь покрытый заплатками медвежонок с пуговицами вместо глаз привлёк его внимание. Счастливчик радостно обнюхал его с ног до головы, пискнул, ухватил его лапами и двинулся дальше, неся свою находку под мышкой, как когда то его носила Варя. В другой коробке лежала мягкая ткань и малыш, наскоро смастерив из них некое подобие гнезда, удобно устроился в нём, при-

жимая к себе мишку.

«Вот я и дома, – думал малыш, погружаясь в блаженную дрему. – Тут так уютно и безопасно. Подремлю ка я немного, а после, пойду исследовать другой угол чулана. Там, кажется, тоже есть что посмотреть...»

Когда, спустя какое-то время, папа поднялся на второй этаж и увидел дырку в стене он пришёл в ужас. Он бросился к двери, ведущей в чулан, и заглянул внутрь. Лампочка, которая освещала его, давно перегорела и он, напрасно пощёлкав выключателем, протиснулся внутрь, светя себе спичками. На двенадцатой спичке, в самом конце чулана, он нашёл малыша, крепко спящего в обнимку с мишкой в коробке с тканью, которой на зиму накрывали мебель. Спичка погасла, но папа не спешил зажигать новую.

Кажется, малыш нашёл свой домик, – тихо сказал папа и улыбнулся. – Вот и отлично. Вот и славно. Вот и молодец...

Стараясь не шуметь, он вышел обратно и плотно закрыл дверь в кладовку. Потом он взял фотоаппарат и спустился вниз, к шумной компании, которая ждала его у беседки.

– Где ты пропадал? – спросил дедушка. – Мы не можем так долго позировать! Степашке уже надоело сидеть у меня на руках.

– Степашка готов жить у тебя на руках, – сказа папа, пристально глядя на дедушку.

– На что это ты намекаешь, – спросил дедушка, который, думая, что его никто не видит, передал Степашке под стол

три куска колбасы.

– Ни на что, – сказал папа. – Просто иногда вы слишком хорошо ладите...

– Я же не виноват, что я такой замечательный! – сказал дедушка, заливаясь смехом.

– Уж ты себя не забудешь похвалить, – сказала бабушка, обнимая Варю и Серёжу.

– Я хорошо выгляжу? – как обычно беспокоилась мама.

– Отлично, – сказал папа. – Все готовы? Улыбочку. Снято!

– Ой, я, кажется, моргнула! – пискнула мама.

– Начинается... – вздохнули мужчины. – Без этого никак...

Глава 23

– То есть, ты хочешь сказать, что теперь он будет жить здесь? – спросила мама.

Они сидели вдвоём на диване в его кабинете. Окна с обеих сторон комнаты были распахнуты, и ветерок шелестел листьями бумаги и страницами папиных книг. Белый тюль раздувался, словно парус и запах сосны, которая практически касалась своими ветвями одного из окон, был дурманящим, почти резким. Деревянные маски на стенах, которые папа привёз из Африки, словно оживали в жарком июльском воздухе и гримасничали, переглядываясь с фотографиями. Всё было полно послеобеденной дачной неги и родители улучили минутку, чтобы пробраться сюда и обсудить побег Счастливого и что им делать дальше.

– А что, – ответил папа, – по-моему, отличное место. Конечно, кое-какие вещи нужно будет перенести оттуда в соседний чулан и укрепить стены, в целом же, у него там много места и ему там нравится. Он так доволен, что не пытается оттуда сбежать. Он чувствует себя в безопасности.

– Даже не знаю, что сказать, – призналась мама. – Я не против, в общем-то, но... Я просто немного волнуюсь, что мы отдаём ему на откуп часть дома, где он будет безнаказанно хозяйничать. А вдруг он прогрызёт там что-нибудь? Или выберется на улицу?

– На улицу ему не попасть, – сказал папа. – Он, конечно хитёр, и смог пробраться сквозь внутреннюю перегородку, но наружные стены в три раза толще и крепче и ему не по силам.

– А что если он попробует пробраться обратно и устроит у тебя в кабинете погром? – сказала мама. – Твои книги могут заинтересовать его.

– Это я продумал, – сказал папа. – Я обобью всю стену изнутри со стороны чулана металлической сеткой, и проблема будет решена. Я уже начал делать это, но мне приходится работать очень тихо, что бы не вызвать подозрений, но я всё равно рассчитываю закончить работу через пару-тройку дней. Ты знаешь, я планировал пристроить балкон к своему кабинету, так вот, на нём можно будет сделать небольшой вольер, закрытый со стороны улицы и он сможет в любой момент подышать воздухом. У него будет много мест для игр и это избавит его от лишней энергии. К тому же, я думаю устраивать для него небольшие головоломки, чтобы он не скучал. Собственно я уже сделал одну.

Папа взял в руки обычный деревянный ящик, в котором раньше отправляли посылки. Ящик был глухо заколочен, но с одной стороны, была сделана дверца с хитроумным замком, который открывается, если вытащить две задвижки.

– Я положил внутрь кусок яблока и дал ему, – сказал папа. – Первый замок Счастливчик одолел за два часа. Это, новый вариант, усложнённый. Он необычайно умён, надо ска-

зять. Если так пойдёт дальше, то будет проделывать фокусы доступные только шимпанзе. И это притом, что у малыша совершенно не обезьяньи лапы, и когти довольно длинные! Он просто уникам.

Папа отложил коробку.

– О чём это я? Ах, да, так вот, я уберу из чулана всю электропроводку, и оставлю там только зарешеченную лампу с выключателем, выведенным в кабинет. Налажу ему вентиляцию и оборудую уголок для игр и место для сна. Мы всё отлично обустроим.

– Ты это уже говорил, – сказала мама, – но он, каждый раз рушил все планы и сбегал.

– Я учёл свои ошибки, – сказал папа. – И, в этот раз, ты будешь мне помогать.

– Что ж, – сказала мама, – звучит неплохо. Я надеюсь, всё получится. Когда ты расскажешь родителям?

Папа почесал нос.

– Никак не могу набраться решимости. Даже не знаю с чего начать!

– Я думаю, что стоит просто посадить их вечером на кухне, сразу после самовара, принести туда Счастливику, и всё подробно рассказать с самого начала, – предложила мама.

– Отличный план, – сказал папа. – Так мы и поступим.

– Сегодня?

– Нет, – сказал папа. – Послезавтра.

– А почему именно послезавтра? – удивилась мама.

– Потому что, – улыбнулся папа, – послезавтра днём, в Москву на несколько дней уезжают папины лучшие друзья, Пух и Борода с которыми он вечно болтает у калитки по вечерам.

– Ты же знаешь, – скривилась мама, – я не люблю, когда ты называешь их этими кличками. Скажи лучше, что Семён Валерьевич и Сергей Степанович на время уедут.

– Никак не могу удержаться, – засмеялся папа. – Да они сами так себя иногда называют!

– Вот тебе было бы приятно, если бы тебя называли не по имени, а как-нибудь иначе? – спросила мама.

– Например? – спросил папа.

– Например – Разгильдяй или...

– Лебедь, – сказал папа.

– Почему лебедь? – удивилась мама. – Какой лебедь?

– Я не знаю, – засмеялся папа, – но меня они называют Лебедь. Впрочем, у папы есть на этот счёт одна версия, об изяществе, но редкой беспечности этой умной птицы... Но это домыслы!

– Какой кошмар, – сказала мама. – Вы как пятилетние! Раздаёте, друг другу клички и ещё радуетесь этому!

– По-моему, это весело, – сказал папа.

– А по-моему, не очень! – сказала мама. – Безобразие, если Варя и Серёжа будут делать так же.

– Хорошо, – сказал папа, – я буду осторожнее. Так вот, они уезжают по делам в Москву, и я полагаю, что это самое

удачное время для того, что бы всё раскрыть. К моменту их возвращения, мои родители уже уедут, и секрет будет сохранён.

– Ты думаешь, что дедушка может рассказать? – спросила мама.

– Он может случайно сболтнуть лишнего, – сказал папа. – Ты же его знаешь. Если ему не поверят, то он может войти в такой раж, что одному Богу известно, что будет дальше. Помнишь, Пух... Семён Валерьевич, не поверил, что он поймал щуку на 12 килограмм, так он так разошёлся, что специально поехал к себе домой ночью, откопал её сушёную голову, привёз её сюда в 5 утра и выиграл спор!

– Да, я помню, – сказала мама. – А на что они спорили?

– На 10 яблок!

Мама покачала головой.

– Тебе, конечно, видней, дорогой, но лично мне кажется, что дедушка умеет хранить секреты. Если считает нужным конечно....

– Возможно, возможно, – пробурчал папа. – Кто знает, может у него ещё долго будет такая возможность осенью...

– Что ты имеешь в виду? – спросила мама.

– Ничего, – сказал папа, – просто мысли вслух. Не хочешь посмотреть, как наш малыш устроился?

– А мы его не потревожим? – сказала мама.

– Наоборот, он будет рад тебя видеть. Пойдём.

Папа открыл дверь в чулан и, взяв маму за руку, повел за

собой, светя под ноги маленьким фонариком.

– Я уже отключил здесь электричество, осталось только убрать провода и проложить телевизионный кабель с другой стороны. Вот здесь будет лампа, а вот, сетка, которой я обиваю стену.

Папа светил фонарём на стены и всё объяснял, словно проводя для мамы маленькую экскурсию.

– Эту кучу хлама я уберу, – говорил он. – Вот это, можно оставить. А вот здесь, я временно загородил дырку старой дверью, позже я заколочу всё досками.

– Тут так пыльно, – сказала мама морщась.

– Зато как романтично...

Папа привлёк к себе маму и поцеловал её. Они немного постояли так.

– Мне начинает тут нравиться, – сказала мама. – Словно мы в каком-то гроте, в поисках сокровищ.

– Я же говорю, тут хорошо.

– А где же малыш?

– В самом конце. Он облюбовал себе коробку с тканью...

– С тканью? – насторожилась мама. – С той, которую мы используем как покрывало для мебели?

– Боюсь что да, – нехотя сказал папа.

– Её нужно срочно убрать, – сказала мама. – Он её испортит.

– Увы, – сконфуженно сказал папа, – уже немного поздно.... Я как-то не подумал об этом сразу, а когда опомнил-

ся... Словом, он погрыз её, что бы свить себе нечто вроде гнезда, и теперь она больше похожа на решето.

– От вас двоих сплошной разгром! – сказала мама. – И хватит меня целовать. В смысле нет, не хватит... Просто, этим ты меня не заставишь замолчать. Наверное...

– Но мы оба на пути к исправлению, – сказал папа, когда они добрались до конца узкого прохода. – Верно, Счастливчик? Мы же исправимся на радость мама? Смотри, кого к тебе привёл.

Счастливчик выскочил из коробки и бросился к маме. Он урчал и попискивал, явно довольный её приходом.

– Вы просто двое подлиз, – сказала мама, в душе растроганная радостью малыша, который забрался к ней на руки и лизал ей нос и уши. – Признайся, это ты подговорил его так меня встретить.

– Был такой план, – усмехнулся папа, – но в нём отпала нужда. Мы и в правду тебя любим.

– Как бы не так, – сказала мама. – Вы просто хотите меня разжалобить. В следующий раз, мы отдадим Счастливчику весь дом, а сами будем ютиться на кухне.

– В тесноте, да не в обиде...

– Так, всё, – сказала раскрасневшаяся мама. – Я всё посмотрела, я ухожу от вас. Тут... тут... Тут слишком узко!

– Так что, он остаётся здесь?

– Делайте что хотите, но помните, это наш единственный дом, другого у нас нет!

– Мы учтём это обстоятельство, – сказал папа, ущипнув напоследок взвизгнувшую маму.

– Хулиган! – сказала мама, пробираясь к выходу.

– Красотка! – крикнул ей вслед папа. – Я буду звать тебя Красотка!

Мама фыркнула и исчезла в темноте.

– Ну, что, Счастливчик, поздравляю с новосельем, – весело сказал папа. – Отхватил ты себе квартирку, нечего сказать.

Папа потрепал малыша по голове и почесал бока. Счастливчик немедленно опрокинулся на спину, подставляя свой живот.

– Опять чесать тебя? – сказал папа, присаживаясь на корточки. – А ты не лопнешь?!

Счастливчик нетерпеливо зафырчал и замахал в воздухе лапками, требуя немедленно начать процесс, который, ему так нравился.

– Ладно, ладно, поросёнок, – сказал папа. – Так и быть, почешу тебя, почешу.

Он принялся почёсывать пухлое брюшко Счастливчика, который зажмурил глаза и раскинул лаки во все стороны, погружившись в гипнотический транс. Тем временем мама поправляла своё платье и причёску у большого зеркала на первом этаже. Её глаза сияли, и лукавая улыбка так и рвалась наружу. Она не выдержала и счастливо рассмеялась. Потом, ещё раз поправив свои чудесные слегка растрёпанные воло-

сы, мама кокетливо подмигнула своему отражению:

– Привет, Красотка! – и так игриво потрянула головой, словно ей снова было 18.

Глава 24

– Барабанные палочки! – крикнул дедушка, не глядя выживая из тряпичного мешочка маленькие деревянные бочонки с цифрами.

– Одиннадцать, – заботливо подсказывала бабушка Варя. – «Барабанные палочки», это значит одиннадцать.

Варя старательно закрыла цифру 11 на своей карточке. Она никак не могла запомнить всех этих значений, но игра ей очень нравилась. К тому же, куш был заманчив – 12 конфет, по две от каждого участника, лежали в центре стола и Варя нет-нет, да и бросал на них свой взгляд.

– Дед, – громыхал дедушка, глядя на очередную цифру, – 75 лет!

– Семьдесят пять, – еле слышно суфлировала бабушка.

– Утята! – сказал дедушка и для верности пару смешно раз крякнул.

– Двадцать два, – сказал бабушка. – Смотри, Варенька, ты все закрыла. Стоп! У нас победитель.

– Полста! – успел крикнуть дедушка и осёкся. – Как стоп? Только начали вроде?

– А я уже выиграла! – радостно сообщила ему Варя.

– Неужто? – удивился дедушка, притворно хмурясь. – Ну дела... А может ты нас разыгрываешь, а?

– Нет! – заволновалась Варя. – Вот, смотри! Всё по-чест-

ному.

Дедушка придирчиво осмотрел каждую из клеток на карточке Варвары накрытую старыми пятикопеечными монетами и покачал головой.

– Хм, – прокашлял он, – хм, хм... Похоже, всё верно... Чудеса, чудеса...

– Ура, я победила! – обрадовалась Варя, сгребая со стола свой выигрыш. – А можно я их съем все сразу?

– Не думаю, – сказала мама.

Варя немного погрустнела, оглядывая свои сокровища.

А я думаю, может, – сказал папа.

– Сразу 12 конфет?! – сказала мама. – Это слишком много!

– Уговор, есть уговор, – сказал папа. – Варвара, ты можешь съесть их все хоть сейчас, они твои.

Варя недоверчиво переводила взгляд с папы на маму, не зная, как поступить.

– Это чересчур, – возмутилась мама.

– В таком случае, в следующий раз будем играть на морковку, а не на конфеты – сказал папа. – А сейчас, раз уж она выиграла, то это её конфеты и она может делать с ними всё, что пожелает.

– Класс! – сказал Серёжа.

– Безобразие, – волновалась мама, чувствуя, что теряет позиции. – Просто безобразие!

– Мамочка, пожалуйста, не переживай, – взволнованно

сказала Варя. – Я с тобой поделюсь!

Все так захохотали, что в серванте задрожали чашки и де-душка зашёлся в кашле, утирая выступившие слёзы...

– На вас нет никакой управы, – сказала мама, нервно хихикая. – Всё-то вам смешно!

– Ну, что тут скажешь, уговор есть уговор, – сказал де-душка отсмеявшись. – Ай да Варя, ай да молодец...

– Я думаю, Варвара угостит всех, – сказал папа. – Верно? Его распаренное после смеха и 7 чашек чая лицо выглядело так, как будто он только что вышел из бани.

– Да! – сказала Варя. – Берите, мне не жалко!

Она высыпала все конфеты на стол и пододвинула их ба-бушке, которая едва не прослезилась от умиления.

– Спасибо, внученька, – сказал она, беря одну конфетку.

– Дедушка, и ты бери!

– Спасибо, родная, – сказал дедушка, отдуваясь как после быстрого бега. – Мне бы лучше колбаски...

– Спасибо, я не хочу, – сказал в свою очередь папа. – Отдай мою порцию Серёже.

– Нет, – героически отказался мальчик. – Я тоже не хочу. Я наелся. Спасибо.

Мама взяла одну конфетку и погладила Варю по голове.

– Спасибо, солнышко. Но, ты же не будешь, сейчас есть все остальные конфеты, правда?

– Нет, – к видимому облегчению мамы сказала Варя, а немного погода добавила. – Я их ночью съем!

Дедушка снова захохотал, а потом встал и пошёл к холодильнику.

– Ты куда? – спросила бабушка, – Опять на ночь колбасу будешь есть? Тебе будет нехорошо.

– «Докторская» колбаса, съеденная под покровом ночи, это не колбаса! – сказал дедушка, отрезая себе толстый ломоть и вонзая в него зубы.

– А что же это, по-твоему? – спросила бабушка.

– Это, – радушно ответил дедушка, тщательно работая челюстями и жмурясь от удовольствия, – ЛЕКАРСТВО! На вроде успокоительного...

– Вот и принимай его как лекарство, – парировала бабушка. – Понемногу, а не всё разом.

– Не могу, – сказал дедушка, быстро отрезая второй кусок колбасы и засовывая его в рот. – Я очень болен! О-чень!

Бабушка покачала головой и с улыбкой махнула в сторону дедушки.

– Не переделывать его...

Дедушка что-то пробурчал, но колбаса помешала ему выразить свою мысль внятно, и он сделал большие глаза и погладил обеими руками свой живот. Варя с Серёжей засмеялись.

– А у нас есть для вас небольшая новость, – сказала мама и пристально посмотрела на папу.

Папа заёрзал.

– Да, – сказал он. – Есть одна...

– Что случилось? – встревожилась бабушка, которая, как всякая бабушка, всё время ждала, что должно случиться что-то плохое. – Вы заболели? Я говорила нужно одеваться теплее!

– О, нет, нет, всё хорошо, – поспешил успокоить её папа. – Всё нормально. Просто, тут такой случай... Словом, вам лучше один раз увидеть.

Он встал и быстро вышел из кухни, оставив там переглядывающихся и заинтригованных бабушку с дедушкой. Когда он вернулся, то нёс на руках Счастливого. Малыш только что проснулся, и принялся к незнакомым людям, сонно моргая своими огромными глазами.

– Вот наша новость, – сказал папа, усаживая его на кресло, рядом со Степашкой. – Во всей красе.

Степашка облизнул малыша и тот радостно обнял его передними лапками и громко зевнул прямо ему в ухо.

– Ой, кто же это такой?! – воскликнула бабушка, умиленно сложив груди на руки. – Какой чудный малыш!

Дедушка ничего не сказал. Он, (Небывалое дело!) отложил в сторону недоеденный кусок колбасы и принялся недоверчиво разглядывать Счастливого со всех сторон, словно пытаясь понять, не розыгрыш ли это, а потом глубокомысленно изрёк:

– Да-а-а... дела-а-а-а... И кто же это будет?

– Это Счастливчик, – сказал папа, – ребята нашли его в лесу и мы воспитываем его.

– Но что это за зверь? – спросила бабушка, глядя на пухлого зелёного малыша, который доверчиво смотрел на неё с кресла, втягивая воздух розовым носом.

– Этот вопрос остаётся открытым, – сказал папа, – и если у кого-то есть идеи, мы будем рады их выслушать. Пока что, всё, что мы знаем, это то, что он млекопитающий, всеядный и... необычайно хитрый малый!

– Похож на бобрёнка, – сказал дедушка, поглаживая голову Счастливого. – Хотя нет... Скорее на енота... Так, где, говорите, вы его нашли?

И тут все разом заговорили и принялись объяснять, как всё было и разговорам не было конца и края. Ребята рассказали о спасении малыша и о тех перипетиях, через которые им пришлось пройти. История об украденном мыле страшно развеселила дедушку, а бабушка... бабушка просто не могла нарадоваться на малыша и нянчила его как маленького на своих коленях. Свет долго горел на кухне тем вечером, и дверца холодильника не раз хлопала во тьме, и Стёпа сыто облизывался и не отходил от дедушки ни на шаг, следя за каждым его движением... Что же до Счастливого, то он, обласканный всеобщим вниманием, перебирался с одних рук на другие, пищал, мяукал, фыркал и полностью покорило сердце бабушки, обняв её лапками за шею и задремав так. Дедушка тоже быстро нашёл общий язык с малышом. Он чесал ему брюшко и щекотал задние лапки, заставляя Счастливого смешно ими дёргать. Узнав, что всё нужно держать в сек-

рете, он громогласно объявил, что будет нем как рыба. Когда же папа с сомнением покачал головой, он страшно возмутился и торжественно поклялся, что никогда не выдаст тайну Счастливчика и что если такое «совершенно невероятное событие» произойдёт, то он никогда больше не притронется к колбасе.

– Понимаете, что это значит?! – говорил он, косясь хитрым взглядом на ребят. – Это святое! Святое!

– Но что же вы будете делать с ним дальше? – спросила бабушка, когда восторги немного поутихли. – Лето скоро кончится. Где он будет жить? В Москве?

– Тут нам может понадобится ваша помощь, – сказал папа. – Может быть, вы согласитесь держать его у себя на даче зимой? Вы почти постоянно живёте там. Мы всё устроим самым лучшим образом, на счёт этого не волнуйтесь. Ему не нужно будет жить в доме. Я сделаю ему небольшую пристройку и вольер, а мы будем приезжать в гости. С ним не так много забот, как кажется...

– Это немного неожиданно, – сказала бабушка, глядя на дедушку.

– Мы подумаем, – сказал дедушка, глядя малыша. – В любом случае, сиротой он не останется. А что касается пристройки, то у нас остался вольер Кромвеля и его будка. Правда она немного великовата для Счастливчика, но её можно перестроить и сделать в ней второй этаж. Это очень современно!

– Я думала, вы снова хотите взять собаку, – сказала мама.

– Мы так и сделаем, – сказала бабушка улыбаясь. – Но только в этот раз это будет не бернская овчарка, а кое-кто поменьше...

– Да, – сказал дедушка. – И наш дружок уже родился и отлично себя чувствует. Видели бы вы, какой он шустрый! Мы заберём его через пару недель, когда он окончательно подрастёт, и он будет жить в доме.

– И я уверена, – сказала бабушка, – что мы назовем его менее оригинальным именем...

– Жаль, – сказал дедушка. – У меня было несколько отличных имён на уме. Как вам Наполеон или Черчилль? Или, скажем... Сухарик!

– Сухарик, это чудесно, – засмеялась мама.

– Нет уж, – сказала бабушка, – хватит с меня твоих имён. У него будет нормальное собачье имя.

– А какое? – спросила Варя.

– Пока не знаю, – призналась бабушка, – но знаю, что наш очаровательный цвергшнауцер будет лапочкой.

– Говорят они очень храбрые и могут охотиться на крыс, – сказал дедушка. – Я как раз видел одну у нас в подвале.

– Это было пять лет назад, – сказала бабушка.

– Неважно, – сказал любитель колбасы и принялся тормозить Счастливику. – Будет у тебя дружок, малыш, не переживай!

– И для Степашки, – обрадовалась Варя. – Они ведь не

будут драться?

– Нет, – сказал папа. – Стёпа его не обидит.

– Ха, – сказал дедушка, – Наполеон сможет за себя постоять!

– Назови его лучше Сервелат, – сказал папа. – Или Балык!

– А что, – оживился дедушка. – Балык, ко мне! Отличный вариант. Я подумаю.

– Отличный то отличный, – сказала мама, – но, по-моему, мы засиделись. Варя уже засыпает.

– Ничего я не засыпаю, – сказала Варя, хотя действительно давно клевала носом. Ей очень нравилось сидеть допоздна, как делали все взрослые, но ей постоянно хотелось спать, и она никак не могла понять, что же в этом сидении такого интересного. Она решила, что когда вырастет, то будет ложиться спать поздно, а пока... Пока ей нужно было отдохнуть.

Они вышли из кухни и погасили свет. Ночь была облачной, и они шли к дому на ощупь, смеясь, и наталкиваясь друг на друга. Счастливчик ехал на дедушкином плече и в этой веселой суতোлке, с удовольствием жевал совершенно новое для себя лакомство, которое ему передал новый член стаи, который очень ему понравился. И колбаса тоже...

Глава 25

Дедушка бросил последнюю шишку в самовар и водрузил трубу на место. Густой, белый дым повалил из трубы и стал заполнять веранду, а потом и весь участок.

– Что такое? – выглянула в окно бабушка. – Пожар? Откуда столько дыма?

– Это дедушка самовар ставит, – сказал Серёжа, протирая слезящиеся глаза. Он стоял в стороне, но дым уже был повсюду, и скоро из кухни высунулась мама, чтобы узнать, в чём собственно дело.

– Горим? – спокойно спросила она, словно пожар случался у них в доме каждый вечер. – Где пожар?

– Дедушка топит самовар, – объяснил Серёжа.

– Но почему столько дыма? – удивилась мама.

– Он взял мокрые шишки, – сказал мальчик.

– Почему же ты его не предупредил?

– Я предупредил, – вздохнул Серёжа. – Но ты же знаешь дедушку, он сказал, что ничего не должно пропадать и они высохнут прямо в самоваре.

Мама сделала скорбное лицо.

– А нельзя как-то вытряхнуть их и положить сухих? – спросила она. – Иначе мы будем пить чай не раньше полуночи.

– Не надо ничего вытряхивать, – раздалось из дыма. – Си-

туация под контролем. Где сапог? Я сейчас быстро заставлю их гореть...

Взлохмаченный дедушка появился из белого облака и направился в сарай. Его глаза были красные как угли и слёзы текли по щекам, но он улыбался и словно наслаждался происходящим.

– Подумаешь, – сказал он, идя обратно, со старым сапогом подмышкой. – Эка невидаль, мокрые шишки! Мы в походе мокрые брёвна зажигали. С одной спички! Главное, научный подход...

Мама закатила глаза и молча исчезла на кухне, заперев за собой дверь и закрыв окно. Научный подход никогда не предвещал ничего хорошего. Когда дым окончательно заволок весь участок, и даже сосну стало почти не видно, окно на втором этаже распахнулось, и оттуда высунулся папа.

– Ну, что? Как успехи? – крикнул он дедушке. – Помощь не нужна? Что-то я тебя плохо вижу...

– Всё в порядке, – пробурчал дедушка, наощупь снимая трубу и вновь пристраивая сапог. – Что я, самовар не могу разжечь?! Ещё немного и всё пойдёт на лад, потерпите...

– А-а-а вот оно что, – сказал папа, силясь разглядеть дедушку в клубках дыма. – Так ты самовар разжигаешь... А я-то думал, ты подаёшь дымовые сигналы в космос... «Чай с марсианами», отличное название для книги. Думаю они уже увидели твой призыв и упаковывают марсианский зефир, чтобы прилететь не с пустыми руками.

– Очень смешно, – сказал дедушка, работая сапогом как кузнечным мехом. – Вы ещё увидите, что мой способ растопки лучше. И он совершенно экологически чистый!

– Я думаю, – сказал папа, закрывая окно, – что это уже и так все увидели. И воздух такой душистый стал...

– Смейтесь, смейтесь, – говорил дедушка, тщетно удваивая усилия. – Я всё равно заставлю его гореть!

Но шишки упорно продолжали тлеть, и никак не желали загораться и в какой-то момент, дедушка не выдержал и, взревев как медведь, бросился прочь от самовара к умывальнику, что бы умыться лицо и сделать глоток свежего воздуха.

– Уф! – отдувался он, поливая лицо водой. – Ох! Ах! Бррр!

– Дедушка, – позвала его Варя, которая повязала себе мокрый платок, закрывающий рот и нос. – Мама спрашивает, мы будем сегодня чай из самовара пить или чайник поставить?

– Конечно из самовара! – возмутился дедушка. – Всё будет готово через... Всё будет готово очень скоро! Так и передай маме. Пить чай из чайника, когда есть самовар, это же чёрт знает что! Ну я ему сейчас задам жару!..

Варя убежала на кухню, а дедушка, снова ринулся в дым, и принялся вытряхивать мокрые шишки и заново раздувать огонь. Из мглы доносились какие-то удары и звон металлической трубы, которая упала на плитки. Серёжа, мама и Варя столпились у окна кухни и смотрели, как силуэт дедушки

отчаянно мечется вокруг неистово дымящего самовара. Они уже хотели пойти на помощь, как вдруг, дым стал понемногу ослабевать. Дедушке удалось вытащить мокрое топливо и, затоптав тлеющие шишки ногами, он положил в самовар сухие. Потом он взял из ведра с шишками пластиковую бутылку, и щедро плеснул на них жидкость из бутылки.

– Что он делает? – спросила мама.

– Не знаю, – сказал мальчик, – но, кажется, что его лучше остановить.

– Алексей Васильевич, – закричала мама, забыв, что окно на кухню закрыто, и он её не слышит. – Алексей Васильевич, осторожно!

Дедушка вытащил из кармана спички и чиркнул одной.

– Алексей Васильевич, – закричала мама, открыв окно, – Осторож...

– БУМ! – раздалось во дворе, и яркая вспышка пламени на секунду озарила растерянное лицо дедушки затерянного в клубах дыма. Мама и ребята выскочили из кухни и побежали к самовару. Там, как кочегар в трюме парохода, шурувал дедушка. Его перепачканное копотью лицо светилось.

– Горит! – радостно сообщил он.

– Вы в порядке, Алексей Васильевич?! – спрашивала его мама. – Что это было?

– Пустяки, – небрежно отмахнулся дедушка, стирая сажу с лица. – Перепутал бутылки в спешке, плеснул растворителя... Зато как загорелось! Песня!

– Я подумал, что самовар взорвался, – сказал Серёжа.

– Нет, – засмеялся дедушка. – Самовар крепкий, ещё послужит. Многовато налил, конечно, но в следующий раз...

– В следующий раз, Алесей Васильевич, – раздался голос папы, который снова распахнул окно и смотрел на них сверху, – затопит нам печку динамитом и наш дом превратится в деревянный космический корабль.

– Да бросьте вы, – обиженно сказал дедушка. – Тоже мне, полыхнуло чуток, никто же не пострадал...

– Кроме вас, Алексей Васильевич, – сказала мама, вглядываясь в чумазое лицо дедушки.

– А что такое? – забеспокоился дед. – Что-то не так?

– Ой, дедушка, – засмеялась Варя, – у тебя ус сгорел!

– И бровь немного... – добавила мама, стараясь не улыбаться.

– И волосы сбоку, – сказал Серёжа. – Слегка...

Дедушка схватился за свои драгоценные усы и, нащупав потерю, с криком бросился к зеркалу у умывальника. Самовар меж тем временем гудел сильно и ровно, разбрасывал снопы искр вылетающих из трубы, а вокруг него, лежали слегка дымящиеся, полураздавленные шишки. Мама осмотрелась вокруг и покачала головой, подняв глаза на папу.

– Теперь я понимаю в кого ты такой...

– Наговоры, – сказал папа и показал маме язык.

– И знаю, кто научил Варю показывать мне язык. Как не стыдно!

– Неправда, неправда, – сказала Варя, – я сама научилась, ещё в детском саду! Мы проходим языки из окна показывали!

О, господи! – сказала мама. – Пойду накрывать на стол. Вы присмотрите за самоваром?

– Да, мам, не волнуйся, – сказали ребята.

– Я бы не волновалась, – сказал мама, удаляясь, – если бы мне не говорили, «не волнуйся» по 5 раз на дню. Не обожгитесь!

– Хорошо.

Когда мама ушла, папа снова выглянул на улицы и помянул ребят пальцем.

– Поднимайтесь, – сказал он, – тут кое-что происходит.

– А как же самовар?

– Положите побольше шишек, только сухих, и поднимайтесь. Он не успеет потухнуть. Да вон и дедушка возвращается.

Папа оглянулся и вдруг перешёл на громкий шёпот

– Он опять начинает! Скорей, поднимайтесь сюда! Только тихо!

Серёжа спешно бросил несколько шишек, и они с Варей кинулись на папин призыв. Люк на второй этаж был открыт, и голова папы уже маячила в нём:

– Тссс! – прошипел он. – Поднимайтесь скорей!..

Не зная, что и думать, ребята проворно сбросили ботинки и забрались наверх.

– Смотрите, смотрите, вот, – вместо всяких объяснений прошептал папа и почти насильно усадил их на ковёр, и сел рядом.

В середине комнаты, прислонённое к стене, стояло большое квадратное зеркало в тяжёлой деревянной раме. Оно много лет пылилось на антресолях, а сейчас, папа зачем-то вытащил его, и оно привлекло внимание Счастливого, который впервые столкнулся с такой удивительной вещью.

– Сначала он просто убежал, – шёпотом объяснял обстановку папа, – но сейчас вроде осмелел и... Вот, вот, опять!

Счастливчик, которому папа иногда разрешал побегать по его кабинету, при условии, что папа был там и малыш не трогал его книг, высунулся из-за дивана и огляделся по сторонам. Увидев ребят, он негромко приветственно пискнул, но не побежал к ним, как он обычно делал, а перевёл взгляд на зеркало, в котором, точно такой же пухлый зелёный малыш робко высовывался и-за дивана. Он долго принохивался и оглядывал свое изображение издали, боясь выйти полностью, но любопытство брало своё, и он сделал несколько осторожных шагов в сторону незнакомца. Но и тот не стоял на месте и медленно двигался к нему на встречу, что привело малыша в замешательство, и он быстро юркнул обратно за диван.

– Давай, Счастливчик, – подбодрил его Серёжа. – Не бойся!

Счастливчик снова высунулся из-за дивана и осмотрел-

ся. Незнакомец всё ещё был здесь, но не выглядел опасным, а просто нюхал воздух и искоса смотрел на него. Сделав несколько робких шагов, Счастливичик вышел на середину комнаты и замер в нерешительности напротив зеркала, готовый бежать в любую секунду. Но всё было спокойно. Повертевшись на месте, малыш сделал ещё несколько шагов и почти коснулся своим любопытным носом своего отражения. В этот драматический момент, Варя, которая уже долго терпела и перепробовала все способы, громко чихнула. Счастливичик взвился в воздух и бросился наутёк, едва не сбив стул. Он вскочил на диван, с него на папин стол, и прыгнул дальше, намереваясь попасть на книжную полку, но зацепил провод от папиного ноутбука и вместе с ним рухнул на пол, а следом туда полетела настольная лампа. Ещё больше перепугавшись, Счастливичик фыркнул как рассерженный кот и юркнул обратно за диван. Пока ребята хохотали лёжа на полу, обхватив животы, папа осматривал свой компьютер, который, к счастью, уцелел, чего нельзя было сказать о лампе. Но самое странное, случилось потом. Счастливичик, вместо того, чтобы испуганно отсиживаться за диваном, вдруг выскочил наружу и, встав на задние лапки и подняв вверх передние, громко зашипел и двинулся на своего обидчика. Новый приступ гомерического хохота напал на ребят, и они уже буквально катались по полу, не в силах остановиться. Не обращая внимания на царящую кругом суматоху, отважный малыш продолжал наступать на своего мнимого врага. Но

тот не уступал ему в храбрости и тоже двигался навстречу, страшно шипя и размахивая лапками. В самый последний момент, нервы у Счастливого сдали, и он снова бросился наутёк, найдя на этот раз укрытие на папиных руках. Папа погладил малыша, и крепко держа его за бока, сам поднёс к зеркалу. К всеобщему удивлению, в этот раз малыш повёл себя гораздо спокойнее. Он, правда, всё же попытался сначала вырваться, но быстро успокоился и обнюхал своё изображение. Незнакомец оказался совсем не страшным и не собирался кусать малыша. Папа осторожно поставил Счастливого на пол и отошёл. Малыш немного напрягся, но потом, сел напротив зеркала и принялся скрестить своё изображение обеими лапками, словно играя с ним в ладушки. Вконец осмелев, он лизнул зеркало и окончательно подружился с незнакомцем, который, как оказалось, тоже был не прочь поиграть и покривляться. Счастливчик заскакал вокруг зеркала, издавая странные звуки, похожие на сдавленное урчание и с трудом угомонился, когда папа взял его на руки и отнес в его вольер, который теперь соединялся с его кладовкой большим отверстием в стене, как раз на месте той дырки, которую он проделал.

– На сегодня всё, – сказал папа. – Пора на покой, а нам, на ужин. Полагаю, что самовар, несмотря на все усилия дедушки, всё же готов. Идёмте.

– А он понимает, что это он в зеркале? – спросил Серёжа, спускаясь по лестнице.

– Не думаю, – сказал папа. – Скорее всего, он увидел там другого Счастливого, который, поначалу, напугал его. Видели, как он пытался напугать его? Но теперь они друзья.

– Как попугайчик с зеркалом? – сказала Варя.

– Да, – сказал папа, – нечто вроде. Только у Счастливого всё немного сложнее. Я думаю, что он скоро поймёт, что изображение не настоящее и потеряет к нему интерес. Помните, как он принюхивался? Очевидно, ему важно не только видеть, но и чувствовать запах.

– Поэтому Степашка не играет с зеркалом? – догадался Серёжа.

– Именно так, – сказал папа. – Хотя, когда он был совсем маленьким, то играл со своим отражением.

– Жаль, что он не будет с ним дружить, – печально сказала Варя. – У него был бы хоть кто-то похожий на него.

– Ничего, – успокоил её папа. – Не так важно быть похожим, важно быть настоящим и преданным другом. Мы же не похожи со Степашкой, но мы друзья и мы любим его, а он нас. Счастливику повезло, что он встретил вас.

– Правда? – улыбнулась Варя.

– Чистая правда, – сказал папа, помогая ей сойти с лестницы. – Вы спасли ему жизнь, и вы заботитесь о нём, а остальное не имеет большого значения. Люди дружат с самыми разными животными и те отвечают им взаимностью. Животные всё чувствуют и многое понимают, просто они не умеют говорить на нашем языке.

– Значит, – спросила Варя, – мы его семья?

– Да, – сказал папа. – Мы его семья. И он даже спит в обнимку с твоим медвежонком.

– С Мишуткой?! – удивилась Варя.

– Да, – засмеялся папа, – с твоим Мишуткой. Я немного почистил его и Счастливчик обнимает его ночью так же, как это делала ты, когда была маленькой.

Варя мечтательно сложила руки.

– Ну, какой же он хороший!

– Пап, – спросил Серёжа, задетый за живое – а может ему предложить моих солдатиков? Вдруг они ему понравятся?

– Сомневаюсь, – сказал папа. – Но я вытащил твой детский спортивный тренажёр с брусьями и канатом и установил его в кладовке. Правда, мне пришлось здорово укротить его, но он всё равно понравился ему, так что, твои вещи тоже пригодились.

– Эй, на палубе! – раздался дедушкин голос. – Всё давно готово! Где вы бродите? Живо на камбуз!

– Кажется, наш дедушка становится пиратом, – сказал папа. – Хотя, после того как он взял на abordаж самовар это не удивительно. К тому же, у него есть попугай.

– Мы идём, дедушка, – закричала Варя, спешно надевая ботинки.

– Пошевеливайтесь! – кричал дедушка. – Корабль не будет ждать вечно!

– И правда пират, – засмеялся Серёжа. – Мы готовы!

– То-то же! – сказал дедушка при виде ребят. – Где вы были? Наверху? Смотрите, если я узнаю, что вы обижали моего друга, громилу Грина, то я вам уши надеру от мачты до кия!

– Дедушка, а ты так и будешь ходить с одним усом? – спросила Варя.

– Я не дедушка, а капитан Чёрная голова, – сказал дедушка, подхватывая Варю. – А мой ус был срублен вражеской саблей и я намереваюсь отрастить новый, не менее блистательный и дерзкий!

– Скажи уж лучше, – засмеялся папа, – что его опалил огонь орудия Самоварного фрегата, когда ты пытался взять его на бордаж.

Варя захихикала.

– Карамба! – взревел дедушка. – Я не потерплю таких разговоров! Придётся бросить девчонку акулам, тысяча чертей! А ну ка, иди сюда!

Варя взвизгнула и побежала на кухню, а старый пират пустился следом, тряся кулаками и ругаясь на тарабарском языке.

– У дедушки отлично получается, – сказал Серёжа.

– Да, – сказал папа. – И это пугает...

Глава 26

Неделя пролетела весело и незаметно. К восторгу ребят и к ужасу мамы с бабушкой, ребята, объединившись с папой и дедушкой, каждый день придумывали новую игру, в которую оказывались вовлеченными все обитатели дома. История с пиратом имела продолжение, когда папа объявил, что у него есть старая карта, на которой указано место, где спрятаны сокровища. Карта подозрительно пахла свежими папиными чернилами, но была достаточно измятой, закапанной воском и даже, слегка обожжённой по краям. Ребятам пришлось повозиться, прежде чем они разгадали все условные обозначения на ней и поняли, что клад находится под домом. Однако, Старый пират тоже хотел заполучить сокровища и едва не выкрал карту во время обеда, а когда ему это не удалось, взял в заложники маму и угрожал зашекетать её до смерти. Но друзьям удалось таки отвлечь внимание разбойника колбасой и освободить пленницу, а после, внезапно напав на пирата вечером, запереть его в бане и откопать большую жестяную коробку под домом, в которой оказались чудесное маленькое ожерелье и складной нож. Потом была охота на человека-невидимку, который коварным образом поедал варенье на кухне и пересыпал содержимое маминых коробок с крупами, так что вместо риса, в банке оказывалась гречка, а вместо вермишели горох. На ночь, по всей кухне бы-

ли натянуты нити с колокольчиками и хитроумные ловушки, в которых невидимка должен был запутаться. Но невидимка был неуловим целые сутки, пока следующей ночью на кухне не раздался жуткий звон и грохот, а утром, прихрамывающий дедушка объявил, что бросившись на шум первым, практически схватил коварного врага, но тот вырвался, разорвав свой невидимый плащ, и теперь вряд ли осмелится появиться вновь, так что что ловушки нужно убрать... Потом они запускали змея и дедушка сказал, что это не змей, а просто малютка и что он, может сделать настоящего воздушного змея, который может унести Варю в небо. Он трудился в сарае всё утро и действительно соорудил монстра с него ростом. Они попробовали запустить его на переулке, но ему не хватало ветра. Тогда папа забрался на крышу бани и запустил его оттуда. Гигант взмыл в небо под радостные крики дедушки и ребят, и стал стремительно набирать высоту, выбирая леску с катушки. Вскоре он стал еле виден, и Варя с Серёжей смотрели на него, запрокинув головы. Но едва дедушка попытался подтянуть его обратно, как леска зазвенела и лопнула, змей закружился, стал терять высоту и, великому сожалению дедушки, рухнул в лесу за рекой, там, где начинались болота. Потом все играли в молчунов – тот, кто первый произнесёт хоть одно слово, проигрывал. До обеда на участке было необычайно тихо и маме с бабушкой даже начала нравиться эта тихая игра, но очень скоро, они устали от того, что на любой вопрос все вокруг что-то мычали и

показывали какую-то странную пантомиму. В конечном итоге проиграл дедушка, когда пытался объяснить бабушке что хочет на обед щи, а не борщ. Потом все загадывали загадки. Потом делали кроссворды. Потом сооружали ветряную мельницу. Потом принялись делать домик на сосне и уже начертили на песке его чертёж и стали вынимать старые доски из-под дома, но вмешалась мама и сказала, никакого домика на дереве не будет, потому что она знает, что кто-нибудь обязательно оттуда свалиться. Потом они лепили из глины посуду и обжигали её в печке, отчего в доме было так жарко, что на ночь открыли все окна и двери, и комары и прочая летающая живность заполнила дом и ползала по потолку и стенам. И, наконец, накануне отъезда, решили ставить пьесу в два действия, про ребят потерявшихся в сказочном лесу, которые встретили на своём пути колдуна (дедушку) и доброго волшебника (папу). В эпизодической роле лесной феи была занята мама, так что в конечном итоге бабушка оказалась единственным зрителем. Представление, как и положено, состоялась вечером, на свежем воздухе, на подмостках бани, в ослепительном свете фонаря и двух керосиновых ламп. Все кроме мамы забыли свои роли и импровизировали на ходу, так что хохочущему папе в конце первого действия пришлось прятать ребят от разыгравшегося колдуна на кухне и представлять случайно выбежавшего на «сцену» Степашку как «ужасного, но очень маленького волка» во втором. В конце бабушка аплодировала, а «колдун» сам се-

бе кричал «Браво!» и трижды выходил на поклон, посылаю воздушные поцелую в несуществующие ложи. Ну, и, конечно же, каждый вечер после чая Счастливчик кочевал с коленей на колени, резвясь и забавляя всех своими выходками. К примеру, к ужасу мамы, он спокойно открывал нижнюю дверцу серванта, где хранился сахар, мука и варенье и с интересом обнюхивал его содержимое. Папа клялся, что никогда не учил его ничему подобному, но, кажется, сам себе не верил. Любимым же занятием Счастливчика было изучение карманов того, у кого на коленях он в данный момент сидел. Он ловко управлялся с пуговицами и кнопками, и быстро научился управляться с молнией. Понравившиеся ему вещи он тщательно осматривал и перепрятывал в другой, «более надёжный» карман, предварительно всё из него вычистив. Дедушка называл его «Потрошителем» и нарочно набивал свои карманы всякой всячиной, чтобы малыш как можно дольше находился у него на коленях. Особым интересом у Потрошителя пользовались ключи и крупные монеты. Он пищал от восторга, когда выуживал из дедушкиного кармана десятки старых ключей, которые тот откопал в сарае, и подолгу перебирал их, обнюхивая и пробуя на зубок. Странную реакцию у него вызывали канцелярские скрепки. Отчего то они страшно его возмущали, и он с фырканьем отбрасывал их на пол и словно вытирал после них руки, быстро-быстро потирая свои лапки друг о друга. Смеха ради, папа прикрепил несколько скрепок на связку с ключами и Счастливчик,

поначалу обрадовавшийся такой находке, вдруг зафыркал и стал гневно срывать все до единой скрепки, покуда от них не осталось и следа. «Чистую» связку он ещё раз тщательно осмотрел и спрятал во внутренний карман папиной куртки, а потом чихнул и старательно вытер руки... Но главным сокровищем его коллекции был мамин фамильный золотой кулон, на тонкой цепочке. Он зачарованно перебирал его в своих лапках, подолгу не мог найти достойного места, чтобы спрятать такую восхитительную вещь. Все карманы казались ему недостаточно надёжными и он обегал всех собравшихся, пока, наконец, не остановился на папином внутреннем кармане пиджака или дедушкиной куртки. Он с сожалением опускал туда кулон, тут же вынимал его обратно, трепетно ощупывал и снова прятал, беспокожно попискивая.

– В следующем году, буду учить Счастливого водить машину, – говорил папа серьёзным тоном.

– Как? Зачем? Ты что такое говоришь? – пугалась мама. – Я с ним не поеду!

– Ну, хорошо, хорошо, – под общий смех успокаивал её папа. – Начнём с велосипеда...

– От тебя всего можно ожидать, – оправдывалась мама. – Я уже ничему не удивляюсь!

– И это правильно, – говорил папа. – Эксперименты, это ключ к развитию.

– Это не эксперименты, – возмущалась мама. – Это форменный хаос. Жду не дожусь, когда ребята снова пойдут

в школу. К концу лета вы становитесь совершенно неуправляемыми. И вы, Алексей Васильевич, вы же взрослый человек...

– Я взрослый человек? – изумлялся дедушка, хмуря кустистые брови. – Ты меня с кем-то путаешь, моя дорогая. Я молод как никогда.

– Видели бы вы, какой у него огромный синяк на ноге, – говорила бабушка.

– Шрамы украшают мужчину, – отвечал дедушка, хитро поглядывая на ребят. – Человек-невидимка был силен и дрался не по правилам, но, я всё же одолел его, хотя, драться в темноте с человеком-невидимкой, держа в руке колбасу, очень и очень нелегко...

Мама и бабушка всплёскивали руками и начинали говорить о саде, а дедушка победоносно смотрел на ребят и приглаживал остатки усов.

В день отъезда бабушки с дедушкой, Варя едва не расплакалась. Дедушка пробовал пощекотать её усами, но она не смеялась и все были немного грустные. Только Стёпа был полон задора. Перед самым отправлением, за баней, у него состоялась встреча с дедушкой, который передал ему остатки колбасы, и у него было чудесное настроение. Он прыгал вокруг машины и норовил схватить дедушку за подмётку ботинка, но тот отбрыкивался от него, а потом и вовсе залез в автомобиль.

– До свидания, бабушка! – сказала Варя. – До свидания,

дедушка! Возвращайтесь скорее.

– Теперь вы к нам, – ответил дедушка, опустив окно и выставив локоть наружу. – И не забудьте прихватить Счастливича!

Как заправский гонщик дедушка натянул тонкие кожаные перчатки, а на нос водрузил огромные солнцезащитные очки, которые постоянно сползали набок. Придавая ему особенно залихватский вид.

– До свидания, – сказала мама. – Всегда рады вас видеть. И... пожалуйста, Алексей Васильевич, не гоните!

– Это не я, – усмехнулся дедушка. – Это всё Она, моя Молния, так и просит наддать газу!

В подтверждение своих слов он нажал педаль, и старый двигатель взревел, заглушая последние слова прощания. Машина, наконец, тронулась, посигналив напоследок, и ребята замахали руками вслед, а Степашка с лаем пробежал несколько метров позади. На повороте автомобиль чуть притормозил, очередной длинный гудок донёсся до провожающих, а затем, Оранжевая молния окончательно скрылась из вида. Какое-то время они ещё слышали её бухтение за грядой зелени, но вскоре и этот звук затих. Стёпа громко зевнул в опустившейся тишине и затрусил к калитке. Следом пошли остальные.

– Жалко, что они так рано уехали, – сказал Серёжа.

– Да, – сказала Варя. – Я буду скучать...

– Вы увидите осенью, – сказала мама, утешая Варю.

– Осенью всё не так, – сказала девочка. – Осенью всё по-другому.

– Точно, – согласился Серёжа. – Осенью школа...

– Кстати о школе, – сказала мама. – Я давно собиралась проверить ваш английский и сейчас самое время. Вы готовы?

– Что, прям вот так сразу? – удивился Серёжа.

– Конечно, – сказала мама. – Ты всегда должен быть готов, это же язык. Никогда не знаешь когда он может пригодиться.

Ребята переглянулись.

– Не робейте, – сказал папа. – Вы отлично потрудились, вы сами знаете. Идите и покажите на что способны! А иначе...

– А иначе, – сказала мама, – вами займусь я.

– Я готова, – отважно заявила Варя.

– Тогда и я готов, – сказал Серёжа.

– В таком случае, прошу в дом, – сказала мама. – А ты, мой дорогой, останься.

– Но я их наставник! – запротестовал папа. – Я хочу присутствовать.

– Ничего страшного, – мягко, но непреклонно сказала мама. – В жизни им придётся действовать самостоятельно и сейчас у них будет отличная возможность показать всё, чему научились.

Папа замялся, поглядывая на ребят.

– Не волнуйся, пап, – сказал Серёжа. – Мы справимся.

– Тогда, ни пуха, ни пера!

– К чёрту! – звонко крикнула Варя и первой зашла в дом. Когда ребята ушли, папа нервно почесал нос, побродил вдоль дома, пытаясь заглянуть в окна, а после махнул рукой и пошёл на кухню.

– Как ты считаешь, они справятся? – спросил он у Степашки, который шёл рядом с ним.

Степашка поднял на него свою морду и весело шмыгнул носом.

– И я думаю, справятся, – засмеялся папа. – Но если ты полагаешь, что я иду тебя кормить, то не обольщайся – ваше с дедушкой рандеву за баней не прошло незаметно. Так что считай, что свой ужин ты уже получил. Да, да, и не смотри так на меня! Колбасная неделя кончилась, дружок, пора отвыкать. Впрочем, за особые заслуги по охране участка, тебе вполне может перепасть морковка, но тебе придётся меня умалить...

Глава 27

Наступил август. Жара понемногу спадала, и вечерами уже было довольно прохладно, и папа одевал старую коричневую фетровую шляпу, которую мама грозилась выкинуть, т.к. в ней он походил на пугало. Но папа не сдавался и бережно носил её, хотя она действительно была очень старой и вытертой, и когда он надевал старый пиджак, то сходство было очевидным... Сочная зелень леса начинала увядать и больше не сверкала на солнце, а лишь тускло блестела, и листья местами желтели и облетали. Яблоки в саду быстро покраснели и ребята уже успели втайне сорвать несколько штук, для пробы, но они были ещё слишком кислыми и они отдали их Стёпе, но и тот не смог их осилить и бросил их за кустами смородины. Папа подолгу засиживался в кабинете, заканчивая последние главы книги, которые никак ему не удавались, а мама была погружена в свой проект, который нужно было закончить к концу лета. В тщательно отгороженном углу большой комнаты, на столе, рос огромный картонный макет её парка, с множеством кафе, беседок, спортивных площадок, и просто лужаек обрамлённых лесом, который прорезали велодорожки и тропинки. Мама кропотливо трудилась, добавляя всё новые и новые детали, и парк оживал под её умелыми руками. Ребята только диву давались, как маме удавались такие крошечные детали, а папа даже заходить бо-

ялся в комнату, опасаясь что-то сломать. Степашка был погружён в свои обычные заботы. Он рыл ямы, гонял мячик и уже в третий раз пресекал все попытки Матвея проникнуть на участок, кидаясь с грозным рычанием к забору, едва заметив его рыжую тень. Приближающаяся осень не беспокоила его, и он только теснее сворачивался в клубок ночью на своей подстилке, а утром, не так легко вскакивал с неё. Он одичал за лето, и отвык мыть лапы каждый раз после прогулки, и когда Варя брала расчёску, чтобы расчесать ему бороду, он прятался от неё за сараем, так что Серёже с папой приходилось его ловить. Вечерами, молодые стрижи носились над участками, каждый раз пронзительно крича, пролетая над родной сосной. Папа махал им шляпой и, порой казалось, что они тоже машут ему и нарочно делают круг, что бы поприветствовать его. Он уже нарисовал эскиз нового стрижатника, и планировал сделать его осенью, когда все дела по дому и огороду будут завершены, и он приедет сюда в последний раз, чтобы всё закрыть и оставить дачу до весны. Осенняя грусть, ещё неясная, но щемящая сквозила в выцветающем небе и только розы в папином розарии не знали печали и цвели с упоением, наполняя воздух благовоениями.

– 99, 100, 101, 102, – считала Варя вместе с папой. – 103, 100.. Сто три, всё.

– Не может быть, – сказал папа. – Давай ещё раз.

– Ну, пап, – взмолилась Варя. – Мы уже в третий раз счи-

таем!

Папа вдохнул.

– Значит сто три... Мне казалось их больше!

– А сколько было в прошлом году, – спросила Варя.

– 121, – сказал папа и на мгновение его глаза засветились. – Это был абсолютный рекорд, и я собирался побить его в этом году, но эти предатели... эти жёлтые розы... Никогда не верь жёлтым розам, Варвара, они капризны и вероломны! Я так рассчитывал на них, а они... Только 6 штук, шесть! Вместо двадцати пяти!

Папа хмуро посмотрел на жёлтые розы у своих ног.

– Не расстраивайся, папочка, – сказала Варя. – Может они ещё расцветут.

– Возможно, возможно, – пробурчал огорчённый папа, оглядывая другие кусты. – Но когда они расцветут, завянут другие! А мне нужно чтобы цвело сразу как минимум 122 розы! Впрочем, у нас действительно есть ещё пару дней. Мои красные красавцы ещё долго продержаться и, кто знает, может быть, мы ещё победим. А вас, – папа снова повернулся к жёлтым цветам, – я пересажу за забор, если вы не исправитесь, так и знайте! Каждый прохожий сможет срезать вас и сделать букет, если вы не одумаетесь!

Папа погрозил им пальцем.

– А они тебя слышат, – спросила Варя, которая часто видела, как папа что-то говорил своим розам.

– Конечно, – сказал папа. – Розы всё отлично понимают,

как кошки, просто они очень своенравные и зачастую просто капризничают. Но, ничего, в следующий раз я буду умнее, и не буду рассчитывать на этих обманщиков. Зато посмотри, как хороши мои розовые, а? Словно ожившие райские облака! А как пахнут?

– А почему же ты не посадил все розовые? – спросила Варя. – Тогда бы ты точно побил бы рекорд.

– Увы, Варвара, – грустно сказал папа, – тогда это не было бы рекордом. Это как соревноваться одному и забрать себе все медали. Вся прелесть в том, что я должен выиграть, используя розы всех цветов.

– А так можно? – спросила Варя.

– Конечно, – ответил папа, – просто это не так легко. Но, согласишься, что честно заработанная конфета, вкуснее той, что досталась случайно.

– Все конфеты вкусные, – ответила Варя, которая не могла вдаваться в нюансы, когда дело касалось конфет.

– Ну, хорошо, – сказал папа. – Конфеты, это плохой пример. Представь себе... Представь себе... Помнишь, твой рисунок победил на выставке?

– Да, – сказала Варя.

– Вот, – обрадовался папа. – Там было много работ, но среди них, победила именно твоя. Разве это не здорово?

– Здорово, – согласилась Варя. – Но зачем сажать жёлтые розы, если они не хотят побеждать?

Папа открыл рот, но не смог найти слов и, в конце концов,

расхохотался.

– В следующий раз мы отправим тебя на конкурс по философии, Варвара, – сказал он. – Ты определённо будешь призером.

– А что там нужно делать? – поинтересовалась Варя, которая любила конкурсы.

– Задавать правильные вопросы, – сказал папа. – В этом суть всей философии!

Варвара не очень поняла, что папа имел ввиду, но идея ей понравилась. Обычно на конкурсах ей задавали вопросы и она, не всегда знала ответы. Но конкурс, где вопросы нужно было задавать самому, ей определённо нравился больше. Задавать вопросы она любила. Она уже хотела спросить папу, где проводятся такие конкурсы, но, он уже ушёл.

«Ну, вот, – подумала Варя, – так всегда, как только начинается что-то по-настоящему интересное, взрослые сбегают. Почему так?»

Варя понюхала розы, которые пахли чудесно, и побрела в дом. Её гербарий не был закончен, но ей почему-то так не хотелось его делать, что от досады она даже топнула ногой. От этого звука проснулся Стёпа, который дремал на краю газона, в тени жасмина. Он посмотрел на Варю, раздумывая, не приглашает ли она его поиграть, но девочка прошла мимо, не заметив его.

«Почему люди так редко играют в мячик с собаками? – подумал Стёпа. – Вот было бы здорово, весь день играть в

мяч и гоняться за кошками. Ведь мячи и кошки специально для этого придуманы, разве нет?» Степа закрыл глаза и задремал. Он тоже мог быть философом. Особенно, после сытного обеда.

Войдя в дом, Варя обнаружила, что все заняты делом. Папа что-то писал наверху, мама наводила лоск на макет, а Серёжа читал, спеша наверстать упущенное время. Со вздохом, Варя вытащила свой гербарий, но он показался ей таким скучным, что она отложила его в сторону. «Пойду, проведу Счастливого, – решила она. – Он-то точно никогда не скучает!» Она поднялась в кабинет к папе, который, не отрываясь от работы, что-то пробормотал ей, и подошла к вольеру. – Счастливчик, – позвала Варя, – выходи, это я.

– Он не выходил сегодня весь день, – сказал папа, по-прежнему не поднимая головы.

– А можно я сама зайду к нему? – спросила девочка.

– Конечно, только включи свет.

Варя повернула выключатель и открыла дверцу в чулан.

– Счастливчик, – снова позвала она, – смотри, что у меня есть?

Она потрясла рукой, в которой лежало несколько неочищенных лесных орехов. Этот тихий звук произвёл магический эффект. Счастливчик пулей вылетел к Варе, бесцеремонно смёл угощение с её ладони, и, не прощаясь, умчался восвояси, в самый дальний угол чулана, куда не попадал свет лампы. Варя растерянно потопталась на месте. Она ни-

когда не видела малыша таким. Правда и малыш вырос втрое за это время и стал необычайно упитан. Варя постояла ещё немного, и решила всё же проведать Счастливого, хоть он и вёл себя не по-товарищески. Она прошла вглубь чулана, отодвигая свисающие верёвки и огибая брусья, на которых резвился малыш.

– Счастливчик, ты где? – сказала она, подойдя к тёмному закутку, откуда слышалась какая-то возня. Счастливчик неожиданно вынырнул оттуда и прыгнул ей на ноги.

– Ой, – воскликнула Варя, – ты меня напугал! Счастливчик, что с тобой такое?

Счастливчик нервно обнюхал её руки, пискнул и юркнул обратно, за свою коробку с тканью. Варя решила отодвинуть коробку и заглянуть туда, но Счастливчик так грозно зашипел из темноты, что она не решилась этого сделать. От обиды, у Вари выступили слёзы на глазах.

– Плохой, Счастливчик, – сказала она, всхлипывая. – Плохой, плохой! Не люблю тебя!

Но Счастливчик, словно уже сам понял свою оплошность и выбрался из своего убежища, виновато глядя на Варю.

– Почему ты так себя ведёшь? – гневно спросила его Варя. – Я же твой друг!

Счастливчик заурчал и прижался к её ноге. Варя опустилась на колени и погладила малыша.

– Что с тобой? – спросила она, участливо заглядывая ему в глаза. – Может ты заболел?

Сзади послышалось покашливание папы.

– Я тоже так подумал, когда он едва не укусил меня, – сказал он.

– Укусил?! – изумилась Варя.

– Ну, не укусил, – усмехнулся папа, – но сделал вид, что может.

– Что же с ним такое? – спросила Варя. – Он нас не любит больше?

– Нет, – засмеялся папа, – он нас любит. Просто он делает запасы на зиму и поэтому нервничает. Я обнаружил, что он стал есть значительно больше корма и не сразу понял, в чём дело, пока не наткнулся на его склад. Точнее, на один из них. Смотри.

Папа отогнул кусок фанеры у пола, и Варя увидела десяток орехов и сухой собачий корм заботливо сложенный там. Счастливчик, засуетился при виде своего тайника, но не шипел и вёл себя смирно, позволив папе вытащить несколько орехов.

– И что же нам делать? – спросила Варя.

– Стараться не беспокоить его понапрасну, – ответил папа. – Это вполне нормальное поведение для некоторых животных. Бурундуки, белки, еноты всегда делают припасы на зиму и Счастливчик, очевидно, тоже. Он скоро поймёт, что мы не представляем угрозы для его запасов, но, лучше не тревожить его лишней раз. Многие звери трепетно относятся к своей еде и им не нужно мешать. Это не мешает дружбе,

напротив, он понимает, что мы не опасны и не желаем ему зла. Смотри, он уже не шипел, когда я взял его орехи. А когда мы положим их обратно, и он и вовсе успокоится.

Папа снова отогнул угол фанерного листа и высыпал орехи обратно, дав затем Счастливику тщательно изучить свою пустую ладонь.

– А что он будет делать зимой? – спросила Варя. – Есть их?

– Необязательно, – сказал папа. – Некоторые звери делают запасы, но потом не могут вспомнить, где именно тайник и они достаются другим зверям или птицам. Такое часто случается с белками. Вспомни Степашку, который прячет косточки, а потом забывает про них. Это просто инстинкт.

– А если мы дадим ему целую коробку орехов. Он успокоится? – спросила Варя.

– Боюсь, что нет, – засмеялся папа. – Даже если он будет спать на орехах, инстинкт всё равно будет заставлять его искать ещё. Это как... как конфеты! Сколько ни возьми, всё время хочется ещё.

Варя порозовела в полумраке чулана. У неё самой в тумбочке было спрятано 5 конфет, которые она не очень любила и не собиралась есть, но иногда просто доставала и осматривала.

– Но он же не всегда будет такой? – спросила девочка.

– Нет, конечно, – сказал папа. – Это пройдёт, но пока, нужно войти в его положение и не пытаться трогать его при-

пасы.

– Так это он, поэтому стал такой толстый? – спросила Варя.

– Именно так, – сказал папа. – Часть припасов он откладывает в самое надёжное место, в свой живот. Это тоже инстинкт.

– А он не лопнет? – встревожилась Варя.

– Нет, – сказал папа. – Не лопнет. Не переживай. Лопнуть можно только от сладкого...

– Неправда! – засмеялась девочка.

– Даже если очень постараться? – спросил папа.

– Всё равно нельзя!

– Даже если съесть целую тонну конфет? – настаивал папа. – Мне кажется тогда можно.

– Нельзя съесть целую тонну конфет, – рассудительно сказала Варя. – Они во мне не поместятся...

– Ладно, – сказал папа, обнимая Варю, – пойдём, не будем ему мешать.

– А можно навестить его вечером?

– Конечно можно, – сказал папа. – В любое время. Просто нужно понимать, что для него это очень важно, сделать запасы, и он очень волнуется, если ему кажется, что кто-то хочет их утащить.

– Я поняла, – сказала Варя. – Он как дедушка, который волнуется за свою колбасу.

– Похоже, похоже, – засмеялся папа. – Поэтому они так

хорошо поладили друг с другом.

– А когда мы отдадим Счастливику? – спросила Варя, вылезая из чулана.

– Осенью, – сказал папа. – Когда вы пойдёте учиться.

– Я буду скучать по нему...

– Я тоже, – сказал папа. – Но мы будем часто навешать его.

– Да, – вздохнула Варя. – Но это не то...

– Знаешь, возможно, нам и не придётся его никому отдавать, – неожиданно сказал папа. – Возможно, он останется здесь, на даче. Хотя, конечно, в любом случае, мы не сможем с ним повозиться.

– Как это? – удивилась Варя.

Я пока не уверен, – уклончиво ответил папа. – Давай подождём ещё немного. А пока, не желаешь ли ты сыграть в бадминтон?

– А как же твоя книжка? – спросила Варя.

– Никак не могу настроиться, – ответил папа. – Нужно передохнуть. Устрою себе выходной!

Он снял со стены ракетки, и они спустились вниз. – Готова? – спросил папа, стоя на краю газона.

– Готова! – задорно откликнулась Варя, крепко сжимая слишком большую для неё ракетку.

– Только, чур, не жульничать как в прошлый раз!

– Это ты жульничал в прошлый раз ты!

– Странно, странно, – сказал папа. – Я определённо помню, что это был кто-то небольшого роста в светлом платии-

це...

– Ну и что, – запальчиво ответила Варя. – За то ты длиннее, поэтому мне можно!

– Тогда держись! – сказал папа и подкинул воланчик в бездонное небо.

Глава 28

– И что же было дальше? – спросила Варя. – Ему удалось выбраться наружу?

– Разумеется, – ответил папа, наливая себе ещё одну чашку чая. – Ты же знаешь, что мистер Брэйв никогда не теряет самообладания.

– Но как же он смог выбраться из глубокой ямы полной змей? – спросил Серёжа. – У него же не было верёвки!

– У него было нечто лучшее, – сказал папа, загадочно улыбаясь.

– Что же?

– Змеи...

– Змеи?

– Да, змеи. Дождавшись ночи, Мистер Брэйв хладнокровно сплёл из уснувших змей прочный канат и забросил его как лассо на куст, росший на краю той ужасной ямы, и выбрался по нему наружу, и как раз успел к утреннему чаю!

– Вот это да! – воскликнули ребята. – Здорово.

– Да, – кивнул папа. – Мистер Брэйв может найти выход из любой ситуации, потому что он всегда сохраняет хладнокровие. Но, дорогие мои, уверяю вас, что это было не самое его опасное приключение.

– Что же может быть хуже огромной ямы со змеями?

– Львы, – ответил папа. – Страшные африканские львы, к

которым он однажды едва не угодил в лапы.

– Расскажи, пап, – умоляюще попросила Варя. – Пожалуйста!

– Что ж, – сказал папа, глянув на часы. – Пожалуй, у нас есть ещё немного времени.

Он откинулся на стуле и прикрыл глаза.

– После Южной Америки, мистер Брэйв направился в Африку. Во время плавания ничего интересного не произошло. Их корабль дважды попадал в страшный шторм и один раз едва не был захвачен пиратами, но для такого опытного путешественника, каким был мистер Брэйв, это было настолько ничтожными событиями, что он едва обмолвился о них в своём дорожном дневнике. В дни ураганов, он написал, что было «немного ветрено», а после 6 часового боя с пиратами, во время которого на обоих кораблях бушевал пожар, и из-за дыма не было видно дальше вытянутой руки, он отметил, что день выдался «жарче обычного и немного туманный». «Немного туманный», вы представляете! Железные нервы.

Так вот, по прибытию в Кейптаун, мистер Брэйв немедленно направился вглубь страны, намереваясь пересечь всю Африку и выйти к Нилу, чтобы затем, добравшись по нему до Каира. Эту часть его приключений вы уже знаете. Как я уже говорил, несмотря ни на какие обстоятельства, мистер Брэйв каждый день пил чай, по пять чашек, а если день был хмурым, то он устраивал чаепитие дважды, и ничто не могло от-

влечь его от этого занятия. Однажды, в их лагерь забрёл слон и растоптал все их палатки и разогнал носильщиков, которые в ужасе попрятались в ближайших кустах, но, странное дело, он обошёл стороной преспокойно сидящего прямо перед ним мистера Брэйва, преспокойно потягивающего свою четвёртую чашку чая за бамбуковым столиком. Даже слон понимал, что ему не стоит беспокоить такого отважного человека. Однако, африканские львы имели на этот счёт особое мнение. Они не раз пытались напасть на лагерь, но там было слишком много людей и они только недовольно рычали, прохаживаясь вокруг лагеря жаркими африканскими, до смерти пугая носильщиков и проводников, но, нисколько не беспокоя мистера Брэйва, который, напившись чаю, спал как убитый и по его собственному признанию все годы странствий не видел ни одного сна.

– Поразительно, – сказала мама. – Мистер Брэйв просто уникальный человек. Столько путешествовать и при этом совершенно не видеть снов, это нечто!

– Это полностью компенсировалось по его возвращению домой, – ответил папа, на мгновение приоткрыв глаза и нащупывая на столе свою недопитую чашку чая. – В родной Англии он каждую ночь до самого конца своей долгой жизни, видел необычайные сны, полные звуков, цветов и невероятных сюжетов. У него даже была серия книг – «Сны об Африке», которая пользовалась большим успехом. Но как бы то ни было, в самой Африке. Снов он не видел и вставал

утром бодрым и отдохнувшим и слышать ничего не хотел о львах. После того, как он попил чаю на краю водопада Виктория, его отряд двинулся дальше, вглубь Чёрного континента и на какое-то время, львы, казалось, отстали. Что, впрочем, не сделало их экспедицию мене опасной, так как помимо львов, по следам группы шли гиены, чей отвратительный ночной хохот казался многим хуже львиного рычания, а днём, они не раз натыкались на слонов и носорогов, которые, испугавшись, становились крайне опасными. Но все опасности и лишения путешествия, казалось, нисколько не отражались на мистере Брэве и на его привычках. Он всегда был подтянут, бодр и на чём то сосредоточен. Такая малость как лихорадка или многодневная жажда не могли омрачить его хорошего настроения и его небольшой отряд, который за время пути уменьшился с 15 человек до 6, ведомый своим непреклонным лидером, продолжал свой путь и под палящим солнцем и под проливным дождём.

– А питоны, – спросил Серёжа. – Там были питоны?

– Конечно, – кивнул папа. – Конечно же, там были питоны. Как-то раз один из проводников был схвачен одним из них в кустах неподалёку от лагеря, и бедняге пришлось бы туго, если бы не находчивость мистера Брэйва. Вместо того чтобы пытаться разжать мёртвую хватку гигантской змеи, которая обвила своими кольцами несчастного проводника, он преспокойно сорвал охапку сухой травы, свернул её на подобие жгута и поджёг, приложив тлеющий пучок к хво-

сту удава. Понятное дело, что змея ослабила хватку и бедняга смог убраться восвояси, в то время как разгневанный питон, остался с глазу на глаз с мистером Брэйвом, намереваясь сделать его своей новой жертвой. Но питон плохо знал, с кем он имеет дело. Не поддаваясь панике, храбрый путешественник медленно отступил за небольшое дерево, а когда питон бросился на него, схватил его за хвост и быстро привязал к стволу! Привязанный хвостом к дереву, питон разом успокоился и стал спокойным как обычный уж. Прибежавшие на шум носильщики уже собрались убить огромную змею и сделать из её кожи огромную сумку, когда мистер Брэйв вмешался и сказал, что питона нужно отпустить, и что он не виноват. Он лишь охотился ради своего пропитания и бедняка проводник случайно оказался рядом. Мистер Брэйв немного поговорил с питоном (а после того случая с ямой полной змей, в которую его сбросили туземцы с берегов Амазонки он немного понимал язык змей) и питон пообещал путешественнику больше никогда не нападать на людей. Мистер Брэйв отвязал неудачливого удава и накормил его, после чего тот уполз обратно в джунгли и как говорят, действительно никогда больше не нападал на путешественников, а лишь клянчил у них сгущёнку и пряники – то, чем его накормил в тот день благородный мистер Брэйв.

– А разве удавы едят сгущёнку? – удивилась Варя.

– Они её обожают, – заверил Варю папа. – Просто никому никогда не приходит в голову угостить их. Большинство

людей боится змей, и считает их злыми, но это не так. Большинство змей добрейшие существа и просто боятся, что на них наступят. И они очень не любят, когда их пытаются взять в руки. Такая фамильярность страшно их раздражает и в такие моменты они вполне могут укусить. Они чем-то похожи на кошек – такие же маленькие, гордые и всегда готовые за себя постоять.

Папа закинул ногу на ногу и продолжил свой рассказ.

– Одной тёмной безлунной ночью, львы, которые давно не давали о себе знать, видя, что число путешественников заметно уменьшилось, внезапно напали на лагерь. Перепуганные проводники и носильщики пустились наутёк и еле унесли ноги, до самого утра отсиживаясь на деревьях, а когда утром вернулись в разгромленный лагерь, то обнаружили, что мистер Брэйв исчез вместе со своей палаткой. Они направились было по следу, но вскоре, наткнувшись на группу львов в густом кустарнике, которая вела себя крайне агрессивно и решили, что идти дальше слишком опасно. Надо сказать, что мистеру Брэйву постоянно не везло с носильщиками, которые вечно бросали его при первой же опасности. Так случилось и в этот раз. Решив, что мистер Брэйв съеден львами, оставшиеся участники экспедиции собрали уцелевшие вещи и ушли подальше от страшных хищников. Но, как вы понимаете, мистер Брэйв не погиб. Во время царившей ночной суматохи, он преспокойно спал в своей старой, доброй, наглухо зашнурованной походной палатке, и ни крики

его товарищей, ни рычание львов не могли потревожить его. Ткань палатки оказалась настолько крепкой, что львам не удалось разорвать её и тогда, они решили утащить её вместе с собой и дожидаться, когда мистер Брэйв сам выйдет наружу. Они протащили палатку вместе со спящим путешественником несколько сот метров, к густому кустарнику в котором они скрывались от дневной жары и устроились вокруг неё, в ожидании обеда... Проснувшись тем утром, мистер Брэйв был слегка озадачен тем, что его палатка стояла криво, и не было слышно разговоров носильщиков. Приоткрыв небольшое окошко в палатке, он увидел 7 голодных львов, которые лежали вокруг, явно готовясь к сытной трапезе. Любой другой, оказавшись в такой ужасающей ситуации был бы напуган до смерти, но только не мистер Брэйв.

«Что ж, – решил он. – У меня есть немного чая и вода в большой походной фляге, и я могу прекрасно напиться чая в чудесной компании африканских львов. Когда ещё мне представится такая возможность?»

Сказано-сделано, мистер Брэйв развёл крохотный огонь в своём походном пробковом шлеме, вскипятил воду и стал пить чай, приветливо болтая со львами. Грозные хищники недоуменно переглядывались и не понимали, почему этот странный человек не кричит и не плачет, и не зовёт никого на помощь, а спокойно пьёт чай и ведёт с ними светскую беседу. Между тем, напившись чаю, мистер Брэйв принялся читать книгу, которую читал на ночь и время пролетело

для него совершенно незаметно. Под вечер, храбрый путешественник вновь вскипятил чай и поужинал им. Взбешённые львы были вне себя и вновь попробовали разорвать палатку, но им это не удалось. Только один, самый хитрый и старый лев, просунул лапу в крошечное окошко и хотел схватить мистера Брэйва, но тот, с присущим ему хладнокровием, вылил ему на лапу чашку кипятка и тот с завываниями умчался прочь. К концу третьих суток, когда у мистера Брэйва осталось воды только на одно чаепитие, у палатки оставалось всего два льва, которые твёрдо решили, во что бы то ни стало дожидаться упрямого путешественника. Одним из этих львов, был тот старый хитрец с обожжённой лапой, который очень хотел поквитаться с мистером Брэйвом. Другой был совсем молодым львом, и ему просто было ужасно любопытно посмотреть на человека, который совершенно не боялся львов. Оба льва сидели подле друг друга и терпеливо дожидались мистера Брэйва и тот, попивая свой последний чай, понял, что пора действовать. Улучив момент, он высунул наружу руку и подобрал с земли несколько небольших камней. Затем, когда сумерки стали сгущаться, он бросил через окошко один из камешков в спину старого льва. Тот подпрыгнул от неожиданности, но оглядевшись вокруг, никого не увидел и с недовольным ворчанием посмотрел на молодого льва, решив, что это его проказы. Однако молодой лев и в мыслях не держал ничего подобного, и старый лев снова уселся на своё место, прямо напротив выхода из палат-

ки. Вскоре, новый камушек незаметно вылетел из окна, но в этот раз, мистер Брэйв метил в молодого льва, который тоже обиженно зарычал и завертел головой в поисках виновного. Но никого, кроме старого льва рядом не было. Львам было невдомёк, что это мистер Брэйв кидал в них камушки, потому что в сумерках было совершенно невидно, откуда они прилетели. После третьего камушка, старый лев окончательно рассвирепел и ударил молодого, потому что был в полной уверенности, что это его проделки. Но и сам молодой лев, к тому времени, уже был порядком зол на старого льва, которого, он, в свою очередь считал виновником.

«Если он думает, что я ещё слишком молод и меня можно запросто обидеть, – подумал молодой лев, – то старик сильно ошибается! Я живо отучу его от таких шуточек!..»

Оба льва сцепились в клубок и покатались куда-то в сторону, яростно рыча и поднимая облако пыли. Пользуясь этим, мистер Брэйв, выбрался из своей палатки, зашагал в противоположную сторону, не забыв прихватить с собой чай, флягу и спальный мешок. Когда львы опомнились и, залезывая ссадины и царапины, вернулись к палатке, то обнаружили что из неё идёт дым, как если бы мистер Брэйв вновь кипятил себе воду для чая. Львы снова уселись у входа и принялись ждать, не подозревая того, что находчивый путешественник, перед тем как покинуть свою палатку, просто-напросто зажёг остатки своей книги в своём походном шлеме, и заставил их таким образом поверить, что он всё ещё там.

– Молодчина этот мистер Брэйв, – восхищенно сказал Серёжа.

– Да, – согласился папа. – И мистер Брэйв не был бы мистером Брэйвом, если бы он, едва найдя небольшой ручей, тут же сел и приготовил себе чай и преспокойно выпил свои положенные 5 чашек неподалёку от того места, где два голодных и израненных льва, сидели и ждали его появления, чтобы съесть! Он даже иногда слышал их недовольное ворчание, но эти мелочи не помешали ему, насладится вкусом его любимого напитка. Закончив пить чай уже в полной темноте, он добрался до ближайшей рощи и устроился на ночлег на развилке дерева, а на следующий день, рано утром, отправился дальше.

– А что же стало со львами? – спросила Варя. – Они долго сидели у палатки?

– Они сидели ещё целые сутки, – засмеялся папа, – и только после этого, старый лев почуял неладное, и осторожно заглянул в палатку. К его несказанному разочарованию, она оказалась пуста, и это настолько потрясло старика, что его, на нервной почве, разбил ужасный радикулит, и он не смог устроить погоню. Что же до молодого льва, то он оказался умнее своего старшего собрата и понял, что ему не под силу тягаться с таким отважным и изобретательным человеком. Мистер Брэйв же, добравшись до первой деревни, нанял новых проводников, сделал новую палатку, ещё крепче и надёжнее предыдущей, и продолжил своё путешествие.

– Я тоже хочу путешествовать по Африке, как мистер Брэйв, – заявила Варя.

– Что ж, – сказала папа, потягиваясь. – Это не так трудно, как может показаться. Но ты уверена, что ты не испугаешься львов?..

Варя задумалась, но потом просияла.

– Я возьму Степашку! Он их прогонит!

– О, тогда другое дело, – засмеялся папа. – Степашка, ты не прочь прокатится в Африку?

Степашка сонно посмотрел на папу и снова уснул.

«Подумаешь, львы... – подумал храбрый пёс. – Это же просто большие кошки, а я – собака... Конечно же, я их прогоню... Если, конечно, меня будут хорошо кормить, например сосисками...»

Глава 29

Четвёртый день шёл дождь, и Варя с Серёжей изнывали от скуки, слоняясь по дому без дела. Они уже переделали все дела и устали от настольных игр. За окном, под серым небом, кис мокрый газон, и красные яблоки изредка шлёпались в лужи с отяжелевших ветвей яблонь. Лето заканчивалось и с ним, уходила пора веселья.

– Так в школу не хочется, – сказал Серёжа, уткнувшись лбом в оконное стекло.

– И мне, – вздохнула Варя.

– Почему каникулы такие короткие, а учиться нужно так долго? Это несправедливо!

Варя снова вздохнула и покосилась на Степашку, который все четыре дня занимался важным делом – крепко спал.

– Хорошо Степашке, – сказал мальчик, тоже бросив взгляд на Стёпу. – Ему всю осень спать можно и зиму, а у нас всего несколько дней осталось, а тут дождь! Несправедливо!

Варя в третий раз скорбно вздохнула. До этих дождливых дней, ей казалось, что до конца лета ещё очень далеко, а теперь, глядя на затопленные дорожки и дождевые капли на стекле, она поняла, что всему приходит конец и этому лету тоже.

– Мама сегодня вернётся? – спросила она брата.

– Да, – кивнул он, – она уже звонила папе, сказала, что всё

прошло очень хорошо, что всё приняли самым наилучшим образом.

– А как это? – лениво спросила Варя, что бы хоть что-то спросить.

– Это когда всё хорошо, – ответил брат. – И целое лето впереди...

– Грустите? – послышался папин голос из прихожей. Было слышно, как он снимает свой дождевик и резиновые сапоги. Потом его смеющаяся голова просунулась в дверь.

– И напрасно! Дождь, это же замечательное время.

– Почему? – вяло спросил Серёжа. – По-моему, дождь это плохо. Нельзя долго гулять, всё мокрое и холодно. Что хорошего в дожде?

– Ну, во-первых, – сказал папа, с улыбкой прохаживаясь по комнате и потирая руки, – можно как следует выспаться!

– Неинтересно... – сказали ребята. – Мы не хотим спать.

– Во-вторых, – продолжил папа, – можно и нужно делать горячий шоколад и пить его в больших количествах.

– Шоколад?! – обрадовалась Варя. – Это я люблю!

– В третьих, – сказал папа, – мы можем... отметить Новый год!

Ребята в изумлении уставились на папу разинув рот.

– Новый год?! Летом?!

– Почему нет, – беспечно улыбнулся папа.

– Класс! – сказал Серёжа.

– А подарки будут? – спросила Варя.

– Разумеется будет, – сказал папа.

– И ёлка?

– И ёлка.

– Вот это да! – восхитился Серёжа.

– Так вы согласны? – с невинным видом спросил папа.

– Да!

– Отлично, – сказал он и причмокнул губами. – Тогда, мне будет нужна ваша помощь. Нам нужно наряжить ёлку во дворе, развесить гирлянды и сделать праздничный ужин.

– Вот мама обрадуется, – захлопала в ладоши Варя.

– А чем мы будем украшать ёлку? – спросил Серёжа. – У нас же нет игрушек.

– У нас полно игрушке, – весело сказал папа. – Их только нужно поднять с земли и прикрепить на елку.

– Но что это? – изумились ребята.

– Яблоки, – сказал папа. – Мы украсим елку красными яблоками, они будут вместо шаров, а ещё у нас есть помидоры, огурцы, морковь, перец, груши и даже несколько бананов. У нас будет самая лучшая Новогодняя ель на дачах. На ужин мы приготовим картофельное пюре с тушёной курицей и грибным соусом, испечём кексы по маминому рецепту и запьем всё это горячим шоколадом с мятой. Не исключён фейерверк! Как вам такой план? Устраивает вас?

Ребята переглянулись в немом восторге и дружно закивали головами.

– Вот видите, – сказал папа, – и в дождик можно найти

интересное занятие. Итак, Сергей, лезь наверх и найди на антресолях старые глянцевые журналы. Нам нужны самые яркие обложки, мы вырежем из них флажки и повесим в комнате, я пойду, соберу «ёлочные игрушки» и прикреплю к ним проволочные петли, а потом, мы все вместе займёмся ужином. Варвара, тебе нужно разыскать мамину поваренную книгу с её записями и найти там рецепт кексов. Ты, кажется, уже помогала маме делать их? Отлично. Теперь, ты будешь их готовить, а мы будем тебе помогать. И не забудьте про подарок маме! Тут вы должны сами подумать. Сколько у нас времени?

– Сейчас половина второго, – сказал Серёжа.

– Более чем достаточно, – сказал папа, – но, расслабляться не стоит. Мы должны быть полностью готовы к приезду мамы. Она будет около 9 вечера. Управимся?

– Управимся.

– Тогда, за дело. И, да, чуть не забыл – продумайте, в чём вы выйдете к праздничному столу, потому что сегодняшним вечером всё должно быть идеально, так, как любит наша мама.

Дети кивнули и все принялись за дело. Вскоре, дом наполнился шорохом разрезаемой бумаги, смехом, суматошной беготнёй из комнаты в комнату и прочими безоговорочными признаками надвигающегося праздника. В процессе подготовки, у ребят появлялись всё новые и новые идеи, и, в какой-т момент, им пришлось обуять свою фантазию, пото-

му что идея костюмированного бала, как она ни была притягательна, требовала значительно большего времени.

– Ничего, – говорил папа, ловко вырезая снежинки и наклеивая их на окна. – В следующий раз, мы всё подготовим заранее. Мы будем отмечать Новый год каждое лето. Нет, каждый месяц! Каждую пятницу!

– Пап, а может Новый год два раза в год и так достаточно? – говорил Серёжа, надевая разноцветные флажки на длинную бечёвку.

– Тогда мы можем отмечать что-то ещё, – не унимался папа. – Скажем, День Спасения Счастливики, Полдень Лета, Крапивную Среду или Канун Полной Луны. На свете множество самых удивительных праздников, которые мы ещё не придумали!

– А что нужно делать в Крапивную Среду? – спросил Серёжа.

– Бегать босиком по крапиве, – сказал папа, хохоча.

– Ой, нет, я не хочу бегать по крапиве босиком, – сказала Варя. – Она стрекучая!

– Тогда, – сказал папа, – мы можем отметить Морковный Четверг или Клубничную Субботу. А ещё, когда мы с мамой были ещё совсем молодыми, мы отмечали Пельменный день. Это было чудесно! Мы ели пельмени на завтрак, обед и на ужин. На гарнир мы готовили вареники с картофелем, а на десерт с вишней. Пальчики оближешь!

– Пап, а что ты подаришь маме?

– Корону, – буднично ответил папа.

– Корону?!

– Да, – сказал он. – Я сделал для мамы корону. Правда, я начал делать её месяц назад, но, так совпало, что она как раз готова.

– Так вот что ты выпиливал вечерами лобзиком в сарае, – сказал Серёжа.

– Тссс! – сказал папа. – Это всё ещё секрет. Вдруг нас подслушивают?

– Кто? – спросила Варя, понизив голос.

– Дождь, – шёпотом сказал папа. – Дождь страшный болтун. Вы не замечали?

Варя замотала головой.

– Он может болтать без умолку целыми днями и стоит ему только рассказать что-то, как он тут же разнесёт это на всю округу. Странно, что вы не замечали. А вы уже придумали, что подарите?

– Я вышью маме цветочки, – сказала Варя. – Они уже почти готовы, только листики остались доделать.

– А я ещё не придумал, – грустно сказал Серёжа. – Ничего в голову не приходит.

– Не переживай, – сказал папа, – у нас масса времени. Так, я думаю, здесь мы закончили, пора перебираться на кухню. Только поднимусь, проверю Счастливчика и сразу приду к вам. Впрочем, он четвёртый день только спит и ест, так же как его дружок. Степашка, пойдёшь с нами на улицу?

Степашка поднял от пола всклокоченную ото сна голову, сонно посмотрел на папу, звучно зевнул и снова впал в спячку.

– Так я и думал, – сказал папа. – Что ж, вперёд, на кулинарные подвиги!

Пока Серёжа чистил картошку, папа быстро разобрался с курицей и поставил её в духовку. Правда, вместе с подносом с курицей в печку попало и полотенце, которое вскоре наполнило кухню дымом, но это были мелочи.

– Всё равно оно было старым, – уверенно сказал папа, выкидывая тлеющее полотенце на улицу и открывая окошко. – От старых вещей нужно избавляться. Иначе они заполнят всю вашу жизнь и не дадут вам двигаться вперёд! Только не говорите маме...

Когда дым немного рассеялся, весёлая тройца, приступила к изготовлению кексов и тут дело сразу пошло не так гладко.

– Сколько я положил стаканов муки? – спросил папа Серёжу.

– Я не знаю, – ответил тот. – Я не считал.

– Хм, – сказал папа. – Беда в том, что я тоже. Как же нам теперь это понять?

– Давайте всё сделаем заново? – предложила Варя.

– Отличная идея, – сказал папа, – так мы и поступим. Точнее, поступили бы, если... Словом, у нас осталось только одно яйцо в запасе и мы не можем начинать заново.

– И что же делать? – спросил Серёжа.

– Можно попробовать собрать муку столовой ложкой обратно в стаканы, и посмотреть, сколько я уже положил, – предложил папа. – Что скажешь, главный кондитер?

Варя пожала плечами.

– Придётся...

Они принялись пересыпать муку обратно, и им показалось, что папа положил на один стакан муки больше.

– Хорошо, что я ошибся, – радовался папа. – Иначе как мы бы узнали, что я ошибся до этого?

Варя покачала головой. Её кулинарный опыт был невелик, но она понимала, что когда муку перекладывают по несколько раз туда-сюда, ничего путного из этого выйти не может.

– Так, теперь сахар, – сказала Варя.

– Но я уже положил сахар, – сказал папа. – В самом начале. Стоп. Получается, что то, что мы приняли за муку, был сахар и на самом деле, я не клал лишний стакан муки, а положил сахар, следовательно, мы должны положить ещё один стакан муки, который мы не положили... или сахара... Что-то я запутался.

Варя окончательно расстроилась, совершенно уверенная, что тесто не получится.

– Делать нечего, – сказал папа. – Мы будем пробовать тесто на вкус и, если оно вкусное, то и кексы должны получиться вкусными. Это же так просто, почему мы сразу так не сделали?

Он размешали массу, и выжидающе посмотрел на Варю. Та обмакнула указательный палец в тесто и старательно облизала.

– Ну как? – спросил он. – Вкусное?

– Не очень, – сказала Варя. – Не сладкое.

– Добавим сахар, – сказал папа.

После этого, тесто стало сладкое, но слишком густое, а после, когда они добавили молока, и жидкое и невкусное.

– Так мы никогда не испечём кексы, – сказал папа, глядя на полную густой массы миску. – Надо что-то решать.

– А может, прямо так оставим, – предложил Серёжа.

– Гениально! – сказал папа. – Только добавим какао и немного мёда. Где формы?

Они залили злополучное тесто в формочки, а оставшуюся часть папа вылил в форму для пирога.

– Какая разница, – сказал он. – Будет ещё один большой кекс. Что в этом плохого? Большие кексы, это очень модно сейчас.

Варя уже не вздыхала, а просто грустно провожала взглядом скрывшиеся в электропечи заготовки. «В следующий раз, – решила она, – я всё буду делать одна. Мужчины, что они могут понимать в выпечке?!»

– Так, – сказал папа, оглядываясь. – Курица готовится, картошка включена, осталось только всё это убрать, вымыть пол и стереть муку со стола. И со стен... И со шкафа... Да и с лампы, пожалуй, тоже. А потом можно наряжать ёлку.

В шесть рук они быстро прибрались. (Правда, в процессе уборки, папа опрокинул на пол открытую пачку какао-порошка, а потом сел на открытую маслёнку, которую снял со стола, чтобы его протереть, но это были детали, к которым все уже привыкли.) Закончив, они надели дождевики, так как снег, т.е. дождь, полил с удвоенной силой, взяли таз с игрушками и отправились наряжать ёлку.

– А мы повесим на неё гирлянды? – спросила Варя, готовясь повесить огурец на мохнатую ветку.

– Боюсь нет, – сказал папа, прикрепляя яблоко. – Во первых их у нас их нет, а во вторых, из-за дождя лампочки всё равно бы не стали работать.

– А как же мы тогда увидим нашу ёлочку? – поинтересовалась Варя. – Тут совсем темно и дождик.

– Об этом я не подумал, – признался папа и рассеянно откусил кусок от ёлочного украшения. – Какие вкусные шары! Так, я придумал. Снимайте то, что вы успели повесить и за мной.

Ребята послушно сняли свои фрукты и овощи и устремились за папой, который обогнул дом и остановился у небольшой рябины.

– Вот наша ель! – сказал он, торжественно указывая рукой на рябину.

– Рябина? – изумился Серёжа.

– А так можно? – спросила Варя.

– Это же летний Новый год, а не зимний, – сказал папа. –

Рябина отлично подходит, она яркая и нарядная. И главное, посмотрите, как хорошо её освещает уличный фонарь? А вот и окно кухни, откуда мы сможем на неё любоваться. Говорю вам, это то, что нужно.

Ребята ещё раз придирчиво осмотрели рябину, которая действительно была очень нарядной в свете фонаря и согласились. Через десять минут, дерево увешанное яблоками, огурцами, жёлтыми перцами, грушами, бананами и собственными пунцовыми ягодами, переменялось до неузнаваемости, и папа сам ахнул от удивления, увидев, каким красивым оно стало.

– Изумительно! – сказал он. – Просто изумительно! Что скажете?

– По-моему, здорово, – сказал Серёжа.

– Да, – сказала Варя, глядя на невероятное сочетание плодов на ветвях. – Мне нравится!

– Значит и маме понравится, – подытожил папа. – Осталось только прикрепить макушку.

Он забежал на кухню и вернулся с дуршлагом в руке, который и водрузил на верхушку рябины. Покрытый каплями дождя и освещённый ярким светом, дуршлаг ярко засеребрился наверху Новогодней рябины.

– Можно идти в дом и сушиться, – сказал папа, радостно хлопая в ладоши. – Я только гляну, как там наша курица и приду к вам.

Ребята забежали домой, сбросили мокрые дождевики и

сели у камина, который Серёжа быстро разжёл. Варя поднялась наверх и взяла Счастливого, который как раз проснулся и был рад немного повозиться. Они сели у огня вчетвером (потому что, как вы понимаете, Степашка, первым занял лучшее место у огня и, жмурясь, смотрел на него, словно он снова жил в пещере с первобытными людьми) и принялись болтать.

– Прямо как Новый год, – радовалась Варя, спешно вышивая последний листик на платочке для мамы.

– А у меня нет подарка, – расстроился Серёжа. – И времени уже почти нет.

– А ты просто напиши что-нибудь маме, – подсказала Варя. – Я всегда так делаю, если у меня ничего нет.

– А это идея, – сказал мальчик. – Только у меня нет открытки.

– Фи! – сказала Варя. – Я всегда сама делаю маме открытки. У папы есть цветная бумага наверху и клей, а ножницы лежат в серванте.

Серёжа вскочил на ноги и бросился готовить подарок, а Варя, закончив вышивать, прижала к себе Степашку и Счастливого, и как-то незаметно задремала. Когда папа и Серёжа вошли в комнату, все трое спали на ковре у камина, и самозабвенно сопели, пригревшись у огня.

– Идиллия, – сказал папа. – Пусть спят.

– Мама скоро будет? – спросил Серёжа.

– Через час, – сказал папа. – Мы отлично управились, точ-

но в срок.

– Здорово ты придумал, пап, – сказал мальчик. – Я бы так не смог.

– Кто знает, на что ты способен, – сказал папа. – Просто нужно не подаваться обстоятельствам и во всём видеть хорошее.

– Во всём во всём? – удивился мальчик.

– Во всём во всём, – ответил папа. – И тогда всё будет хорошо, что бы ни случилось.

Полено в камине сухо выстрелило, и Счастливчик сонно поднял голову и посмотрел на них. Его золотисто-изумрудный мех сверкал в свете пламени и глаза отражали огонь. Видя, что всё спокойно, он снова лёг, обняв лапками Варину руку и снова уснул.

– Пойдём, – тихо сказал папа, – посмотрим наши чудовищные кексы, они должны уже подойти.

– А фейерверк будет? Ты обещал!

– Я сказал, возможно, будет. И он, действительно, возможно, будет, если бумага успеет высохнуть.

– Бумага? – удивился мальчик. – Какая?

– Всеми своё время, – сказал папа. – Пойдём, не хватает только что бы они ещё и подгорели.

Глава 30

– Я нашёл только пять свечей, – оправдывался папа, – но, если света мало, то можно зажечь керосиновую лампу.

– Боже, нет, это восхитительно! – говорила мама, не зная куда смотреть, то ли на праздничный стол, освещённый свечами, то ли на парадно одетых ребят, застывших у него, то ли на необычайное дерево, сверкающее в каплях дождя за окном.

– Это просто невероятно! – сказала она. – Как вам такое пришло в голову? Новый год летом!

– Это всё папа, – сказала Варя. – Это он придумал.

– Да, – подтвердил Серёжа. – С Новым Годом!

Он протянул маме огромную открытку, сделанную из нескольких листов бархатной бумаги и бумажную розу.

– С Новым Годом, мамочка! – сказала Варя, передавая свой подарок.

– С Новым Годом, моя дорогая! – сказал папа, одевая маме на голову изящную резную корону, необычайно искусно выпиленную из фанеры и покрытую золотой краской. На вершине каждого зубчика короны блестело по крупному «алмазу», в которых, опытный взгляд мог узнать тщательно отполированные стеклянные подвески от старой люстры. Вконец растроганная мама не знала, что сказать.

– Спасибо вам, мои хорошие! Дайте я вас всех расцелую.

Стёпа и Счастливчик внимательно наблюдали всё сцену со своего кресла в углу. У каждого из них на шее был повязан красный бант, и оба (дело рук Вари) вкусно пахли папиным одеколоном, и то и дело фыркали и чихали. Для них тоже были заготовлены подарки, две крупные мытые моркови и два больших куса сыра лежали тарелке на столе и оба товарища, чуя лакомство, перетапывались на месте, но в целом, вели себя прилично, как и подобает вести себя воспитанным членам семьи.

– Но рябина! Почему рябина? – не переставала изумляться мама.

– Тебе не нравится? – спросил папа.

– О, нет, напротив, – сказала мама. – Это чудесно, просто чудесно! Варе обязательно нужно будет нарисовать это дерево, и эта картина украсит наш дом. Столько красок!

– А как тебе подарки?

– Они замечательные. Столько тёплых слов в открытке, и роза, и этот чудесный платочек и КОРОНА. Получается, сегодня я ваша королева?

– Ты всегда наша королева, – галантно ответил папа.

– В таком случае, – величественно сказала мама, – прошу всех к столу. И, раз уж на то пошло, у меня тоже есть кое-что для вас.

Мама порылась в большой сумке и вытащила три свёртка.

– Это вам.

– В честь чего? – удивился папа.

– В честь Нового Года конечно! – засмеялась мама.

– Но как ты узнала?

– Просто решила вас побаловать в честь успешного окончания моей работы. Ну, открывайте скорей!

Троица зашуршала бумагой и вскоре, папа примерял модный шёлковый галстук, Варя чудесные ботиночки с порхающими бабочками, а Серёжа, рюкзак, точь в точь такой, о котором он давно мечтал.

– Ну, настоящий Новый год! – всё повторяла Варя, садясь за стол. – Совершенно настоящий!

Двое на кресле стали проявлять признаки нетерпения, видя, что о них забыли. Стёпа тихонько заскулил, а Счастливчик, стал дёргать свой бант и подпрыгивать на месте. Мама протянула им их угощение и они (на всякий случай, отвернувшись друг от друга), принялись за него, весело хрумкая и причмокивая. Курица удалась на славу, и картофельное пюре было воздушным и нежным.

– Просто пальчики оближешь! – говорил папа, накладывая себе вторую порцию.

– Не очень то вежливо нахваливать то, что сам приготовил, – сказала мама. Она была в приподнятом настроении и вся лучилась счастьем. Она приехала прямо с презентации, и корона очень шла к её простому, безупречно подобранному платью жемчужного цвета платью.

– Это был коллективный труд, – оправдывался папа. – Все приложили руку к этому творению.

Потом он испуганно замахал руками.

– Уж не хотите ли вы сказать, что это блюдо не угодно Вашему Королевскому Величеству? – произнёс он с тревогой в голосе.

– Угодно, – милостиво сказала мама. – И весьма. Мне кажется или пахнет горелым?

Папа бросил вилку и нож и бросился сломя голову в закуток, где стояла плита. Мама вопросительно посмотрела на ребят.

– Кексы... – сказал Серёжа. – Папа забыл про кексы...

– Не забыл, а поставил подогреть, – донеслось из-за стены. – Но, кажется, мы потеряли только один из них. ..

– Кто же испёк кексы? – удивилась мама. – Неужели Варя?

Варя неохотно кивнула головой. «Теперь, если кексы будут невкусными, все подумают, что это я виновата, – подумала она. – Это нечестно...»

– Какая ты умничка, – сказала мама. – И какой замечательный запах. Знаешь, когда я сама испекла свои первые кексы, они был похож на подгоревшие котлеты и пахли ужасно. Мне тогда помогал мой папа, и мы так и не решились угостить ими маму и просто выкинули их тайком.

– Мне тоже помогали, – сказала Варя, чуток осмелев. – Папа и Серёжа.

Папа внёс кексы и поставил их на стол.

– Ну как? – спросил он.

– Пока не знаю как на вкус, но пахнут они очень аппетит-

но, – сказала мама, оглядывая их. – И какие пышные! Вы делали по моему старому рецепту?

– Не совсем, – уклончиво ответил папа. – Мы немного... пофантазировали.

– Ага, – сказала мама, испытующе глядя на невинные лица троицы, – пофантазировали... Хорошо, фантазёры. Только вы забыли вытереть муку с фотографий. Могу себе представить, что тут творилось!

– Вряд ли, – усмехнулся папа. – Но подожди попробовать, я ещё не принёс горячий шоколад.

– Горячий шоколад, – сказала мама. – Да у нас пир горой!

– Новый год бывает не так уж часто, – сказал папа. – Даже у нас...

Когда шоколад был разлит по чашкам, мама взяла один из кексов и, под трепетными взглядами поваров, откусила небольшой кусочек.

– Вкусно? – не выдержала Варя.

– Очень необычно, – сказала мама, откусывая второй кусок. – И очень вкусно.

– Ура-а-а! – закричали все.

– Я скажу больше, вам обязательно нужно записать этот рецепт, если вы, конечно, помните...

– Я думаю, мы сможем восстановить хронологию, – сказал папа, отрезая громадный кусок от большого кекса.

– Ого, – сказал Серёжа. – Такой большой!

– А что, – сказал папа. – По храбrecу и награда. Хочешь

такой же?

– Конечно!

– А ты Варвара?

– Нет, – замотала головой Варя, глядя на маму. – Я маленькие буду, как мама.

– Ой, что это? – вдруг сказала мама, вынимая изо рта пуговицу.

– Ага, – закричал папа. – Вот и победитель!

– Какой победитель? Чего победитель? – спросили ребята.

– Победитель нашей новогодней лотереи конечно, – сказал папа.

– Так это...

– Да, это положил пуговицу в тесто, – сказал папа. – Это старый обычай, вы, что, не знали?

– А если бы я её проглотила? – сказала мама, держа в руке большую бирюзового цвета пуговицу.

– Исключено! – отрезал папа. – Я проверял.

– Проверял?! Как?

– Не важно, – замялся папа. – Пуговица совершенно безопасна и она мягкая, чтобы не испортить зубы.

– Господи, – сказала мама. – Я начинаю бояться самых обычных вещей.

– Лучше спроси, что ты выиграла, – сказал папа.

– И что же? Карету?

– Нет, – засмеялся папа, – карету я сделать не успел. – Но, ты выиграла право поджечь новогодний фейерверк. Точнее,

поджечь новогоднюю ракету.

– Вот это да! – закричал Серёжа. – Ракета! А она полетит?

– Должна, – сказал папа.

– Что-то я не уверена, что я рада, – сказала мама. – Ракета... Это не опасно?

– Я все рассчитал, – сказал папа. – К тому же, после таких дождей всё мокрое и она вряд ли сможет устроить большой пожар...

– «Вряд ли»? – переспросила мама. – То есть ты не уверен.

– В космонавтике, – сказал папа, – как и пекарском искусстве, никогда нельзя быть уверенным на 100% что всё пойдёт удачно. Но риск минимальный, я вас уверяю. Да и взрываться там нечему.

– Ну, хорошо, – сказала мама. – Будем считать, что это так.

– Славно, – потёр ладони папа. – Кому ещё шоколада?

Около полуночи, они вышли из кухни. Дождь почти прекратился, только водяная пыль висела в воздухе и капли падали с мокрых деревьев. Стёпа и Счастливчик идти отказались. Они пригрелись вдвоём на кресле и дремали. Счастливчик сонно перебирал шерсть у Степашки и тот дёргал задними лапками, словно чесался. По настоянию ребят, каждый получил по небольшому кусочку кекса и теперь, им было просто лень, куда-либо идти.

– Лежебоки, – сказала мама. – Я даже не могу понять, кто из вас кого портит, Стёпа Счастливчика или Счастливчик Стёпу.

– Оба хороши, – сказал папа, кладя в карман спички. – Идёмте.

– Я ничего не вижу, – сказала мама. – Как я буду поджигать.

– Я посвечу тебе фонариком, – казал папа. – Вот здесь.

Луч света осветил деревянную конструкцию из небольших дощечек. На которую папа установил большую самодельную ракету, сделанную из фольги и селитрованной бумаги. Стабилизаторы были изготовлены из картона и закреплены нитками.

– Это точно безопасно? – волновалась мама, заранее жмурясь.

– Совершенно, – сказал папа. – Но мы все отойдём подальше, под навес...

– Все готовы?

– Да!

– Даю обратный отсчёт! 10!

– А она точно не заденет никого?

– 9!

– Может лучше ты?

– 8!

– Что-то я нервничаю...

– 7!

– Кажется я не смогу...

– 6!

– Нет, я не буду!

– 5!

– Боже мой!

– 4!

– Ещё не поздно отложить эту дурацкую затею!

– 3! – дружным хором прокричала троица.

– Ой, ой, ой!

– 2!

– Мамочки!

– 1!

– НЕТ!

– Зажигание!

Мама щёлкнула колёсиком зажигалки и краешек бумаги, торчавший в хвосте ракеты, вспыхнул, разбрасывая искры.

– Все назад! – сказал папа, но все и так уже были под напором, и первой туда прибежала мама.

Сноп искр превратился в струю ревущего пламени, вырывающегося снизу ракеты, но ракета никак не хотела стартовать, а только ходила ходуном и тряслась. Пламя максимально усилилось, засвистело и вдруг, когда оно уже начало угасать, ракета взмыла в воздух под протяжное ура на земле. Словно комета, она, роняя снопы искр, пронеслась по большой дуге над участком, потом внезапно ускорилась, сделала замысловатый пируэт, свистнула в последний раз и, полностью прогорев, свикировала на крышу дома, откуда скатилась под ноги ребятам, пшикнув и окончательно погаснув в луже на земле.

– А?! – сказал папа. – Как вам?! Не хуже стрижей! Только, конечно, требуется доработка и корректировка веса и, в следующий раз, всё будет гораздо интереснее.

– Без меня, – сказала мама. – Пойдёмте обратно, а то ветер холодный.

– Вы неслись как лань, моя королева... – шутливо сказал папа.

– Не желаю ничего об этом слышать, – отозвалась мама. – Стража, немедленно отведите этого человека на кухню и не спускайте с него глаз!

Серёжа и Варя схватили папу за руки, и повели на кухню.

– Караул! – закричал он в смятении. – Моя королева, я невиновен! Пощады!

Но «стража» была неумолима, и папа был препровождён на кухню, на которой царил полный разгром...

Стол был залит какао, куски кексов валялись на полу, где их доедал Степашка, а главный виновник «торжества», Счастливчик, гордо восседал на папином стуле, держа в каждой лапе по куску кекса. Его живот, грудь и мордочка были перемазаны какао и припорошены сверху сахарным песком из опрокинутой сахарницы. Увидев ребят, он тревожно пискнул с набитым ртом, бросил кексы и прыгнул на кресло. Его сообщник, сразу поняв, что дело принимает дурной оборот, быстро проглотил последний кусок кекса и спрятался под сервантом, поджав уши и хвост. Счастливчик же просто притворился спящим и даже свернулся калачиком, как

он обычно делал, но его челюсти продолжали работать, дожёвывая не проглоченный кекс, а один глаз был приоткрыт.

Папа захохотал первым. Виноватый вид перемазанного шоколадом Счастливи́чика, с сахарными разводами на голове был невероятно комичен и папа никак не мог успокоиться, держась обеими руками за живот. Мама была в гневе, но и она не могла сдерживать улыбки, когда Счастливи́чик, сделав вид что только что проснулся, открыл оба глаза и протянул к ней свои перепачканные лапки, требуя обнять его.

– Безобразие! – говорила она неизвестно кому. – Тут нет ничего смешного! Только посмотри, сколько уборки. И ска-терть, она стала ни на что негодной! И это зелёный поросёнок перемазал кресло и стул!

– И накормил друга, – смеялся папа. – Без помощи Счастливи́чика, ему бы никогда не добраться до кексов.

– Пять минут! – возмущалась мама. – Нас не было всего лишь пять минут и что вы тут натворили?!

Ребята не знали, что им делать. Им обоим было смешно, но они понимали, что это и их вина, нельзя было оставлять малыша одного, рядом с такими лакомствами. Теперь, нужно было отмывать кухню, второй раз за этот день...

– Нужно как то наказать их, – сказала мама.

– Это не их вина, – сказал папа. – Степашка только подбирал то, что ему сбрасывал малыш, а сам Счастливи́чик, просто любопытный зверёк, который любит вкусно покушать. Это моя вина. Малыш так сладко спал, что заморочил мне голо-

ву. Каков хитрец!

– Хорошенькое окончание новогоднего застолья, – сказала мама. – Нет, ну вы посмотрите на этих поросят?!

Степашка, поняв, что угроза миновала, выбрался из своего убежища, залез на кресло и принялся старательно вылизывать Счастливого. Его брови и усы были в шоколаде, а Счастливчик стал буро-зелёным от размазанного по меху какао.

– Так, – сказал папа, беря Счастливого на руки. – Я пойду, вымою его под душем, там, кажется, ещё осталась тёплая вода и выпущу Стёпу. Пусть побегает немного под дождём. Потом я вернусь и мы тут быстро наведём порядок.

– Иди уже, – сказала мама, повязывая поверх платья фартук. – Мы тут сами управимся. Варя, Серёжа, отнесите всю посуду в раковину и снимите скатерть. Я пойду, налью воды и вымою пол. И поставьте чайник, кипяток нам понадобится.

К часу ночи всё сияло. Усталые ребята легли в кровать и хихикали, вспоминая прошедший день.

– Вот тебе и «скукота», – сказал Серёжа. – Такой Новый год получился, не забудешь.

– И мне понравилось, – сказала Варя. – Только жалко мы кексы недоели, они такие вкусные.

– Зато кое-кто другой славно поужинал, – засмеялся Серёжа, и Варя присоединилась к нему.

– Только вот, – спустя какое-то время сказала Варя, – мы

ничего не подарили папе...

– Вот блин! – подскочил на кровати Серёжа. – Точно! Как же так!

– Я забыла...

– И я тоже... Но знаешь, мы обязательно сделаем ему подарок. Настоящий подарок!

– Когда? – оживилась Варя.

– Точно не знаю, – сказал Серёжа, – но скоро. Очень скоро... очень...

– А большой? – спросила Варя, но ответа не было, Серёжа уже спал. Она села в кровати и выглянула в окно. Там, под светом фонаря, сверкало Новогоднее дерево, и Варя счастливо засмеялась.

– Хорошо когда Новый год бывает часто, – сказала она вслух. Потом она легла, повернулась на бок и уснула под шум дождя, который мерно колотил по крыше.

Глава 31

Воздух был чистым и свежим, каким он бывает только осенью, после долгих дождей, когда снова, ненадолго, выглядывает солнце и жёлто-красный лес сияет на фоне поблёкшего неба. Сад уже облетел, но газон ещё был зелен и опрятен, и Степа весело гонял по нему мяч, радуясь прохладе, после долгих месяцев жары. Он оброс и окреп, как всегда за лето, и в его глазах плясали шальные искры, когда он выбегал на переулок в поисках приключений, но, увы, участки пустели и ему лишь оставалось безоговорочно «владеть» пустующими улицами, что он и делал. Они подолгу гуляли теперь с папой, доходя до поля и, даже, иногда пересекая его. До поздней ночи папа что-то делал на втором этаже, шелестя бумагами и стуча по клавиатуре, в то время как Степашка спал внизу, сквозь сон прислушиваясь к завыванию ветра в трубе. Ребята вместе с мамой уехали три недели назад, а папа остался, как он иногда делал, чтобы закончить работу в уединении. В пятницу, они должны были приехать обратно, а в воскресенье, все вместе, окончательно покинуть дачу, уже до следующей весны. Но Степашка не любил думать о плохом. Он радовался каждой минуте на воле, с удовольствием бегая и резвясь, катаясь в облетевшей листве и гавкая на любопытных синичек, которые, как ему казалось, пытались стащить корм из его миски. «Скоро будем тебя стричь! – говорил па-

па, тиская его за уши. – Оброс как дикарь, во дворе не узнают. Линда не узнает! Помнишь Линду? Небось скучает по тебе, разбойнику, а ты тут, грязный как поросёнок роешься в мамином цветнике». Стёпа помнил Линду и при звуке её имени наклонял свою косматую голову в сторону и тихонько скулил. Они любили играть вместе, несмотря на то, что Линда была далматинцем и, иногда, по неосторожности, наступала на Степашку. А вот стричься он не любил. Машинка противно жужжала в ушах, и нужно было долго стоять на столе неподвижно, а после, ему казалось, что он голый и ему было холодно и Аркаша, надменный королевский пудель, будто бы украдкой посмеивался над ним. Нет, определённо лучше всего было целый день валяться на траве и рыть ямы, или просто дремать на устланной сосновыми иглами земле перед баней, глядя как папа подрезает и закрывает на зиму цветы, и снова что-то пишет, сидя на ступеньках кухни. Иногда, (Степашка очень любил эти вечера, хотя ему и приходилось мыться и протирать лапы) папа зажигал камин, приносил сверху Счастливику и они молча сидели втроём у огня, жмурясь и позёвывая. Папа наливал что-то пахучее из стеклянной бутылки в стакан и макал туда печенье и ел его, причмокивая от удовольствия. Стёпе и Счастливику тоже доставалось печенье, но сухое. Стёпе было очень интересно, что же такое вкусное у папы в стакане и как-то раз, он уличил момент и лизнул тёмно-красную жидкость, которая хоть и была сладковатой, обожгла ему язык, и он долго фыркал

и чихал, а папа смеялся. Счастливчик теперь мало играл с ним. Он был сонным и спокойным и только изредка они резвились на веранде, пытаясь побороть друг друга и повалить на пол. Но Степашке нравилось и просто сидеть, тесно прижавшись к Счастливчику, и дремать в ожидании нового печенья.

По утрам, перед завтраком, они гуляли с папой по переулку. Это была первая, короткая прогулка, просто чтобы разогнать сон. Иней блестел на траве вдоль дороги, и потревоженные сороки взлетали из оставленных садов и кричали на них с крыш, а после, снова принимались хозяйничать на участках. Один раз, в конце переулка прошмыгнула лиса, но Стёпа не заметил её, а папа, не стал ему на неё показывать. У всех были свои дела, и папа старался не вмешиваться в них. У располневшей от дождя реки они останавливались и стояли немного. Вода была холодной и прозрачной, но рыб не было видно. Стёпа обнюхивал берег, чтобы удостовериться, что его «владения» никто не потревожил за ночь, разбрасывал лапами землю под ольхой, звонко гавкал в гулкой тишине, и они шли обратно. Завтракали они втроём. Счастливчик сонно зевал на кресле, выпятив свой округлившийся живот и сложив на нём лапки, и получив от папы горсть орехов, ягод и немного корма, неспешно ел, поглядывая сверху на Степашку, который трудился над своей полной миской. Стёпа всегда заканчивал первым и залезал на кресло к Счастливчику, который, стал заметно дружелюбнее по мере роста

своего живота и позволял Степашке подбирать орешки или кусочки корма, которые он уронил. Впрочем, если Степашка забывался, то малыш, как и прежде, хватал его за усы и отводил его морду в сторону, давая понять, что во время завтрака дружба замирает. Папа ел яичницу или кашу и запивал это кофе. Окна кухни запотевали, и казалось, что за окном густой туман, но там, как правило, светило солнышко и дул лёгкий ветерок. Поев, папа немного возился с малышом, который вяло попискивал, а потом относил его в дом. После, он немного копался в огороде, а затем они шли гулять и возвращались только к обеду, который, папа обычно пропускал и сразу уходил в дом, работать. Накануне, он разбудил мирно спавшего под навесом бани Стёпу своими криками. «Смотри, – кричал папа, показывая в небо и размахивая руками, – смотри, смотри, они улетают! Э-ге-гей! До свидания!» Стёпа поднял голову и посмотрел в небо, с которого доносились странные звуки, и увидел больших птиц, которые летели стройным клином. «До свидания, журавли! – кричал папа странным голосом, словно не зная радоваться ему или грустить. – Возвращайтесь скорей!» Стёпа не очень понял тогда, что произошло, но, на всякий случай, гавкнул и поспешил обратно, пока нагретое место не остыло. Ужинали они тоже втроём. Папа ставил самовар, вынимал из холодильника всякие вкусности и устраивал настоящий пир. Счастливчик немного оживал к вечеру и сновал туда-сюда по кухне, заглядывая под шкафы и обнюхивая всё вокруг.

Когда папа внезапно щипал его за спину, он подпрыгивал и принимал свою боевую позицию, поднявшись на задние лапки и подняв передние вверх. Его толстое брюшко сыто круглилось, и вид у него был забавный. Папа смеялся и в виде компенсации протягивал ему несколько ягод черники или жёлудь, которые Счастливчик очень любил. Но больше всего ему нравились орешки кешью. Папа зажимал их в ладони и малыш методично и кропотливо разжимал палец за пальцем на папиной руке, пока не добирался до лакомства. Очень довольный, он быстро съедал его, обнюхивал ладонь и вопросительно смотрел своими большими глазами на папу, который зажимал в кулаке следующий орех. Степашка был недоволен таким ходом дела и хмуро пыхтел рядом, скребя Счастливчика лапкой по спине. Папа смеялся и тоже давал ему что-нибудь, но совсем чуть-чуть и говорил, что «у вас разные режимы питания». Стёпа ничего не знал про режимы питания и продолжал скрести Счастливчика, требуя свою долю, и раздача орехов временно прекращалась. После ужина они ещё немного гуляли с папой по притихшим переулкам, переходя от одного круга фонарного света к другому. Ночи были тихие, и небо было усыпано мириадам звёзд, но Стёпу больше интересовали ежи, которые ещё попадались. Он неотрывно шёл за ними, шумно принюхиваясь и ворча, но не пытался обидеть их. Нагулявшись, Стёпа удобно устраивался на своей тёплой подстилке и засыпал, а папа, поднимался вверх и снова шелестел бумагами и стучал по кла-

вишам до глубокой ночи. Убаюканный этими звуками, Степашка спал без задних лап и не слышал, как наверху, Счастличик, в одиночку ест орехи, которые в перерывах между работой ему передаёт папа.

В канун приезда мамы и ребят, сразу после завтрака, Степашка привычно подбежал к калитке и нетерпеливо поскрёб её лапой, но папа не всё не шёл и не шёл, и он, у став ждать, решил посмотреть, чем он занят и поторопить его. Папы нигде не было видно, но дверь в сарай была открыта, и оттуда доносился звук пилы и стук молотка. Стёпа заглянул внутрь и увидел папу, который собирал большой ящик. Мелкие опилки залетели Степашке в нос, и он чихнул. Папа посмеялся и продолжил свое занятие, явно не собираясь идти гулять. Стёпа потоптался немного, не зная, чем себя занять, а потом ушёл. «Какие скучные у людей игры, – думал он, тщательно выискивая место для новой ямы. – Мы так хорошо гуляли, а сегодня, он сидит в этом маленьком домике и стучит и всё вокруг усыпано опилками, которые щекочут нос. Странно!» Степашка копнул немного в понравившемся ему месте одной лапкой, а после, примерившись, принялся рыть основательно и комья вырытой земли летели во все стороны, словно кто-то включил земляной фонтан. Он успел вырыть три ямы и дважды отгонял нахальных синиц от своей миски, когда папа, наконец, закончил и вытащил ящик наружу. Он погрузил его на телегу и повёз к дому. Там, он затащил его по лестнице и отнёс ящик в большую комнату.

Ни на что уже не рассчитывающий Стёпа лёжа наблюдал за ним, как вдруг, папа свистнул и снял с крюка поводок, которым, впрочем, редко пользовался.

– Ну, что, барбос?! Гулять пойдёшь?!

Стёпа не поверил своим ушам и привстал.

– Гулять, Стёпа! Идём! – повторил папа, хлопая себя по коленям.

Степашка помчался к калитке и вот они уже шагают по переулку, а потом, по тропинке, ведущей к полю. В этот раз они шли непривычным маршрутом, и вышли на поле с другой стороны, там, где на его пустынной глади высилось несколько стогов сена. Стёпа восторженно залаял и побежал вперёд. Он любил бегать вокруг стогов и пытаться забраться на их мягкие, пружинистые склоны. Но ещё больше, он любил проталкивать свой нос глубоко внутрь, так что только уши оставались торчать снаружи и внюхиваться в душистое сено, полное разных запахов. Где то в глубине стога копошились мыши. Он слышал их и чувствовал запах и его хвост приходил в движение, когда он пытался прорыть ход вглубь стога, то слежавшееся сено было плотным и едва ему удавалось хоть немного продвинуться, оно оседало и приходилось всё начинать сначала. Пока он внюхивался и бегал вокруг стогов, папа вытащил старую наволочку и натолкал в неё немного сухого сена. Потом они вдоволь повалялись на стогах и поиграли в догонялки вокруг них и двинулись домой. Уже у леса, папа обернулся и помахал кому-то рукой, как машут

на прощанье.

– До свидания! – негромко сказал он.

Стёпа тоже обернулся, но, никого не увидел, быть может потому, что он был маленького роста. Потом они дружно шагали по тропинке к дому, где папа, вопреки традиции устроил обед, а вечером, напившись чаю, рано лёг спать. А на следующее утро приехала мама с ребятами, и дом наполнился разговорами, смехом и суетой отъезда. Степашка бегал со всеми и участвовал во всех сборах, но он чувствовал, что это было не весеннее оживление прибытия, а осенний отъезд. Он тоже немного загрустил. Выйдя на улицу, он грустно подошёл к своей миске, на краю которой сидела синица и, вместо того чтобы залаять, уселся неподалёку, рассеянно глядя, как они ковыряются в остатках его завтрака. Осень была одна на всех, и для людей и для животных, и для поникших мокрых деревьев. Опечаленный, он вернулся в дом и уснул на меховых маминых тапочках, положив их под голову как подушку, а когда проснулся, в воздухе пахло обедом, и он побежал на кухню, что бы проверить, нет ли там, чего ни будь вкусенького. Пробегая мимо миски, он строго гавкнул на синиц и те стремглав упорхнули на ветви яблони. Затем он деловито поднялся по ступенькам и зашёл на кухню. Степашка не любил долго унывать, потому что иначе, можно было пропустить всё самое интересное и вкусное в этой жизни.

«Сейчас я быстренько перекушу, – решил он, – а потом,

пойду и выкопаю большую-пребольшую яму. А ещё, кажется, под домом завелась крыса, нужно всё хорошенько там проверить!...»

Глава 32

– Последний самовар, подумать только, – сказала мама, разливая чай. – Кажется, мы только вчера праздновали открытие сезона и вот, всё.

– Строго говоря, – сказал папа, – сезон закончился в августе, когда все дети разъехались. Дачи без детей, это не дачи.

– Я не хочу учиться, – сказала Варя, размешивая сахар. – Лето очень короткое. Так нечестно.

– После каникул всегда так, – сказал папа, – скоро выкнете.

– Я тоже не хочу, – сказал Серёжа. – Надо рано вставать и делать уроки. А на даче так хорошо!

– Вы оба просто обленились на даче, вот что я вам скажу, – сказала мама. – Дай вам волю, вы бы только и делали, что возились бы со Счастливчиком и бегали бы по переулку вместе со Степашкой. Это никуда не годиться!

– Но мы выучили английский! – сказал Серёжа. – Ты сама сказала!

– Я сказала, что у вас большие успехи, – ответила мама. – Хотя, сказать по правде, ума не приложу как вам это удалось.

– Ага, – воскликнул папа, – теперь ты признаёшь, что моя система обучения лучшая в мире?

– Не уверена насчёт «лучшей», – сказала мама, – но у них определённо существенные сдвиги. Хотя, конечно, им ещё

предстоит очень много потрудиться.

– Всё равно лето короткое и это нечестно, – снова сказала Варя, отхлёбывая чай.

– Лето тем и хорошо, что оно короткое, а иначе вы бы его не ценили, – сказал папа.

– Я бы ценила, – убеждённо сказала Варя. – Даже если лето было бы круглый год!

– Я бы тоже, – сказал Серёжа. – Какой толк в осени? Всё сыро и грязно и нужно идти в школу.

– Нет, ну это просто невозможно, – забеспокоилось мама. – Они растут лентяями!

– Я так не думаю, – сказал папа. – Когда я был маленький, я любил лето и дачу больше всего на свете. Я и сейчас люблю, но тогда особенно, потому что осенью всё заканчивалось, и нужно было ехать в Москву и идти в школу.

– И ты тоже не хотел учиться? – спросила Варя.

– Не-на-ви-дел, – сказал папа, под упрекающим взглядом мамы.

– Хорошенький пример ты им подаёшь, – сказала она.

– А почему нет, – сказал папа. – Ведь это правда, а правда не может навредить. И заметьте, мадам, я не стал лентяем и лодырем, напротив, я теперь работаю круглый год, и зимой и летом.

– И тебе не скучно? – спросил Серёжа.

– Нисколечко, – сказал папа. – Мы с мамой не скучаем, потому что мы занимаемся тем, что любим делать.

– А я не знаю, что я люблю делать, – сказал Серёжа. – Ну, кроме футбола и походов.

– Для этого и нужна школа, – сказал папа. – Ты всё попробуешь и выберешь то, что тебе по вкусу. Как твоя мама.

– А ты, как ты выбрал? – спросил мальчик.

– Ха, – усмехнулся папа, – это был долгий путь. Где я только не успел поработать, но ты знаешь, мне всегда хотелось писать.

– И чего же ты ждал?

– Сам не знаю, – сказал папа. – Просто ждал, а потом, понял, что ждать нечего и всё нужно делать самому. И я сел и стал писать и со временем, у меня всё получилось.

– Я тоже сначала всё попробую, – сказал мальчик.

– А я буду ветеринаром, – сказала Варя, размазывая джем по хлебу.

– Ты же хотела быть архитектором, – переполошилась мама.

– Я и буду архитектором, – сказала Варя. – А ещё, я буду ветеринаром. Я буду лечит собачек и кошечек и других зверюшек и жить на берегу океана!

– Ого! – сказал папа. – Пригласишь меня в гости?

– Да, – сказала Варя. – И маму, и Серёжу и бабушку с дедушкой. А Любу и Галю из нашего класса не приглашу, вот!

– И у какого же океана ты будешь жить, – спросила мама. Варя недоуменно почесала лоб, но потом её лицо засияло.

– У тёплого! – сказала она и принялась за второй бутерброд, на котором джема было втрое больше чем хлеба.

– Может и нам махнуть на океан, а? – спросил папа маму. – А что, продадим дачу и поселимся у моря.

– Я не против, – сказала мама. – Только я буду скучать по нашей даче. Тут всё такое родное, такое милое. Даже комары.

– Вот по ним я точно не буду скучать, – усмехнулся папа.

– А что со Счастливым, – спросил Серёжа. – Мы послезавтра уезжаем, кто будет за ним ухаживать.

– Думаю, дедушка с бабушкой, – сказала мама, глядя на папу.

Но папа лишь таинственно улыбнулся.

– Не переживайте за Счастливого, – сказал он. – С ним будет всё хорошо, как я и предполагал с самого начала.

– Мы отвезём его бабушке с дедушкой? – спросила Варя.

– Нет, – улыбнулся папа.

– Возьмём с собой в Москву? – предположил Серёжа.

– Не угадал, – смеялся папа. – У вас третья и последняя попытка.

– Оставим его здесь? – растерянно сказала мама.

– Бинго! – сказал папа.

– Но с кем? – спросила мама.

– Одного.

– Одного?! – воскликнули все. – Как одного? Где одного?

Каким образом одного?

– Тихо, тихо, тихо, – сказал папа, поднимая руки. – Не все

сразу.

– Расскажи же скорей! – сказала Варя.

– Мне будет проще вам показать, – сказал папа. – Допивайте чай и пойдёмте в дом. Там всё увидите.

– Ох, как ты любишь устраивать спектакли, – сказала мама, которой самой было страшно любопытно, но она старалась не подавать виду.

– Закрытие сезона, это финал большого представления и он должен быть соответствующим! – сказал папа. – За мной, друзья.

Они зашли в дом и поднялись на второй этаж. Папа остановился у большого ящика, накрытого тканью.

– Вот, – сказал он. – Это берлога Счастливого.

– Как? – удивилась мама. – Ты же сказал, что это домик, в котором он будет жить у бабушки в доме.

– Я и сам так думал до некоторого момента, – сказал папа. – Конечно, я предполагал такой вариант, но у меня не было доказательств, а теперь же, смотрите. Только тихо!

Он откинул ткань, снял фанерную крышку утеплённую войлоком и отошёл в сторону. Внутри, в гуще сухого сена, смешанного с сухими листьями и опилками свернувшись калачиком, мирно спал Счастливчик.

– Я не понимаю, – шёпотом сказала мама. – Малыш спит в новом домике, но что это объясняет?

– А то, – сказал папа, что он спит уже вторые сутки, и это не просто сон, а зимняя спячка, как у медведей или барсу-

ков.

– Ты уверен? – спросила мама, снова заглядывая внутрь коробки.

– Теперь, абсолютно, – сказал папа. – Было много признаков, косвенно указывающих, что это произойдёт, но я не мог быть уверен до конца.

– И он будет так спать до весны? – спросила Варя.

– Да, если ничего не случится, – сказал папа. – До самой весны.

– А если он проснётся? – спросил Серёжа. – Такое может быть? Мы же так и не знаем кто он такой.

– Такое действительно может случиться, – закивал головой папа. – Смотрите, я всё предусмотрел. Во-первых, крышка, как вы видите, очень тёплая, но при этом необычайно лёгкая, он без труда сможет выбраться оттуда, если захочет. Во-вторых, мы оставим ему вдоволь сухого корма и воды, а в третьих, я попрошу дедушку заезжать сюда время от времени весной и проверять, не нужна ли малышу помощь.

– А он не замёрзнет? – спросила Варя. – Зимой будет холодно.

– Нет, – сказал папа. – Он будет в доме, где сухо и нет ветра. Ящик отлично утеплён со всех сторон и в нём очень тепло. Помимо этого, в нём сено и опилки. Но главное, это тот слой жира, который Счастливчик успел накопить. Жалко вы не успели поддержать его на руках, он стал уморительно пухлым! Я давал ему много жирных орехов последний месяц, и

он набрал достаточно, что бы переждать самую суровую зиму, какую только можно представить в наших краях. Я поставил ящик тут временно, до нашего отъезда. Просто внизу топиться печь и он бы не заснул, а тут прохладно и природа взяла своё. Собственно он уснул ещё в своём чулане, под грудой ткани и я перенёс его в домик. Перед отъездом, я спущу ящик вниз, и мы поставим его в маленькой комнате. Там ему будет теплее всего и, если вдруг он выберется раньше срока, ему там нечего будет испортить...

– Мы даже не попрощались, – расстроилась Варя. – Можно я хоть поглажу его?

– Конечно, – сказал папа. – Он ещё не до конца уснул и ворочается, но скоро, я уверен, впадёт в спячку окончательно.

Варя с Серёжей наклонились над Счастливым и погладили его. Папа с мамой деликатно отошли, чтобы не мешать ребятам, а потом, сделали вид, что не заметили, что у Серёжи блестят глаза и он трёт их кулаком. Варя же не скрывала своих слёз, и некоторые упали прямо на зелёную шерстку малыша.

– Пока, мой хороший! – сказала она. – Мы будем очень скучать!

– Просыпайся скорей, – сказал мальчик. – Мы будем ждать.

– Я сейчас сама расплачусь, – сказала мама, когда тоже заглянула в домик и погладила Счастливого.

Потом они спустились вниз и сели в комнате. Стёпа по-

скрёбся к ним, и мама пустила его внутрь, забыв вытереть лапы. Степашка улёгся на ковёр у ног Вари и сладко задремал. Было тихо и только ветки сосны скреблись по крыше.

– Он ведь проснётся, да? – спросила Варя то, что было у всех на уме. – Он обязательно должен проснуться!

– Он проснётся, не переживай – сказал папа. – С ним всё будет хорошо и я просто уверен, что в следующем году, мы узнаем о нём много, много нового. А пока, нам остаётся набраться терпения, друзья мои. Терпения и надежды.